

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 25, № 1*

Вологда • 2021

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Лукин Е.В.

Проблемы структурной трансформации региональной экономики
в исследованиях ВолНИЦ РАН.....7

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Калачикова О.Н., Короленко А.В., Боброва А.Г.

Демографическое развитие России и Беларуси в XXI веке
в контексте внедрения концепции активного долголетия.....29

Жестянников С.Г.

Общественное участие как инструмент развития территории
(из опыта Вологодского муниципального района Вологодской области).....52

Басова Е.А.

Доступность здравоохранения как фактор устойчивого
социально-экономического развития территорий.....68

Уханова Ю.В.

Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального
сообщества (социологическое исследование в российских регионах).....88

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Решетникова Е.Г.

Региональная дифференциация уровня жизни: вызовы времени 108

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Кожевников С.А.

Инновационное развитие Европейского Севера России в контексте интеграции
экономического пространства страны..... 123

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Ковалева Т.Ю., Базуева Е.В., Симонян Е.Р.

Модель управления рисками международных кластерных проектов
как элемент системы риск-менеджмента территориальных кластеров 138

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики:

ноябрь 2020 года 157

Мониторинг социального самочувствия населения

Вологодской области в 2020 году 169

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Конференции, заседания, семинары 179

Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН 181

Правила для авторов 184

Информация о подписке 187

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

Lukin E. V.

Structural Transformation Problems of the Regional Economy
in the Studies of VolRC RAS7

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Kalachikova O.N., Korolenko A.V., Bobrova A.G.

Demographic Development of Russia and Belarus in the 21st Century in the Context
of the Introduction of the Active Longevity Concept29

Zhestyannikov S.G.

Public Participation as Tool for Territory Development
(Experience of the Vologda Municipal District of the Vologda Oblast)52

Basova E.A.

Accessible Health Care as a Factor of Sustainable
Socio-Economic Development of Territories68

Ukhanova Yu. V.

Collective Practices and Potential for Civic Participation of Local Community
(Sociological Research in Russian Regions)88

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Reshetnikova E.G.

Regional Differentiation of Living Standards: Challenges of Time..... 108

INNOVATION POTENTIAL OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Kozhevnikov S.A.

Innovative Development of the Russian North in the Context of Integration
of the Country's Economic Space 123

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Kovaleva T. Yu., Bazueva E. V., Simonyan E.R.

Risk Management Model of International Cluster Projects as an Element
of the Risk Management System of Territorial Clusters..... 138

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the economy: November 2020	157
Monitoring of the social well-being of Vologda Oblast residents in 2020.....	169

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

Conferences, Meetings, Seminars	179
New VolRC RAS issues	181
Guidelines for the authors	184
Subscription information	187

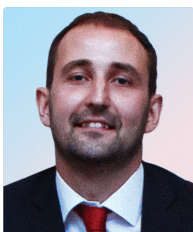

DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.1

УДК 332.13 | ББК 65.05+65.2/4

© Лукин Е.В.

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВОЛНЦ РАН¹

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛУКИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: lukin_ev@list.ru

ORCID: [0000-0002-1159-281X](https://orcid.org/0000-0002-1159-281X); ResearcherID: [I-8183-2016](https://publons.com/urn:li:member:18183-2016)

Переход российской экономики в 1990-х гг. на рыночный путь развития осуществлялся с помощью проведения либеральных экономических реформ, результатами которых стали деиндустриализация национальной экономики, ее сырьевая ориентация, усиление дегенеративных тенденций в технологической структуре. На современном этапе российскую экономику подрывает еще и санкционная война. Задача достижения высоких темпов экономического роста, позволяющих России оставаться в числе мировых лидеров, неоднократно озвучивалась первыми лицами государства. Однако особую актуальность она приобрела в последние пять лет, когда экономика практически перестала расти. Современной российской экономике присущи сырьевой характер, неэффективное развитие традиционного сектора, стагнация состояния большинства высокотехнологичных отраслей гражданского назначения, низкий платежеспособный спрос населения, недостаточные инвестиции в основной капитал, высокая региональная дифференциация. Одна из главных причин сложившейся ситуации – структурная деформация экономики, предопределенная диспропорциями, унаследованными от экономики советского периода, воздействием трансформационного кризиса в ходе либерального экономического реформирования, проводимой в настоящее время структурной политикой. Цель нашей работы заключается в подготовке обзора и систематизации исследований, выполненных сотрудниками ВолНЦ РАН, по проблемам

Для цитирования: Лукин Е.В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики в исследованиях ВолНЦ РАН // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.1

For citation: Lukin E.V. Structural transformation problems of the regional economy in the studies of VolRC RAS. *Problems of Territory Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.1

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

структурной трансформации экономики на региональном уровне. Показано, как формировалась тематика исследований, представлены основные научные результаты, рассмотрен круг задач на перспективу.

Региональная экономика, сельское хозяйство, промышленность, потребительский сектор, структурная трансформация, государственное управление, методический инструментарий.

Введение

Среднегодовой темп прироста российской экономики в последние 10 лет (2011–2020 гг.) составил 1,1%. По сравнению с предыдущим десятилетием (2001–2010 гг.) он замедлился более чем в четыре раза (тогда экономика ежегодно прирастала в среднем на 4,8%). В качестве основной системной причины низких темпов экономического роста принято считать структурную несбалансированность экономики, которая проявляется в преобладании экспортоориентированных сырьевых отраслей, депрессии производства конечной продукции, деградации сферы выпуска машинных средств производства, низком спросе на фундаментальную и прикладную науку, слабой материально-технической базе образования, здравоохранения и т. д.

Учет структурного компонента в управлении экономикой в настоящее время выступает консенсусом в развернувшейся в экспертной и политической среде дискуссии о механизмах обеспечения экономического роста в стране. О важности структурных реформ неоднократно заявляли представители экономической власти: министр экономики М.Г. Решетников², председатель Правительства М.В. Мишустин³, председатель Центрального банка Э.С. Набиуллина⁴ и др. Вопросы структурной перестройки экономики на разных фазах ее динами-

ки на протяжении многих лет активно обсуждаются научным сообществом [1–9]. Характеризуются вызовы, стоящие перед российской экономикой, предлагаются сценарии, стратегии и механизмы обеспечения роста, возможности бюджетного маневра и т. д. При этом региональный уровень остается малозатронутым, хотя для него эти вопросы также актуальны.

Существенный вклад в развитие теоретико-методологических аспектов структурной трансформации региональной экономики вносят исследователи Вологодского научного центра РАН.

Цель представленной работы заключается в подготовке обзора и систематизации исследований, выполненных сотрудниками ВолНЦ РАН, по указанной проблематике. Материал излагается в соответствии с логикой теории общественного воспроизводства. Согласно ей основой ресурсов экономики является производство, в процессе которого создаются товары и услуги, а также добавленная стоимость, которой в свою очередь соответствуют первичные доходы – оплата труда работников, налоги государства и прибыль предприятий (*рис. 1*). После их распределения и перераспределения образуются располагаемые доходы субъектов хозяйствования, расходуемые на конечное потребление и валовое накопление. Разница между про-

² «Если в апреле – мае была логика перетерпеть, то сейчас задача – адаптироваться к тому, что есть. Понятно, что в следующем году будет восстановительный рост и наша задача – думать не просто о восстановительном росте – как быстрее (расти – ИФ), но и о структурных изменениях – сейчас самое время этим заняться» (источник: Решетников заявил о серьезных рисках для 100 системообразующих компаний РФ // Интерфакс. 2020. 1 декабря. URL: <https://www.interfax.ru/business/739398>).

³ «Правительство завершает работу над проектом общенационального плана действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике» (источник: Мишустин: правительство намерено перезапустить позитивные процессы в экономике // ТАСС. 2020. 23 сентября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9529533>).

⁴ «Если цена на нефть выше – мы можем расти чуть быстрее, но тем не менее при любой цене наша оценка такова: без структурных преобразований мы стабилизируемся на планке 1,5–2 процента» (источник: Набиуллина призвала провести структурные реформы ради роста экономики // Lenta.ru. 2017. 5 апреля. URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/05/reform>).

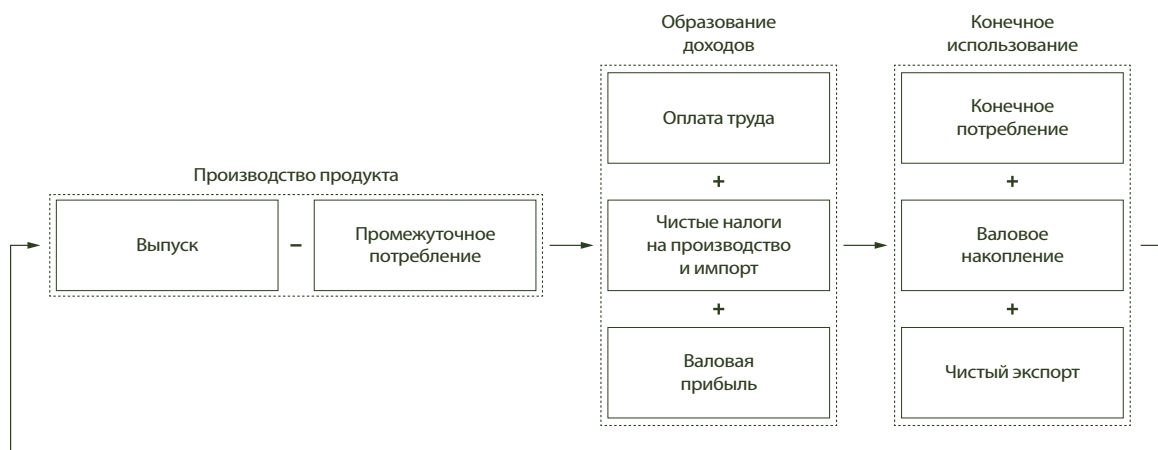

Рис. 1. Упрощенная схема формирования и использования доходов в экономике

изводством и конечным использованием балансируется за счет экспорта и импорта.

Соответственно, под структурой экономики понимаются функциональные связи между отдельными ее элементами, определяющие количественные и качественные характеристики развития, на разных этапах воспроизводственного процесса, а под структурной трансформацией экономики – изменение этих связей.

Исследование проблем производственного сектора и поиск отраслевых драйверов региональной экономики

При создании ВолНЦ РАН в 1990 году в качестве магистральных направлений его деятельности были закреплены исследования проблем регионального хозяйственного механизма в условиях перехода к рыночной экономике; хозяйственного механизма предприятий и объединений Вологодской области с учетом развития предпринимательской деятельности и социально-экономического развития региона на длительную перспективу. В дальнейшем спектр рассматриваемых центром вопросов и география исследований существенно расширились (вплоть до макроэкономических проблем и странового уровня), однако региональная проблематика осталась основной. При этом плацдармом для апробации научных изысканий часто служила экономика Вологодской области. Сотрудниками ВолНЦ РАН анализировались трансформационные

процессы в экономике в различные периоды ее динамики (рис. 2).

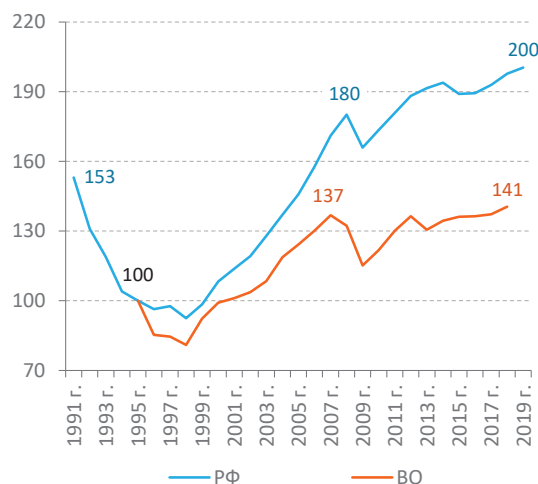

Рис. 2. Динамика валового продукта РФ и Вологодской области, % к уровню 1995 года
Источник: рассчитано на основе данных ЕМИСС.

Результатом исследований начала 1990-х гг. на фоне старта в стране рыночных преобразований (базирувавшихся, как известно, на либерализации внутренней и внешней торговли, введении свободного ценообразования и массовой приватизации) стал выход монографии «Вологодская область: движение к рынку» [10] (В.А. Ильин, А.А. Пашко, М.Ф. Сычев). В ней был представлен обзор основных показателей состояния хозяйства Вологодской области, с которыми она вступила в рыночную эпоху, а также дана характеристика первых, во многом негативных, итогов реализации рыночных реформ в региональной экономике.

Преобладание реального сектора в структуре вологодской экономики (табл.) закономерно обусловило исследовательский интерес к проблемам развития промышленности, сельского и лесного хозяйства, строительства.

В монографии «Модернизация промышленного сектора региона» (В.А. Ильин) [11] проанализированы последствия экономических реформ в различных отраслях индустрии области, охарактеризованы первоочередные задачи по переходу промышленности региона на траекторию поступательного высокоэффективного роста, обеспечивающего повышение жизненного уровня населения, предложены конкретные организационные механизмы для преодоления тенденций кризисного развития, экономической модернизации в целях ускоренного роста эффективности производственного сектора. Продолжением данного исследования выступили монографии О.С. Москвиной «Промышленная политика – ядро модернизации экономики» [12] и Л.Г. Иогмана «Организационно-экономические основы модернизации промышленности региона» [13]. В них рассмотрены методологические аспекты формирования промышленной по-

литики на региональном уровне в условиях рыночного хозяйствования, обоснованы целевые ориентиры, задачи и направления региональной промышленной политики на долгосрочную и среднесрочную перспективу, даны рекомендации по совершенствованию экономических и организационных механизмов, обеспечивающих модернизацию промышленного комплекса региона.

К концу 1990-х годов в силу разнонаправленной динамики развития отдельных отраслей усилилась проблема слабой диверсификации экономики Вологодской области. По данным Вологдастата, за 1991–1998 гг. спад в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отрасли составил 44%, пищевой – 54%, производстве стройматериалов – 73%, легкой промышленности – 85%. Черная металлургия сократила объемы производства на 32%, машиностроение и металлообработка – на 31%, а химическая отрасль нарастила на 7%. Как результат, удельный вес черной металлургии в обрабатывающей промышленности в рассматриваемый период увеличился с 47 до 62%, химической – с 8 до 13%, в то время как доля машиностроения и металлообработки уменьшилась с 11 до 6%, лесной, деревообрабатывающей и

Таблица. Отраслевая структура экономики РФ и Вологодской области в 2018 году, % к итогу

Вид экономической деятельности	Россия	ВО
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3,6	4,1
Добыча полезных ископаемых	13,2	0
Обрабатывающие производства	14,4	42,4
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	3,2	3,5
Строительство	5,7	6,5
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	13,9	12,2
Транспортировка и хранение	6,5	11,4
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,9	0,6
Деятельность финансовая и страховая	4,3	0,3
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	9,4	2,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	7,4	4,7
Образование	3,1	2,3
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3,3	3,6
Прочее	11,1	5,7
Источник: данные Росстата.		

целлюлозно-бумажной отрасли – с 13 до 6%, легкой промышленности – с 8 до 1%. На две ведущие отрасли в 1998 году приходилось 75% отгрузки обрабатывающей промышленности региона (для справки – к 2018 году их удельный вес вырос до 81%; *рис. 3*).

Рис. 3. Структура обрабатывающих производств Вологодской области в 2018 году, % к итогу

Источник: рассчитано на основе данных ЕМИСС.

Проблема диверсификации экономики области в региональном правительстве начала обсуждаться еще в 1998 году, когда был сформирован интегрированный пакет видения будущего развития экономики, включающий в себя миссию, доктрину и протоконцепцию. В дальнейшем идея диверсификации нашла отражение в Концепции стратегии (2004 год) и в Стратегии социально-экономического развития Вологодской области (2010 и 2016 гг.). Реагируя на происходящие в экономике трансформации, ученые ВолНЦ РАН особое внимание сосредоточили на исследованиях, связанных с поиском резервов для повышения эффективности машиностроительного, лесопромышленного, агропромышленного и строительного комплексов региона, развития потребительского сектора.

Анализу проблем функционирования машиностроительной отрасли промышленно-

сти Вологодской области, приоритетам наращивания вклада машиностроительных производств в социально-экономическое развитие региона, оценке инновационных процессов в машиностроении посвящены труды В.В. Митенева и О.С. Москвиной [14–17]. Стратегические и тактические подходы к преодолению кризисного состояния, развитию и реструктуризации лесопромышленного комплекса, управлению его инновационным развитием предложены в работах [18–23] (В.В. Грачев, В.А. Ильин, М.Ф. Сычев, А.С. Шулев, М.М. Поляков, М.А. Куковеров, А.В. Козлов, З.С. Миронова, Т.Н. Статеева, Р.Ю. Селименков, А.И. Тукмачева, А.В. Миронов). Актуальные вопросы развития агропромышленного комплекса области (в том числе молочного животноводства, легкой промышленности), оценка его современного состояния, выявление проблем, предпосылок и ресурсных возможностей развития, определение целевых ориентиров и приоритетов развития на долгосрочную перспективу, обоснование путей и этапов их достижения, обеспечение продовольственной безопасности отражены в трудах [24–32] (А.А. Пашко, М.Ф. Сычев, В.А. Ильин, Т.В. Ускова, О.С. Москвина, Р.Ю. Селименков, А.Н. Чекавинский, А.Н. Анищенко, С.А. Кожевников, Н.А. Фриева, Т.Г. Смирнова, С.А. Селякова, Е.Н. Кожина). Проблемы стратегического управления предприятиями строительной отрасли, становления и развития в регионах жилищно-ипотечного рынка освещались в исследованиях К.А. Задумкина, О.Н. Гординой [33–35].

С 2000-х годов на фоне растущих доходов от экспорта углеводородов и продукции первых переделов сырья как на общероссийском, так и на региональном уровне наступила фаза экономической, политической и социальной стабилизации. Улучшилось социальное обеспечение, вырос уровень жизни населения. Одновременно в ВолНЦ РАН расширились и углубились исследования, связанные с проблемами обеспечения комплексного экономического развития территорий, формирования структуры регионального хозяйства, адекватной потребностям

населения. В частности, оценен уровень производства и потребления рыночных услуг населением Вологодской области, определены основные направления развития розничной торговли, общественного питания и бытового обслуживания [36–39] (В.А. Ильин, С.А. Селякова, О.С. Москвина, Т.В. Ускова, Л.В. Костылева, К.А. Гулин, Т.В. Воронцова, О.И. Попова, А.С. Барабанов). Особое внимание ученые сосредоточили на оценке коммунальной инфраструктуры, жилищного фонда, тарифном регулировании, идентификации способов развития жилищно-коммунального хозяйства региона [40; 41] (Т.В. Ускова, А.С. Барабанов, С.А. Кожевников).

В качестве перспективного драйвера региональной экономики рассматривается развитие внутреннего и въездного туризма. Сотрудниками ВолНИЦ РАН проведена сегментация туристского рынка области с учетом потребительских предпочтений потенциальных рекреантов, проанализировано влияние функционирования туристского сектора на экономическое и социальное положение региона, дана прогнозная оценка развития туризма на Вологодчине на ближайшую и среднесрочную перспективу [42–45] (В.А. Ильин, Ю.Н. Плеханов, Т.В. Ускова, С.А. Селякова, Л.В. Дубиничева, К.В. Марков, Е.Н. Богачева, Н.В. Анчукова, О.С. Москвина, В.С. Орлова, А.В. Величкина).

Таким образом, ученые ВолНИЦ РАН рассматривают широкий спектр проблем производственной стадии воспроизводственного процесса, обосновывают отраслевые драйверы экономики, исследуют механизмы повышения эффективности от реализации их потенциала.

Исследование проблем формирования доходов в региональной экономике

Образованные в процессе производства первичные доходы, по данным Росстата за 2019 год, распределяются в российской экономике следующим образом: 46% идет на оплату труда наемных работников, 43% – на валовую прибыль производителей и валовые смешанные доходы некорпорирован-

ных предприятий, принадлежащих домашним хозяйствам, 11% – на чистые налоги на производство и импорт, получаемые государством. В ВолНИЦ РАН анализируются все эти источники доходов, оценивается их влияние на социально-экономическое развитие территорий.

Благосостояние населения и отдельные его компоненты рассматриваются А.А. Шабуновой, А.И. Россошанским и Г.В. Белеховой [46]. Они анализируют уровень материального благосостояния людей, фиксируют масштабные диспропорции в доходах и потреблении между регионами, отраслями и социальными группами. На основе соцопросов определена готовность людей к процессам социально-экономической модернизации и указаны факторы, препятствующие этому. Дан прогноз направлений увеличения материального благосостояния населения на ближайшую и среднесрочную перспективу.

Визитной карточкой ВолНИЦ РАН является исследование роли частного капитала в развитии территорий, формировании бюджетных доходов и фонда накопления, выполняемое под научным руководством В.А. Ильина. В трудах А.И. Поваровой, М.Ф. Сычева и Е.Д. Копытовой [47–51] оценивается производственно-финансовая деятельность крупных субъектов черной и цветной металлургии, химии, добычи нефти и газа России с точки зрения влияния экономических интересов собственников корпораций на устойчивое социально-экономическое национальное и региональное развитие; разрабатываются методические подходы к анализу отчетности вертикально-интегрированных структур по международным и российским стандартам; дается оценка влияния структурной трансформации российских корпораций на результаты их деятельности и взаимоотношения с бюджетной системой; приводится обоснование возможности согласования интересов крупных собственников с интересами основной массы граждан российских территорий, на которых функционируют предприятия корпораций, общими интересами страны. В работах даны предложения по преодолению олигархи-

ческой сущности и содержания, проявляющихся в деятельности российских корпораций. Основные из них касаются мер законодательного характера в части установления налогов на вывоз капитала, введения единой ставки налога на дивиденды, отмены возврата экспортного НДС, пересмотра администрирования налога на прибыль, совершенствования ценовой политики в отношении крупного бизнеса.

Ведущую роль относительно исполнения обязательств перед населением, поддержания социального спокойствия и обеспечения занятости играет сбалансированность бюджетно-налоговой системы региона. В разные годы вопросы функционирования данной сферы и организации межбюджетных отношений местного и регионального уровней, бюджетно-финансовой безопасности, развития ипотечного жилищного кредитования, формирования рынка страховых услуг поднимались Т.В. Усковой, А.Е. Прокофьевым, Е.А. Дурновой, Л.В. Костылевой, С.Н. Дубовым, Е.Н. Степановой, А.И. Поваровой, М.А. Печенской-Полищук, А.В. Галухиным, В.С. Орловой [52–56].

В целом в ВолНЦ РАН накоплен значительный опыт исследования различных аспектов, касающихся формирования доходов в региональной экономике всех ключевых экономических агентов – населения, органов государственной власти, бизнеса – и механизмов регулирования данной сферы.

Исследование проблем конечного использования доходов в экономике

Пропорции распределения доходов в экономике во многом определяют структуру их использования и соотношение в ней конечного потребления и накопления. Так, характерное для Вологодской области смещение источника доходов с предпринимательской деятельности на оплату труда работников обуславливает изменение структуры их использования. В 1995–2018 гг. стала доминировать тенденция роста доли конечного потребления в структуре использования ВРП (в 1995 году – 50% ВРП, в 2018 году – более 56%).

Указанные процессы можно оценивать по-разному: с одной стороны, как позитивный факт, учитывая низкий уровень душевых потребительских расходов (регион занимает последнее место в СФЗО и в 1,7 раза уступает среднестрановому уровню) и негативную динамику заработной платы работников в последние годы; с другой стороны, занижается удельный вес валовых сбережений и сдерживается развитие возможностей для накопления и инвестирования. В связи с этим анализ структурных пропорций конечного использования доходов в экономике на разных периодах экономической динамики видится крайне актуальным.

Проблему поиска, выявления и обоснования направлений по стимулированию конечного потребления в региональной экономике изучает Е.Г. Леонидова. В ее работах обобщаются и развиваются теоретико-методологические аспекты исследования конечного потребления в контексте сбалансированного развития экономики, анализируются особенности конечного потребления в региональной экономике и выявляются факторы, определяющие его динамику, оцениваются перспективы развития региональной экономики на основе стимулирования конечного потребления, предлагается методический инструментарий его регулирования [57; 58].

Различным аспектам накопления капитала в экономике региона посвящены труды Е.С. Губановой, Э.О. Орловой, П.М. Советова, Т.В. Усковой, А.И. Поваровой, В.С. Орловой, Н.М. Румянцева [59–63]. В них оценен уровень инвестиционной деятельности в региональной экономике, проанализированы факторы, влияющие на ход инвестиционных процессов, проведено сравнение инвестиционного потенциала муниципальных образований. Рассмотрены методологические и методические вопросы, связанные с обоснованием и выбором отраслевых и территориальных приоритетов инвестирования, оценкой эффективности и активизации инвестиционной деятельности. Указаны методологические подходы и методический инструментарий повышения финансовой

самостоятельности муниципалитетов, предложены механизмы инвестиционного взаимодействия бизнес-структур и местного самоуправления. Кроме того, оценены перспективы и возможности использования финансов домохозяйств в качестве инвестиционных ресурсов экономики, определены основные пути повышения инвестиционной активности населения.

Вопросы формирования ресурсов экономики региона и направления его продукции для производственного и конечного потребления в рамках межрегиональной и внешнеторговой деятельности освещаются в трудах [64–68] (Т.Г. Смирнова, Е.В. Лукин, Е.Ю. Широкова). Авторы на основе экономического анализа выявляют особенности межрегиональной и внешней торговли старопромышленных регионов, определяют вклад различных форм сотрудничества в региональное развитие, оценивают внутренний и внешний спрос, итоги политики импортозамещения и влияние санкций на торговлю, перспективы наращивания поставок продукции региона на внешние для него рынки. Предложен методический инструмент модернизации межрегионального и внешнеэкономического торгового сотрудничества.

Таким образом, специалисты ВолНЦ РАН анализируют состояние и тенденции развития региональной экономики, идентифицируют основные структурные ограничения ее роста на всех стадиях воспроизводственного процесса. На производственной стадии к таким ограничителям можно отнести упрощение структуры экономики, сокращение в ней роли товарного производства на фоне увеличения износа основных фондов и утраты конкурентоспособности выпускаемой продукции. При формировании доходов, в свою очередь, наблюдаются чрезмерное доминирование ряда отраслей первичных переделов, оптимизация налоговых платежей, замедление роста благосостояния населения. На стадии конечного использования доходов особо выделяются такие проблемы, как отраслевой диспаритет в распределении инвестиций, отставание нормы накопления

от нормы сбережения (т. е. слабая трансформация сбережений в накопления), сокращение внутреннего потребительского спроса, слабая диверсифицированность структуры внешней торговли. Все это позволяет прийти к выводу о недостаточном регулировании сферы общественного воспроизводства и необходимости структурной трансформации региональной экономики. В настоящее время существуют сложности в ее отраслевой и воспроизводственной структуре, в структуре инвестиций, внешней торговли, конечного потребления и сбережения.

Обоснование направлений и механизмов структурной трансформации региональной экономики

Региональная экономика находится в состоянии структурно-технологического неравновесия, сдерживающего устойчивую экономическую динамику. Оно характеризуется непропорциональным распределением финансовых ресурсов и факторов производства. В связи с этим важным элементом экономической политики является структурная политика, способствующая повышению качества экономического роста. Она выполняет функцию механизма перехода от поддержания экономического роста к достижению устойчивой экономической динамики и повышению качества жизни населения [69]. Исследования дают возможность сформировать комплекс направлений структурной экономической политики региона [70; 71].

Прежде всего это стимулирование модернизации производства с целью увеличения доходов всех экономических агентов и их дальнейшего использования для усложнения структуры экономики. Для решения этой задачи в работе [72] (Е.В. Лукин, С.А. Кожевников, А.Е. Мельников) обоснована необходимость проведения новой индустриализации, выявлена роль вертикальной интеграции в развитии промышленного сектора экономики, доказано, что преодоление системного кризиса требует активного включения государства в регулирование

воспроизводственных процессов, обоснованы приоритетные направления по совершенствованию промышленной политики в контексте новой индустриализации. При этом обеспечение качественного роста региональной экономики невозможно без ее перевода на инновационный путь развития. В трудах [73–80] (В.А. Ильин, Л.Г. Иогман, Е.С. Губанова, К.А. Гулин, К.А. Задумкин, И.А. Кондаков, С.В. Терехова, Е.А. Мазиллов, В.Н. Маковеев) выявлены проблемы развития инновационной деятельности, предложены направления и механизмы активизации инновационных процессов в регионе, рассмотрены пути расширенного воспроизводства научно-технического потенциала региона. К.А. Гулиным, Е.А. Мазилловым, Д.А. Алферьевым и Ю.О. Ушаковой [81] детально проработан один из методов стимулирования прикладных исследований и разработок в российских регионах – создание региональных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Формирование таких фондов позволит увеличить внутренние объемы затрат на исследования и разработки в расчете на душу населения в среднем по субъектам РФ в объеме до 2,55 раза.

В исследованиях Т.В. Усковой, А.С. Барбанова, Е.А. Гутниковой и С.А. Кожевникова [82–84] обоснована необходимость совершенствовать управление региональной конкурентоспособностью, разработаны концептуальные предложения по формированию методики оценки, а также механизма управления конкурентоспособностью регионов, доказана важность проведения территориального маркетинга и создания кластеров.

Для корректировки структуры формирования доходов в региональной экономике Е.Д. Копытова [85] предлагает развивать социальную ответственность как форму взаимодействия органов власти, бизнеса и гражданского общества. Сформирована концепция развития социальной ответственности в регионе, показана роль проектного подхода в ее реализации. В работе [86] (В.А. Ильин, М.В. Морев, А.И. Поварова) на основе анализа взаимодействия металлур-

гических корпораций с бюджетной системой сформулированы направления корректировки распределительной политики государства, результатом которой станет рост поступления налогов в федеральный и региональные бюджеты. В качестве важного источника наращивания доходов населения в трудах [87–89] (В.А. Ильин, С.В. Терехова, О.В. Подолякин, В.С. Усков, С.Ю. Егорихина, А.Е. Кремин) рассматривается развитие малого предпринимательства, дается характеристика экономических и социальных аспектов его функционирования, обосновываются направления и механизмы развития малого предпринимательства региона.

Решению проблемы слабого внутреннего спроса, депрессии производства конечной продукции и деградации производства машинных средств производства будет способствовать развитие цепочек создания стоимости в национальной экономике. Е.В. Лукин, М.А. Сидоров анализируют состояние и тенденции развития цепочек создания стоимости в технологическом и пространственном аспектах, отраслевую специализацию территорий в цепочках создания стоимости и перспективы их трансформации, разрабатывают агент-ориентированную межотраслевую модель функционирования цепочек создания стоимости в трехрегиональной экономике, учитывающую фактор межрегионального взаимодействия агентов, оценивают экономические эффекты для экономики регионов от трансформации цепочек создания стоимости [90; 91].

Механизмы организации системы управления структурной трансформацией региональной экономики должны базироваться на стратегическом планировании. В ВолНЦ РАН накоплен значительный опыт разработки концептуально-стратегических документов по ключевым вопросам перспективного развития региона. В работах [92–95] под руководством В.А. Ильина охарактеризованы элементы, которые формируют проблематику, предпосылки, ресурсные возможности регионального развития; определены главные целевые ориентиры экономического и социального раз-

вития региона на перспективный период, обоснованы пути и этапы их достижения; рассмотрены стратегические аспекты интенсификации инвестиционного процесса, повышения эффективности функционирования производственных комплексов – лесопромышленного, машиностроительного, аграрного; выделены ключевые вопросы решения социальных проблем; оценена потребность в финансовых ресурсах для реализации стратегических задач; освещены механизмы и методы эффективного управления региональным развитием. В трудах [96–99] (А.Н. Зуев, Т.В. Ускова, Д.П. Жаравин, Н.А. Пахолков) отдельно исследуются проблемы организации планирования и управления социально-экономическим развитием муниципального образования. При этом для обоснования экономической политики и прогнозирования ключевых индикаторов региональной социально-экономической системы используются методы нейросетевого, межотраслевого и агент-ориентированного мо-

делирования [100–103] (А.Е. Прокофьев, Е.Н. Степанова, Е.В. Лукин, М.А. Сидоров, Т.С. Аносова).

В заключение отметим, что перспективы развития научного направления в ВолНЦ РАН видятся в разработке научно-методических основ формирования системы управления экономикой региона в условиях ее структурной трансформации и выборе наиболее адекватных методов; разработке принципов прогнозно-аналитического обоснования мер региональной экономической политики (в том числе оперативного мониторинга развития экономики) и комплексного инструментария структурного моделирования, позволяющего обосновывать региональную экономическую политику как на уровне экономики в целом, так и в рамках взаимодействий отраслевых комплексов и видов экономической деятельности в межрегиональных цепочках создания стоимости. Ученые ВолНЦ РАН продолжают исследования в целях научно-методического обеспечения социально-экономических процессов в регионах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганбегян А. Почему экономика России топчется на месте? // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 11–27.
2. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 2. С. 3–29.
3. Губанов С.С. От экспортно-сырьевой модели к неиндустриальной экономической системе // Экономическое возрождение России. 2015. № 4 (46). С. 48–59.
4. Ивантер В., Порфирьев Б., Широков А. Структурные аспекты долгосрочной экономической политики // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 27–34.
5. Кудрин А., Соколов И. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 5–27.
6. Миркин Я. Российская экономика: вызовы, сценарии, стратегия роста // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 67–74.
7. Селищева Т.А. Трансформация структуры российской экономики. СПб., 2005. 303 с.
8. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка (доклад НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 5–28.
9. Сухарев О. Структурные ограничения и подходы к их преодолению // Экономист. 2014. № 1. С. 50–55.
10. Ильин В.А., Пашко А.А., Сычев М.Ф. Вологодская область: движение к рынку. Вологда: ВНКЦ РАН, 1995. 132 с.
11. Ильин В.А. Модернизация промышленного сектора региона. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1998. 178 с.

12. Москвина О.С. Промышленная политика – ядро модернизации экономики. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 136 с.
13. Иогман Л.Г. Организационно-экономические основы модернизации промышленности региона. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 120 с.
14. Митенев В.В. Машиностроение Вологодской области: проблемы и тенденции. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2002. 111 с.
15. Программа развития машиностроительного комплекса города Вологды на 2001–2005 годы. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 51 с.
16. Москвина О.С., Митенев В.В. Инновационные процессы в машиностроении Европейского Севера России // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2004. № 26. С. 29–36.
17. Москвина О.С., Митенев В.В. Моделирование инновационных процессов в машиностроении // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2005. № 29. С. 30–37.
18. Лесопромышленный комплекс: проблемы и решения / В.В. Грачев [и др.]. 2-е изд., доп. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1999. 56 с.
19. Программа развития и реструктуризации лесопромышленных предприятий города Вологды на период до 2005 года / М.Ф. Сычев [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 65 с.
20. Миронова З.С., Статеева Т.Н., Шулев А.С. Индикативное прогнозирование развития регионального лесопромышленного комплекса: препринт / под ред. М.М. Полякова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2000. 59 с.
21. Селименков Р.Ю., Советов П.М. Лесной комплекс: управление инновационным развитием. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 215 с.
22. Миронов А.В. Управление лесохозяйственной деятельностью: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 172 с.
23. Экономика воспроизводства лесов: монография / М.Ф. Сычев [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. 146 с.
24. Вологодская область: ход аграрной реформы 1992–1993 гг. / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВНКЦ РАН, 1994. 46 с.
25. Пашко А.А., Сычев М.Ф., Ильин В.А. Агропромышленный комплекс района: реформа и развитие. Вологда, 1997. 98 с.
26. Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Чекавинский А.Н. Агропромышленный комплекс региона: состояние, тенденции, перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 136 с.
27. Анищенко А.Н. Модернизация производства – основа повышения эффективности молочного скотоводства: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 162 с.
28. Смирнова Т.Г., Селякова С.А., Кожина Е.Н. Развитие производственного потенциала сельского района: монография / под рук. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 148 с.
29. Анищенко А.Н., Кожевников С.А., Фриева Н.А. Потенциал сельского хозяйства северных территорий: проблемы реализации: монография. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 152 с.
30. Продовольственная безопасность региона: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 102 с.
31. Чекавинский А.Н., Советов П.М. Проблемы использования научно-технических достижений в сельском хозяйстве: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 164 с.
32. Москвина О.С. Программа стабилизации и развития предприятий легкой промышленности г. Вологды на период до 2005 года. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 44 с.

33. Задумкин К.А. Стратегическое управление строительным предприятием / под ред. Н.А. Пахолкова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 207 с.
34. Гордина О.Н. Жилищно-ипотечный рынок Северо-Запада: состояние и проблемы развития. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2007. 44 с.
35. Гордина О.Н. Ипотечное жилищное кредитование: опыт и проблемы. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2008. 88 с.
36. Сфера услуг в городе: проблемы и перспективы / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. 108 с.
37. Костылева Л.В., Гулин К.А. Производство и потребление рыночных услуг в регионе: монография. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2008. 200 с.
38. Воронцова Т.В., Барабанов А.С. Концепция развития бытового обслуживания населения муниципального образования «Город Вологда» на 2012–2020 годы: проект. Вологда, 2012. 51 с.
39. Ускова Т.В., Попова О.И., Воронцова Т.В. Потребительский рынок города: состояние и перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 111 с.
40. Ускова Т.В., Барабанов А.С. Жилищно-коммунальное хозяйство муниципалитета: состояние, проблемы, тарифное регулирование: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 88 с.
41. Кожевников С.А. Жилищно-коммунальное хозяйство региона: состояние, проблемы, перспективы: монография / под ред. Т.В. Усковой. Вологда, 2015. 140 с.
42. Анчукова Н.В., Москвина О.С. Туризм в экономике региона. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2002. 72 с.
43. Стратегия развития туризма в Вологодской области / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. 187 с.
44. Ускова Т.В., Дубиничева Л.В., Орлова В.С. Социально-экономический ресурс туризма: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. 182 с.
45. Ускова Т.В., Величина А.В. Туристская инфраструктура в регионе: оценка и перспективы: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 60 с.
46. Шабунова А.А., Россошанский А.И., Белехова Г.В. Благосостояние населения: тенденции и перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 124 с.
47. Ильин В.А., Поварова А.И., Сычев М.Ф. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 102 с.
48. Копытова Е.Д. Производство минеральных удобрений в России: результаты, тенденции и влияние на бюджетную систему: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 76 с.
49. Ильин В.А., Поварова А.И. Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов: монография. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 204 с.
50. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 128 с.
51. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия – 2020: проблемы реализации: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 188 с.
52. Общественные финансы региона: состояние, факторы, перспективы. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2000. 154 с.
53. Ускова Т.В., Поварова А.И., Орлова В.С. Общественные финансы регионов: приоритеты модернизации. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 166 с.
54. Поварова А.И. Методы повышения бюджетной обеспеченности региона: препринт. Вологда, 2011. 40 с.

55. Печенская М.А. Межбюджетные отношения: состояние, регулирование, оценка результативности: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 164 с.
56. Печенская М.А., Поварова А.И. Региональные бюджеты: тенденции, состояние, перспективы: монография / под ред. В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 110 с.
57. Лукин Е.В., Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. Стимулирование внутреннего спроса как фактора экономического роста (на примере сферы внутреннего туризма) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 125–143. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8
58. Леонидова Е.Г. Стимулирование конечного потребления в контексте снижения регионального неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 59–73. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.5
59. Губанова Е.С. Обоснование и выбор приоритетов инвестирования в экономике региона. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2002. 103 с.
60. Губанова Е.С. Инвестиционная деятельность в регионе. 2-е изд. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 135 с.
61. Орлова Э.О., Советов П.М. Механизм инвестиционного взаимодействия бизнес-структур и местного самоуправления. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 184 с.
62. Ускова Т.В., Поварова А.И., Орлова В.С. Сберегательное поведение населения и финансы домохозяйств как инвестиционные ресурсы экономики: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. 27 с.
63. Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. К вопросу об активизации потребительского и инвестиционного внутреннего спроса // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 52–63. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.4
64. Межрегиональное сотрудничество как фактор интеграционных процессов России и Республики Беларусь / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. 176 с.
65. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 148 с.
66. Широкова Е.Ю. Резервы роста экспорта машиностроительной продукции в регионах России // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 3. DOI: 10.15838/ttd.2020.3.53.2. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28587>
67. Широкова Е.Ю. Влияние санкций на внешнюю торговлю России // Науч. вестн. Южн. ин-та менеджмента. 2019. № 1 (25). С. 87–94. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-1-87-94
68. Широкова Е.Ю. Итоги реализации политики импортозамещения в Вологодской области // Вестн. Владимир. гос. ун-та им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Сер.: Экономические науки. 2019. № 3 (21). С. 16–31.
69. Ивантер В., Порфирьев Б., Широков А. Структурные аспекты долгосрочной экономической политики // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 27–34.
70. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2
71. Структурная трансформация региональной экономики: монография / Т.В. Ускова [и др.]; под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. 228 с.
72. Лукин Е.В., Кожевников С.А., Мельников А.Е. Организация и факторы новой индустриализации: монография. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 144 с.
73. Терехова С.В., Губанова Е.С. Активизация инновационного процесса в регионе: монография. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. 179 с.

74. Задумкин К.А., Кондаков И.А. Региональная инновационная система: теория и практика формирования: монография / под рук. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2008. 72 с.
75. Ильин В.А., Задумкин К.А., Кондаков И.А. Научно-технический потенциал региона: проект долгосрочной программы развития: монография. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. 168 с.
76. Иогман Л.Г. Развитие научно-технического потенциала региона. Сыктывкар, 2009. 224 с.
77. Задумкин К.А., Кондаков И.А. Научно-технический потенциал региона: оценка состояния и перспективы развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 205 с.
78. Проблемы и направления развития научно-технологического потенциала территорий: монография / К.А. Гулин [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 123 с.
79. Научно-технологическое пространство и прогнозирование его развития в условиях глобальной конкуренции: монография / К.А. Гулин [и др.]. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 203 с.
80. Маковеев В.Н., Губанова Е.С. Управление инновационной деятельностью в обрабатывающей промышленности: региональный аспект: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 166 с.
81. Стимулирование прикладных исследований и разработок. Возможности регионов: науч.-аналит. изд. / К.А. Гулин [и др.]. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 138 с.
82. Барабанов А.С. Управление региональной конкурентоспособностью: монография / под ред. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 160 с.
83. Производственные кластеры и конкурентоспособность региона: монография / кол. авт. под рук. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 246 с.
84. Ускова Т.В., Гутникова Е.А., Кожевников С.А. Конкурентоспособность города: методологические основы и инструментальный аппарат обеспечения: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 60 с.
85. Копытова Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: проблемы и перспективы развития: монография / под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017. 189 с.
86. Ильин В.А., Морев М.В., Поварова А.И. Социальное государство в России: проблемы и перспективы: монография. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 229 с.
87. Ильин В.А. Малое предпринимательство в Вологодской области. СПб., 1998. 39 с.
88. Предпринимательство в регионе: состояние, перспективы: монография / С.В. Теребова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. 160 с.
89. Кремин А.Е. Управление экономикой региона на основе развития малого бизнеса: монография. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 150 с.
90. Лукин Е.В. Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7
91. Сидоров М.А., Лукин Е.В. Об определении эффективных направлений удлинения цепочек создания стоимости с помощью межотраслевого баланса (на примере Вологодской области) // Балт. экон. журн. 2020. № 4 (32). С. 73–85.
92. Стратегия развития региона: монография / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 227 с.
93. Региональная стратегия экономического роста – 2015: монография / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. 220 с.
94. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
95. Леонидова Е.Г. Стратегический ресурс развития региона: монография. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. 141 с.

96. Ильин В.А., Зуев А.Н., Ускова Т.В. Проблемы организации планирования и управления социально-экономическим развитием муниципального образования // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 1999. Вып. 9. С. 13–25.
97. Стратегия управления муниципальными образованиями: монография / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2000. 114 с.
98. Ускова Т.В. Индикативное планирование развития муниципальных образований. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 158 с.
99. Жаравин Д.П., Пахолков Н.А. Стратегическое управление социально-экономическим развитием муниципального образования / под ред. Н.А. Пахолкова. Вологда: ВоГТУ, 2005. 143 с.
100. Прокофьев А.Е. Некоторые возможности прогнозирования макроэкономических показателей социально-экономического развития на региональном уровне: препринт. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1996. 70 с.
101. Степанова Е.Н. Нейросетевое прогнозирование социально-экономического развития региона. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 104 с.
102. Анализ и моделирование экономики на основе межотраслевого баланса: монография / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017. 158 с.
103. Опыт агент-ориентированного моделирования межрегиональных цепочек создания стоимости / Е.В. Лукин [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 101–116. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.6

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru

Lukin E.V.

STRUCTURAL TRANSFORMATION PROBLEMS OF THE REGIONAL ECONOMY IN THE STUDIES OF VOLRC RAS

The transition of the Russian economy to the market development in the 1990s was carried out through the implementation of liberal economic reforms. The deindustrialization of the national economy, its raw material orientation, and the strengthening of degenerative trends in the technological structure were the results of this reform. At the present stage, the Russian economy is also being undermined by the sanctions war. The task of achieving high rates of economic growth, allowing Russia to remain among the world leaders, has been repeatedly voiced by the top officials of the state. At the present stage, the sanctions war also undermines the Russian economy. Top public officials have repeatedly voice the task of achieving high rates of economic growth that allow Russia to remain among the world leaders. However, it has become particularly relevant in the previous five years, when the economy has almost stopped growing. The modern Russian economy is characterized by a raw material nature, inefficient development of the traditional sector, stagnation of most high-tech civil industries, low population's effectual demand, insufficient investment in fixed assets, and high regional differentiation. One of the main reasons for this situation is the structural deformation of the economy, predetermined by the imbalances inherited from the Soviet economy, the impact of the transformational crisis in the course of liberal economic reform, and

the structural policy currently being implemented. The purpose of the work is to prepare a review and systematize the studies of the Vologda Research Center of RAS on the problems of structural transformation of the economy at the regional level. The author shows how the research topic was forming, presents the main scientific results, and considers the range of tasks for the future.

Regional economy, agriculture, industry, consumer sector, structural transformation, public administration, methodological tools.

REFERENCES

1. Aganbegyan A. Why is the Russian economy stalling? *Poblemy teorii i praktiki upravleniya=International Journal of Management Theory and Practice*, 2018, no. 3, pp. 11–27 (in Russian).
2. Glaziev S.Yu. National economy structures in the global economic development. *Ekonomika i matematicheskie metody=Economics and Mathematical Methods*, 2016, vol. 52, no. 2, pp. 3–29 (in Russian).
3. Gubanov S.S. From the export-raw material model to the neo-industrial economic system. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii=Economic Revival of Russia*, 2015, no. 4 (46), pp. 48–59 (in Russian).
4. Ivanter V., Porfir'ev B., Shirov A. Structural aspects of long-term economic policy. *Poblemy teorii i praktiki upravleniya=International Journal of Management Theory and Practice*, 2018, no. 3, pp. 27–34 (in Russian).
5. Kudrin A., Sokolov I. Fiscal maneuver and restricting the Russian economy. *Voprosy ekonomiki=Economic Issues*, 2017, no. 9, pp. 5–27 (in Russian).
6. Mirkin Ya. Russian economy: challenges, scenarios, growth strategy. *Poblemy teorii i praktiki upravleniya=International Journal of Management Theory and Practice*, 2018, no. 3, pp. 67–74 (in Russian).
7. Selishcheva T.A. *Transformatsiya struktura rossiiskoi ekonomiki* [Transformation of the Structure of the Russian Economy: Monograph]. St. Petersburg, 2005. 303 p.
8. Simachev Yu.V. et al. Industrial policy in Russia: new conditions and possible agenda (the report of NRU HSE). *Voprosy ekonomiki=Economic Issues*, 2018, no. 6, pp. 5–28 (in Russian).
9. Sukharev O. Structural constraints and approaches to overcoming them. *Ekonomist=Economist*, 2014, no. 1, pp. 50–55 (in Russian).
10. Ilyin V.A., Pashko A.A., Sychev M.F. *Vologodskaya oblast': dvizhenie k rynku* [Vologda Oblast: Movement toward the Market]. Vologda: VKNTs TsEMI RAN, 1995. 132 p.
11. Ilyin V.A. *Modernizatsiya promyshlennogo sektora regiona* [Modernization of the Region's Industrial Sector]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 1998. 178 p.
12. Moskvina O.S. *Promyshlennaya politika – yadro modernizatsii ekonomiki* [Industrial Policy as the Core of Economic Modernization]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2003. 136 p.
13. Iogman L.G. *Organizatsionno-ekonomicheskie osnovy modernizatsii promyshlennosti regiona* [Organizational and Economic Basis for the Modernization of the Region's Industry]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2003. 120 p.
14. Mitenev V.V. *Mashinostroenie Vologodskoi oblasti: problem i tendentsii* [Mechanical Engineering of the Vologda Oblast: Problems and Trends]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2002. 111 p.
15. *Programma razvitiya mashinostroitel'nogo kompleksa goroda Vologdy na 2001–2005 gody* [The Development Program of the Machine-Building Complex of Vologda in 2001–2005]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2001. 51 p.
16. Moskvina O.S., Mitenev V.V. Innovative processes in mechanical engineering of the Russian North. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny v regione: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes in the Region: Facts, Trends, Forecast*, 2004, no. 26, pp. 29–36 (in Russian).

17. Moskvina O.S., Mitenev V.V. Modeling processes in mechanical engineering. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny v regione: fakty, tendentsii, prognoz* = *Economic and Social Changes in the Region: facts, Trends, Forecast*, 2005, no. 29, pp. 30–37 (in Russian).
18. Grachev V.V. et al. *Lesopromyshlennyy kompleks: problem i resheniya* [Timber Industry Complex: Problems and Solutions]. 2nd edition, addit. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 1999. 56 p.
19. Sychev M.F. et al. *Programma razvitiya i restrukturizatsii lesopromyshlennykh predpriyatii goroda Vologdy na period do 2005 goda* [The Program for the Development and Restructuring of Timber Industry Enterprises in Vologda for the Period up to 2005]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2001. 65 p.
20. Mironova Z.S., Stateeva T.N., Shulev A.S. *Indikativnoe prognozirovanie razvitiya regional'nogo lesopromyshlennogo kompleksa: preprint* [Indicative Forecasting of the Development of the Regional Timber Industry Complex: Preprint]. Ed. by Polyakova M.M. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2000. 59 p.
21. Selimenkov R.Yu., Sovetov P.M. *Lesnoi kompleks: upravlenie innovatsionnym razvitiem* [Forestry Complex: Management of Innovative Development]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2012. 215 p.
22. Mironov A.V. *Upravleniye lesokhozyaystvennoy deyatel'nost'yu: monografiya* [Management of Forestry Activities: Monograph]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2015. 172 p.
23. Sychev M.F. *Ekonomika vosproizvodstva lesov: monografiya* [Forest Reproduction Economy: Monograph]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2011. 146 p.
24. Ilyin V.A. et al. *Vologodskaya oblast': khod agrarnoy reformy 1992–1993 gg.* [Vologda Oblast: the Course of the Agrarian Reform of 1992–1993]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 1994. 46 p.
25. Pashko A.A. Sychev M.F., Ilyin V.A. *Agropromyshlennyy kompleks rayona: reforma i razvitiye* [Agro-Industrial Complex of the Region: Reform and Development]. Vologda, 1997. 98 p.
26. Uskova T.V. Selimenkov R.Yu., Chekavinskii A.N. *Agropromyshlennyy kompleks regiona: sostoyaniye, tendentsii, perspektivy: monografiya* [Agro-Industrial Complex of the Region: State, Trends, Prospects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 136 p.
27. Anishchenko A.N. *Modernizatsiya proizvodstva – osnova povysheniya effektivnosti molochnogo skotovodstva: monografiya* [Production Modernization as the Basis for Increasing the Efficiency of Dairy Cattle Breeding: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2016. 162 p.
28. Smirnova T.G., Selyakova S.A., Kozhina E.N. *Razvitie proizvodstvennogo potentsiala sel'skogo rayona: monografiya* [Development of Production Potential of the Rural Area: Monograph]. Ed. Uskova T.V. Vologda: ISERT RAN, 2010. 148 p.
29. Anischenko A.N., Kozhevnikov S.A., Frieva N.A. *Potentsial sel'skogo khozyaystva severnykh territoriy: problemy realizatsii: monografiya* [The Agriculture Potential in the Northern Territories: Problems of Implementation: Monograph]. Vologda: FGBUN VolNTs RAN, 2019. 152 p.
30. Uskova T.V. et al. *Prodovol'stvennaya bezopasnost' regiona: monografiya* [Region's Food Security: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 102 p.
31. Chekavinskii A.N., Sovetov P.M. *Problemy ispol'zovaniya nauchno-tekhnicheskikh dostizheniy v sel'skom khozyaystve: monografiya* [Problems of Using Scientific and Technical Achievements in Agriculture: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2015. 164 p.
32. Moskvina O.S. *Programma stabilizatsii i razvitiya predpriyatii legkoy promyshlennosti g. Vologdy na period do 2005 goda* [The Program of Stabilization and Development of Light Industry Enterprises in Vologda for the Period up to 2005]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2001. 44 p.
33. Zadumkin K.A. *Strategicheskoye upravleniye stroitel'nym predpriyatiyem* [Strategic Management of Construction Companies]. Ed. Pacholkova N.A. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2004. 207 p.
34. Gordina O.N. *Zhilishchno-ipotechnyy rynek Severo-Zapada: sostoyaniye i problemy razvitiya* [Housing and Mortgage market of the North-West: State and Development Problems]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2007. 44 p.

35. Gordina O.N. *Ipotechnoye zhilishchnoye kreditovaniye: opyt i problemy* [Home Mortgage Lending: Experience and Problems]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2008. 88 p.
36. Ilyin V.A. et al. *Sfera uslug v gorode: problemy i perspektivy* [Service Sector in the City: Problems and Prospects]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2005. 108 p.
37. Kostyleva L.V., Gulin K.A. *Proizvodstvo i potrebleniye rynochnykh uslug v regione: monografiya* [Production and Consumption of Market Services in the Region: Monograph]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2008. 200 p.
38. Vorontsova T.V., Barabanov A.S. *Kontseptsiya razvitiya bytovogo obsluzhivaniya naseleniya munitsipal'nogo obrazovaniya «Gorod Vologda» na 2012–2020 gody: proyekt* [The Concept of Development of Consumer Services for the Population of the Municipal Formation “Vologda” for 2012–2020: Projects]. Vologda, 2012. 51 p.
39. Uskova T.V., Popova O.I., Vorontsova T.V. *Potrebitel'skiy rynek goroda: sostoyaniye i perspektivy: monografiya* [City's Consumer Market: State and Prospects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 111 p.
40. Uskova T.V., Barabanov A.S. *Zhilishchno-kommunal'noye khozyaystvo munitsipaliteta: sostoyaniye, problemy, tarifnoye regulirovaniye: preprint* [Housing and Communal Services of the Municipality: State, Problems, Tariff Regulation; Preprint]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 88 p.
41. Kozhevnikov S.A. *Zhilishchno-kommunal'noye khozyaystvo regiona: sostoyaniye, problemy, perspektivy: monografiya* [Region's Housing and Communal Services: State, Problems, Prospects: Monograph]. Ed. Uskova T.V. Vologda, 2015. 140 p.
42. Anchukova N.V., Moskvina O.S. *Turizm v ekonomike regiona* [Tourism in the Region's Economy]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2002. 72 p.
43. Ilyin V.A. et al. *Strategiya razvitiya turizma v Vologodskoy oblasti* [Tourism Development Strategy in the Vologda Oblast]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2009. 187 p.
44. Uskova T.V., Dubinicheva L.V., Orlova V.S. *Sotsial'no-ekonomicheskiy resurs turizma: monografiya* [Socio-Economic Resource of Tourism: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2011. 182 p.
45. Uskova T.V., Velichkina A.V. *Turistskaya infrastruktura v regione: otsenka i perspektivy: preprint* [Region's Tourist Infrastructure: Assessment and Prospects: Preprint]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 60 p.
46. Shabunova A.A., Rossoshanskii A.I., Belekhoval G.V. *Blagosostoyaniye naseleniya: tendentsii i perspektivy: monografiya* [Population's Welfare: Trends and Prospects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 124 p.
47. Ilyin V.A., Povarova A.I., Sychev M.F. *Vliyaniye interesov sobstvennikov metallurgicheskikh korporatsiy na sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye* [Influence of Interests of Metallurgical Corporations Owners on Socio-Economic Development]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 102 p.
48. Kopytova E.D. *Proizvodstvo mineral'nykh udobreniy v Rossii: rezul'taty, tendentsii i vliyaniye na byudzhethnyuyu sistemu: preprint*. [Production of Mineral Fertilizers in Russia: Results, Trends and Impact on the Budgetary System: Preprint]. Vologda: ISERT RAN, 2017. 76 p.
49. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Krupneyshiy metallurgicheskiy korporatsii i ikh rol' v formirovanii byudzhethnykh dokhodov: monografiya* [Major Metallurgical Corporations and Their Role in the Formation of Budget Revenues: Monograph]. Vologda: FGBUN VolNTs RAN, 2019. 204 p.
50. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Byudzhethnyy krizis regionov: monografiya* [Problems of the Public Administration Effectiveness. The Budgetary Crisis of the Regions: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 128 p.
51. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Tendentsii rynochnykh transformatsiy. Krizis byudzhethnoy sistemy. Rol' chastnogo kapitala. Strategiya – 2020: problemy realizatsii: monografiya* [Problems of the Public Administration Effectiveness. Market Transformation Trends. The Budgetary System Crisis. The Role of Private Capital. Strategy – 2020: Implementation Problems: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 188 p.

52. *Obshchestvennyye finansy regiona: sostoyaniye, faktory, perspektivy* [Public Finances of the Region: State, Factors, Prospects]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2000. 154 p.
53. Uskova T.V., Povarova A.I., Orlova V.S. *Obshchestvennyye finansy regionov: priority modernizatsii* [Regions' Public Finances: Priorities for Modernization]. Vologda: ISERT RAN, 2010. 166 p.
54. Povarova A.I. *Metody povysheniya byudzhetnoy obespechennosti regiona: preprint* [Methods for Increasing the Region's Budgetary Provision: Preprint]. Vologda, 2011. 40 p.
55. Pechenskaya M.A. *Mezhbyudzhetye otnosheniya: sostoyaniye, regulirovaniye, otsenka rezul'tativnosti: monografiya* [Inter-Budgetary Relations: State, Regulation, Performance Assessment: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2015. 164 p.
56. Pechenskaya M.A., Povarova A.I. *Regional'nyye byudzhety: tendentsii, sostoyaniye, perspektivy: monografiya* [Regional Budgets: Trends, State, Prospects: Monograph]. Ed. Ilyin V.A. Vologda: ISERT RAN, 2016. 110 p.
57. Leonidova E.G. Stimulating final consumption within the reduction of regional inequality. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 59–73. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.5 (in Russian).
58. Lukin E.V., Leonidova E.G., Sidorov M.A. Boosting domestic demand as a driving force of economic growth (on the example of domestic tourism sphere). *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 125–143. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8 (in Russian).
59. Gubanova E.S. *Obosnovaniye i vybor prioritov investirovaniya v ekonomike regiona* [Justification and Selection of Investment Priorities in the Regional Economy]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2002. 103 p.
60. Gubanova E.S. *Investitsionnaya deyatel'nost' v regione. vtoroe izdanie* [Investment Activity of the Region: 2nd Edition]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2003. 135 p.
61. Orlova E.O., Sovetov P.M. *Mekhanizm investitsionnogo vzaimodeystviya biznes-struktur i mestnogo samoupravleniya* [The Mechanism of Investment Interaction between Business Structures and Local Government]. Vologda: ISERT RAN, 2010. 184 p.
62. Uskova T.V., Povarova A.I., Orlova V.C. *Sberegatel'noye povedeniye naseleniya i finansy domokhozyaystv kak investitsionnyye resursy ekonomiki: preprint* [Population's Saving Behavior and Household Finances as Investment Resources of the Economy: Preprint]. Vologda: ISERT RAN, 2011. 27 p.
63. Leonidova E.G., Rumyantsev N.M. Revisiting the increasing consumer and investment domestic demand. *Problemy razvitiya territorii*=*Problems of Territory's Development*, 2020, no. 1 (105), pp. 52–63. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.4 (in Russian).
64. Uskova T.V. et al. *Mezhregional'noye sotrudnichestvo kak faktor integratsionnykh protsessov Rossii i Respubliki Belarus'* [Interregional Cooperation as a Factor in the Integration Processes of Russia and the Republic of Belarus]. Vologda: ISERT RAN, 2011. 176 p.
65. Lukin E.V., Uskova T.V. *Mezhregional'noye ekonomicheskoye sotrudnichestvo: sostoyaniye, problemy, perspektivy: monografiya* [Interregional Economic Cooperation: State, Problems, Prospects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2016. 148 p.
66. Shirokova E.Yu. Export growth reserves of engineering products in the regions of Russia. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*=*Territorial Development Issues*, 2020, vol. 8, no. 3. DOI: 10.15838/tdi.2020.3.53.2. Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28587> (in Russian).
67. Shirokova E.Yu. Influence of sanctions on foreign trade of Russia. *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta*=*Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*, 2019, no. 1 (25), pp. 87–94. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-1-87-94 (in Russian).
68. Shirokova E.Yu. Results of implementations substitutional policy implementations in the region in 2013–2018 (on the example of the Vologda region). *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.G. i N.G. Stoletovkh. Seriya: Ekonomicheskkiye nauki*=*Bulletin of the Vladimir State*

- University named after Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs. Series: Economics*, 2019, no. 3 (21), pp. 16–31 (in Russian).
69. Ivanter V., Porfir'ev B. Shirov A. Structural aspects of long-term economic policy. *Poblemy teorii i praktiki upravleniya=International Journal of Management Theory and Practice*, 2018, no. 3, pp. 27–34 (in Russian).
 70. Lukin E.V., Uskova T.V. Structural transformation issues in regional economy. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2 (in Russian).
 71. Uskova T.V. et al. *Strukturnaya transformatsiya regional'noy ekonomiki: monografiya* [Structural Transformation of the Regional Economy: Monograph]. Ed. Uskova T.V. Vologda: FGBUN VolNTs RAN, 2020. 228 p.
 72. Lukin E.V., Kozhevnikov S.A. Mel'nikov A.E. *Organizatsiya i faktory novoy industrializatsii: monografiya* [Organization and Factors of New Industrialization: Monograph]. Vologda: FGBUN VolNTs RAN, 2018. 144 p.
 73. Terebova S.V., Gubanova E.S. *Aktivizatsiya innovatsionnogo protsessa v regione: monografiya* [Enhancing the Innovation Process in the Region: Monograph]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2009. 179 p.
 74. Zadumkin K.A., Kondakov I.A. *Regional'naya innovatsionnaya sistema: teoriya i praktika formirovaniya: monografiya* [Regional Innovation System: Theory and Practice of Formation: Monograph]. Ed. Ilyin V.A. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2008. 72 p.
 75. Ilyin V.A., Zadumkin K.A., Kondakov I.A. *Nauchno-tekhnicheskii potentsial regiona: proyekt dolgosrochnoy programmy razvitiya: monografiya* [Region's Scientific and technical Potential: Draft Long-Term Development Program: Monograph]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2009. 168 p.
 76. Iogman L.G. *Razvitiye nauchno-tekhnicheskogo potentsiala regiona* [Development of the Region's Scientific and Technical Potential]. Syktyvkar, 2009. 224 p.
 77. Zadumkin K.A., Kondakov I.A. *Nauchno-tekhnicheskii potentsial regiona: otsenka sostoyaniya i perspektivy razvitiya: monografiya* [Region's Scientific and Technical Potential: State Assessment and Development Prospects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2010. 205 p.
 78. Gulin K.A. et al. *Problemy i napravleniya razvitiya nauchno-tekhnologicheskogo potentsiala territoriy: monografiya* [Problems and Directions of Development of Territories' Scientific and Technological Potential: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2017. 123 p.
 79. Gulin K.A. et al. *Nauchno-tekhnologicheskoye prostranstvo i prognozirovaniye yego razvitiya v usloviyakh global'noy konkurentsii: monografiya* [Scientific and Technological Space and Forecasting Its Development in the Context of Global Competition: Monograph]. Vologda: FGBUN VolNTs RAN, 2018. 203 p.
 80. Makoveev V.N., Gubanova E.S. *Upravleniye innovatsionnoy deyatelnost'yu v obrabotyayushchey promyshlennosti: regional'nyy aspekt: monografiya* [Innovation Management in Manufacturing Industry: Regional Aspect: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2015. 166 p.
 81. Gulin K.A. et al. *Stimulirovaniye prikladnykh issledovaniy i razrabotok. Vozможности regionov: nauchno-analiticheskoye izdaniye* [Stimulating Applied Research and Development. Regional Opportunities: Scientific and Analytical Edition]. Vologda: FGBUN VolNTs RAN, 2019. 138 p.
 82. Baranova A.S. *Upravleniye regional'noy konkurentosposobnost'yu: monografiya* [Regional Competitiveness Management: Monograph]. Ed. Uskova T.V. Vologda: ISERT RAN, 2014. 160 p.
 83. *Proizvodstvennyye klasteri i konkurentosposobnost' regiona: monografiya* [Industrial Clusters and Regional Competitiveness: Monograph]. Group of authors, ed. by Uskova T.V. Vologda: ISERT RAN, 2010. 246 p.
 84. Uskova T.V., Gutnikova E.A., Kozhevnikov S.A. *Konkurentosposobnost' goroda: metodologicheskiye osnovy i instrumental'nyy apparat obespecheniya: preprint* [Competitiveness of the City: Methodological Foundations and Instrumental Support: Preprint]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 60 p.

85. Kopytova E.D. *Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa: problemy i perspektivy razvitiya: monografiya* [Business Social Responsibility: Problems and Development Prospects: Monograph]. Ed. by Uskova T.V. Vologda: FGBUN VolNTs RAN, 2017. 189 p.
86. Ilyin V.A., Morev M.V., Povarova A.I. *Sotsial'noye gosudarstvo v Rossii: problemy i perspektivy: monografiya* [Welfare State in Russia: Problems and Prospects: Monograph]. Vologda: FGBUN VolNTs RAN, 2018. 229 p.
87. Ilyin V.A. *Maloye predprinimatel'stvo v Vologodskoy oblasti* [Small Business in the Vologda Oblast]. St. Petersburg, 1998. 39 p.
88. Terebova S.V. et al. *Predprinimatel'stvo v regione: sostoyaniye, perspektivy: monografiya* [Entrepreneurship in the Region: State, Prospects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2011. 160 p.
89. Kremin A.E. *Upravleniye ekonomikoy regiona na osnove razvitiya malogo biznesa: monografiya* [Regional Economic Management Based on Small Development: Monograph]. Vologda: FGBUN VolNTs RAN, 2019. 150 p.
90. Lukin E.V. Sectoral and territorial specifics of value-added chains in Russia: the input-output approaches. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7 (in Russian).
91. Sidorov M.A., Lukin E.V. On determining effective ways to lengthen value chains using gross-industry balance (on the example of the Vologda oblast). *Baltiyskiy ekonomicheskiy zhurnal=Baltic Economic Journal*, 2020, no. 4 (32), pp. 73–85 (in Russian).
92. Ilyin V.A. et al. *Strategiya razvitiya regiona: monografiya* [Regional Development Strategy: Monograph]. Vologda: VKNTs TsEMI RAN, 2004. 227 p.
93. Ilyin V.A. et al. *Regional'naya strategiya ekonomicheskogo rosta – 2015: monografiya* [Regional Strategy for Economic Growth – 2015: Monograph]. Vologda: VKNTs TsEMI RAN, 2005. 220 p.
94. Uskova T.V. *Upravleniye ustoychivym razvitiyem regiona: monografiya* [Management of the Region's Sustainable Development: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2009. 355 p.
95. Leonidova E.G. *Strategicheskoye resurs razvitiya regiona: monografiya* [Strategic Resource for the Region's Development: Monograph]. Vologda: FGBUN VolNTs RAN, 2020. 141 p.
96. Ilyin V.A., Zuev A.N., Uskova T.V. Problems of the organization of planning and management of the socio-economic development of the municipal formation. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 1999, issue 9, pp. 13–25 (in Russian).
97. Ilyin V.A. et al. *Strategiya upravleniya munitsipal'nymi obrazovaniyami: monografiya* [Management Strategy for municipalities: Monograph]. Vologda: VKNTs TsEMI RAN, 2000. 114 p.
98. Uskova T.V. *Indikativnoye planirovaniye razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy* [Indicative Planning for the Municipalities' Development]. Vologda: VKNTs TsEMI RAN, 2003. 158 p.
99. Zharavin D.P., Pakholkov D.P. *Strategicheskoye upravleniye sotsial'no-ekonomicheskim razvitiyem munitsipal'nogo obrazovaniya* [Strategic Management of the Social and Economic Development of the Municipality]. Ed. Pakholkov D.P. Vologda: VoGTU, 2005. 143 p.
100. Prokof'ev A.E. *Nekotoryye vozmozhnosti prognozirovaniya makroekonomicheskikh pokazateley sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya na regional'nom urovne: preprint* [Some Possibilities of Forecasting Macroeconomic Indicators of Socio-Economic Development at the Regional Level: Preprint]. Vologda: VKNTs TsEMI RAN, 1996. 70 p.
101. Степанова Е.Н. *Neyrosetevoye prognozirovaniye sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona* [Neural Network Forecasting of the Region's Socio-Economic Development]. Vologda: VKNTs TsEMI RAN, 2004. 104 p.

102. Ilyin V.A. et al. *Analiz i modelirovaniye ekonomiki na osnove mezhotraslevogo balansa: monografiya* [Analysis and Modeling of the Economy Based on the Input-Output Balance: Monograph]. Vologda: FGBUN VoINTs RAN, 2017. 158 p.
103. Lukin E.V. et al. Experience in Agent-Based Modeling of Interregional Value Chains. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 101–116. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.6 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenii V. Lukin – Candidate of Science (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.2

УДК 314.18 | ББК 60.723

© Калачикова О.Н., Короленко А.В., Боброва А.Г.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В XXI ВЕКЕ В КОНТЕКСТЕ ВНЕДРЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ¹

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА КАЛАЧИКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: onk82@yandex.ru

ORCID: [0000-0003-4681-4344](https://orcid.org/0000-0003-4681-4344); ResearcherID: [I-9562-2016](https://orcid.org/1-9562-2016)

АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА КОРОЛЕНКО

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: coretra@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-7699-0181](https://orcid.org/0000-0002-7699-0181); ResearcherID: [I-8201-2016](https://orcid.org/1-8201-2016)

АНАСТАСИЯ ГРИГОРЬЕВНА БОБРОВА

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

e-mail: nastasiabobrova@mail.ru

ORCID: [0000-0001-5054-2156](https://orcid.org/0000-0001-5054-2156)

В работе представлены результаты сравнительного анализа демографических процессов в России и Беларуси в первые 20 лет XXI века в контексте социально-экономических задач, диктуемых старением населения. Уровень демографической старости населения обеих стран свидетельствует об актуальности внедрения концепции активного долголетия, которая позволит

Для цитирования: Калачикова О.Н., Короленко А.В., Боброва А.Г. Демографическое развитие России и Беларуси в XXI веке в контексте внедрения концепции активного долголетия // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 29–51. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.2

For citation: Kalachikova O.N., Korolenko A.V., Bobrova A.G. Demographic development of Russia and Belarus in the 21st century in the context of the introduction of the active longevity concept. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 29–51. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.2

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения».

обеспечить сохранение здоровья большей части населения и повысить ресурсный потенциал старшего поколения, с одной стороны, и качество их жизни, с другой. И Россия, и Беларусь после 2016 года вошли в новую волну депопуляции. Имея сходные половозрастную структуру и тенденции снижения рождаемости, роста ОПЖ они и в перспективе продолжат «стареть», причем с нарастанием глубины старости. Так как для Беларуси характерны более низкий суммарный коэффициент рождаемости (1,39 против 1,5 в России в 2019 году) и заметное снижение доли детей в возрастной структуре (с 20% в 2000 году до 17% в 2020 году), риски «старения снизу» для нее более высоки, в первую очередь за счет демографической нагрузки населением старших возрастов. С применением корреляционного анализа выявлены классы причин смертности населения, оказывающих наибольшее влияние на трансформацию возрастной структуры: в России это новообразования и болезни системы кровообращения, в Беларуси – болезни органов дыхания и системы кровообращения. Укрепление общественного здоровья, снижение предотвратимой смертности – задачи «компенсации» демографического старения первой очереди. Помимо сохранения и улучшения половозрастной структуры населения эффектом их реализации выступает здоровьесбережение до старших возрастов (измеряемое, например, ожидаемой продолжительностью здоровой жизни), т. е. увеличение ресурсного потенциала старших возрастных групп населения. Указанная задача требует системного исследования, предусматривающего разработку и внедрение актуальной концепции активного долголетия, которого можно достичь, сберегая и укрепляя здоровье каждого человека с рождения.

Старение населения, демографическое развитие, Россия и Беларусь, концепция активного долголетия.

Введение

Общее историческое прошлое, сходный общественно-политический и социокультурный уклад России и Республики Беларусь предопределили тот факт, что в конце XX – начале XXI столетия обе страны столкнулись со схожими тенденциями демографического развития, часть из которых приобрела характер демографических угроз. Одним из таких вызовов демографического развития выступает демографическое старение населения. Политика активного долголетия призвана преодолеть негативные последствия старения населения, главным образом за счет расширения ресурсных возможностей представителей старших поколений. В России уже предпринят ряд шагов в данном направлении (приняты Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения², федеральный проект «Старшее поколение» в рамках нацпроекта «Демография»³, планируется принятие Концепции активного долголетия населения). В Республике Беларусь в конце

2020 года утверждена Национальная стратегия «Активное долголетие – 2030». Несмотря на различия в трендах политического и социально-экономического развития России и Беларуси, поиск инструментов внедрения концепции активного долголетия становится общей задачей для обоих государств, т. к. он будет способствовать их устойчивому развитию, повышению качества жизни «стареющего общества». Многогранность активного долголетия как категории, сочетающей в себе социальную, экономическую и физическую составляющие, не отменяет тот факт, что первостепенными (базовыми) его характеристиками выступают здоровье и продолжительность жизни. Невозможно говорить об активном долголетии и качественной жизни, не подразумевая при этом поддержание длительной и здоровой жизни у большей части населения.

По данным за 2019 год, в рейтинге 183 стран мира по ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ)

² Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: утв. Расп. Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 164-р. URL: <http://government.ru/docs/21692>

³ Федеральный проект «Старшее поколение» // Национальные проекты: информационный портал. URL: https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya/starshee_pokolenie

Республика Беларусь занимала 78 место (74,8 года), тогда как Россия находилась на 20 позиций ниже – на 98 месте (73,2 года; табл. 1). По величине данного показателя от лидеров рейтинга – Японии (84,3 года), Швейцарии (83,5 года), Республики Корея (83,3 года), Испании (83,2 года), Сингапура (83,2 года) – Беларусь отстает на 8 лет, Россия – на 10.

Одним из индикаторов активного долголетия выступает показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ). По величине ОПЗЖ в 2019 году Беларусь занимала 72 место (66 лет), Россия, так же как и в случае с ОПЖ, располагалась в списке заметно ниже – на 97 месте (64,2 года). Отставание по показателю ОПЗЖ в сравнении с лидерами рейтинга – Японией (74,1 года), Сингапуром (73,6 года), Республикой Корея (73,1 года), Швейцарией (72,5 года) и Кипром (72,4 года) – в обеих странах существенно (7 лет – в Беларуси, 9 лет – в России).

Внедрение политики активного долголетия – одно из решений задачи по адаптации общества и экономики к старению населения, потенциально имеющее долгосрочный эффект и расширяющее возможности для использования ресурсов «стареющего» общества. При этом успешность ее разработки и реализации на практике зависит от понимания как текущей демографической ситуации, так и тенденций, наблюдаемых в параметрах демографического развития на протяжении последних десятилетий. Данный факт определяет необходимость изучить особенности демографического развития России и Беларуси с позиции возможностей и барьеров на пути внедрения концепции активного долголетия.

Проблема общих и специфических демографических тенденций России и Беларуси поднималась в ряде исследований. А.Г. Злотников рассматривал тенденции и проблемы демографического развития Беларуси в

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении и ожидаемая продолжительность здоровой жизни в странах мира, 2019 год, лет

Ранг*	Страна	ОПЖ			Ранг*	Страна	ОПЗЖ		
		оба пола	мужчины	женщины			оба пола	мужчины	женщины
5 стран-лидеров									
1	Япония	84,3	81,5	86,9	1	Япония	74,1	72,6	75,5
2	Швейцария	83,5	81,8	85,1	2	Сингапур	73,6	72,4	74,7
3	Республика Корея	83,3	80,3	86,1	3	Республика Корея	73,1	71,3	74,7
4	Испания	83,2	80,7	85,7	4	Швейцария	72,5	72,2	72,8
5	Сингапур	83,2	81,0	85,5	5	Кипр	72,4	71,8	73,0
...									
78	Беларусь	74,8	69,7	79,6	72	Беларусь	66,0	62,3	69,4
...
98	Россия	73,2	68,2	78,0	97	Россия	64,2	60,7	67,5
5 стран-аутсайдеров									
179	Мозамбик	58,1	54,5	61,7	179	Мозамбик	50,4	47,9	52,8
180	Эсватини (Свазиленд)	57,7	53,4	63,2	180	Эсватини (Свазиленд)	50,1	47,1	53,8
181	Сомали	56,5	54,0	59,2	181	Сомали	49,7	48,3	51,3
182	ЦАР	53,1	50,2	56,3	182	ЦАР	46,4	44,5	48,4
183	Лесото	50,8	47,7	54,2	183	Лесото	44,2	42,3	46,4

* Страны ранжированы по величине ОПЖ и ОПЗЖ (оба пола).
 Источник: Global Health Observatory data repository. World Health Organization. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.688?lang=en>

сопоставлении с Россией и Украиной, при этом особое внимание в работе уделялось влиянию геополитических, политических, экономических, социальных, собственно демографических, экологических и других факторов [1]. В.И. Ревун в диссертационном исследовании, посвященном демографическому развитию в условиях депопуляции постсоветских государств – России, Беларуси и Украины, выявил ряд общих закономерностей и индивидуальных для каждой страны особенностей в параметрах воспроизводства и миграционного движения населения [2]. Коллективом российских и белорусских ученых в рамках совместных исследовательских проектов «Здоровье населения регионов Северо-Западного федерального округа РФ и Республики Беларусь как стратегический компонент трудового потенциала» (РФФИ № 11-22-01002а/Bel) и «Демографическая безопасность России и Беларуси: проблемы и перспективы» (РГНФ – БФФИ № 13-22-01002/13) проведен комплексный анализ трансформации структуры населения и ее роли в социально-экономическом развитии двух стран [3], выявлены основные факторы, влияющие на демографическую безопасность Беларуси и России [4]. Опыт сотрудничества белорусских ученых и исследователей Вологодского научного центра РАН, в том числе в направлении изучения демографического развития, состояния здоровья населения, был обобщен в коллективной монографии «Россия и Беларусь в начале XXI века: общество и экономика в зеркале социологии» [5]. Вместе с тем исследования демографических трендов союзных государств не теряют свою актуальность, особенно в связи с необходимостью изучения сложившихся условий для разработки и внедрения концепции активного долголетия. При этом важно понимание как демографических вызовов и угроз, так и открывающихся возможностей. Отдельное внимание стоит уделить региональным различиям в показателях демографического развития обеих стран. Цель нашей работы – изучение тенденций демографического развития России и Республики Беларусь

в первые десятилетия XXI века, выявление как общих, так и специфических для каждой страны закономерностей, определение демографических вызовов и возможностей на пути внедрения политики активного долголетия.

Эмпирическую базу исследования составили статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Национального статистического комитета Республики Беларусь. Анализируемый период – 2000–2020 гг.

Основные результаты

Численность населения, ее компоненты и динамика. За период с 2000 по 2020 год численность постоянного населения сократилась как в России (на 109 тыс. чел.), так и Беларуси (на 611 тыс. чел.; табл. 2). Однако, если не брать во внимание Республику Крым и г. Севастополь, вошедшие в состав РФ в 2014 году, убыль численности постоянного населения России оказалась более существенной (2464 тыс. чел.). Республика Беларусь за 2000–2020 гг. потеряла 6% своего населения, тогда как Российская Федерация (без учета Крыма и Севастополя) – 2%.

Урбанизация в Беларуси в первом двадцатилетии XXI века шла интенсивными темпами, превысившими рост доли городского населения в России: удельный вес городского населения увеличился на 8% против 2%. При этом, если в 2000 году доля городских жителей была выше в России – 73% против 70% в Республике Беларусь, то к 2020 году ситуация изменилась на противоположную – 75% в России против 78% в Беларуси.

Динамика естественного прироста в России в рассмотренный период носила волнообразный характер. До 2012 года наблюдалась естественная убыль населения (рис. 1). С 2013 по 2015 год она сменилась естественным приростом, однако уже в 2016 году вновь была зафиксирована убыль населения, размеры которой продолжили нарастать с каждым годом и к 2019 году достигли 317,2 тыс. человек. На протяжении всего периода исследования в стране отмечался миграционный прирост жителей, но если до

Таблица 2. Динамика численности населения России и Беларуси в 2000–2020 гг. (на начало года)

Страна	Год									2020 год к 2000 году (+/-)
	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Численность населения, тыс. чел.										
Россия	146890	143801	142834	146267	146545	146 804	146 880	146 880	146 781	-109
Беларусь	10019	9697	9500	9481	9 498	9 505	9 492	9 475	9 408*	-611
Удельный вес городского населения, %										
Россия	73,1	73,1	73,6	74,0	74,1	74,3	74,4	74,6	74,7	+1,6
Беларусь	70,0	71,8	74,5	77,3	77,6	77,9	78,1	78,4	77,6*	+7,6
Удельный вес сельского населения, %										
Россия	26,9	26,9	26,4	26,0	25,9	25,7	25,6	25,4	25,3	-1,6
Беларусь	30,0	28,2	25,5	22,7	22,4	22,1	21,9	21,6	22,4*	-7,6

* Предварительная численность населения на 1 января 2020 года с учетом итогов переписи населения 2019 года.
Источники: Единая межведомственная информационно-статистическая система / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru>; Население / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie>

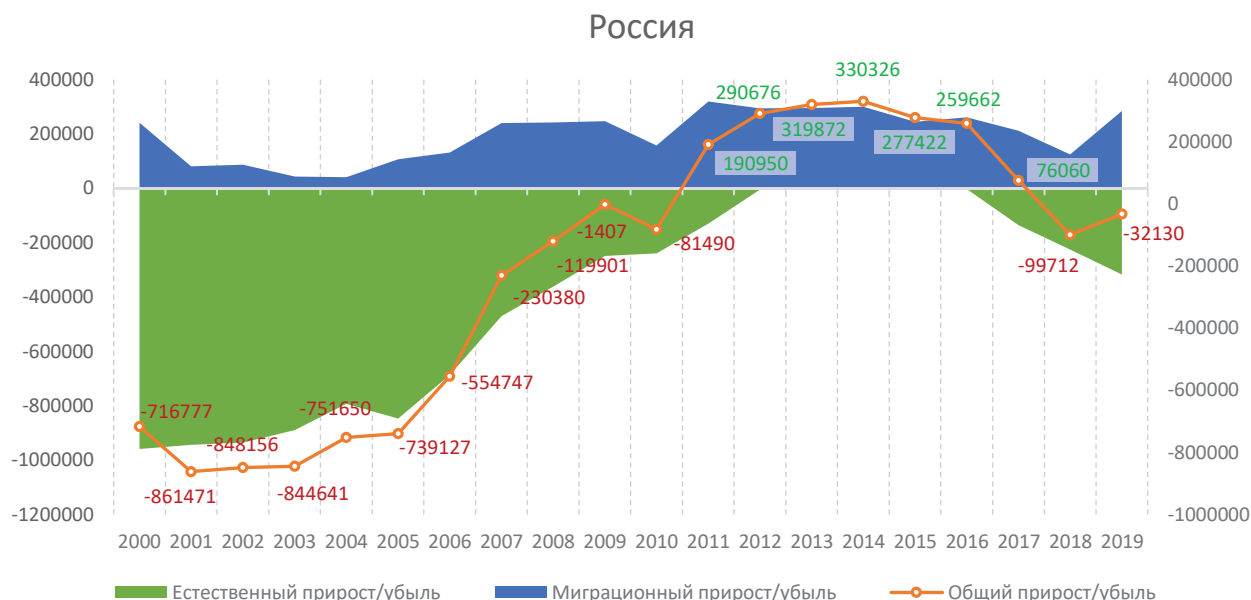

Рис. 1. Компоненты численности населения России в 2000–2019 гг., чел.

Источники: Единая межведомственная информационно-статистическая система / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru>; Численность и миграция населения Российской Федерации: бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283>

2010 года его размеры не компенсировали масштабы естественной убыли, то в течение шести лет (с 2011 по 2017 год) он обеспечивал общий прирост численности населения. С 2018 года миграционный прирост вновь не компенсирует миграционную убыль, в результате чего наблюдается общая убыль населения России (-32,1 тыс. чел. в 2019 году).

В Республике Беларусь на протяжении всего анализируемого временного проме-

жутка отмечалась естественная убыль населения (рис. 2). Несмотря на тенденцию ее снижения в отдельные периоды (с 2003 по 2009 год, с 2011 по 2015 год), она так и не сменилась естественным приростом, а с 2016 года масштабы убыли снова начали нарастать, к 2019 году достигнув почти 19 тыс. чел. В 2000–2019 гг. в Беларуси наблюдался миграционный прирост, однако его размеры компенсировали естествен-

Беларусь

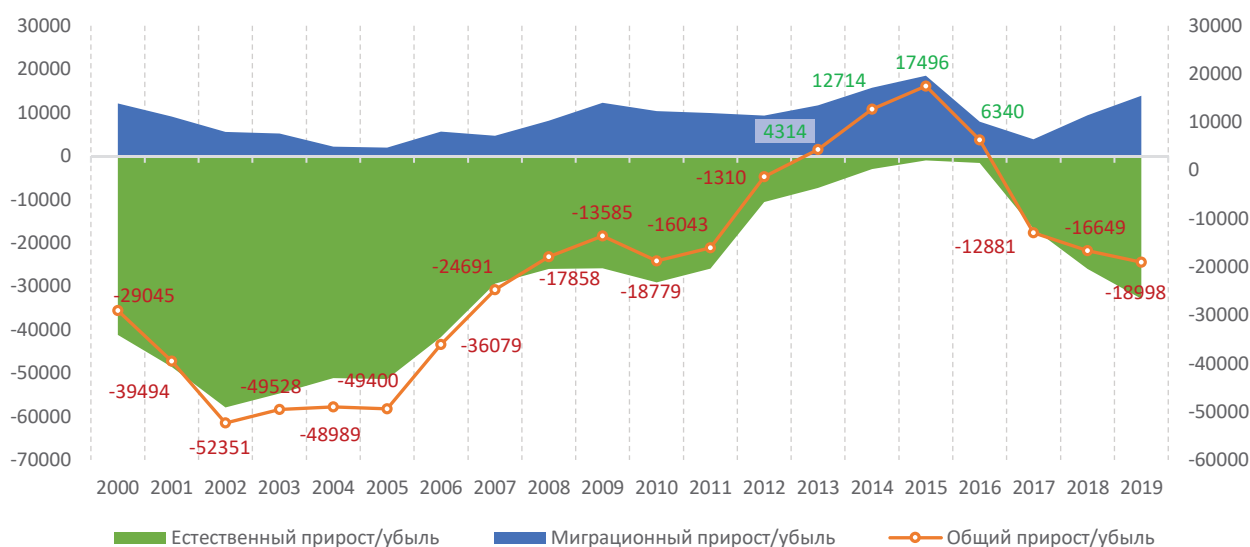

Рис. 2. Компоненты численности населения Республики Беларусь в 2000–2019 гг., чел.

Источник: Население / Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie>

ную убыль лишь на протяжении четырех лет (2013–2016 гг.), в результате чего происходил общий прирост численности населения республики. Начиная с 2017 года миграционный прирост не покрывает масштабы естественной убыли белорусского населения.

Анализ изменения численности населения регионов России по итогам 2019 года показал, что более чем половина из них в настоящее время теряет свое население. В 37 из 85 субъектов РФ это происходит из-за двойного «пресса» естественной и миграционной убыли, в 18 – за счет того, что естественная убыль превышает миграционный прирост, в трех регионах – миграционный отток превышает естественный прирост (табл. 3). Рост численности населения зафиксирован в 27 субъектах: в 8 – благодаря естественному и миграционному приросту, в 6 – естественный прирост превышает миграционный отток, в 13 – миграционный приток превышает естественную убыль. В пяти из семи регионов Республики Беларусь население сокращается вследствие двойного действия естественной и миграционной убыли (Брестская, Витебская, Гомельская, Гродненская, Могилевская области), тогда как население Минска и Минской области увеличивается за счет компенсации естественной убыли миграционным приростом.

Динамика общих коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста/убыли в России и Беларуси на протяжении 2000–2019 гг. была во многом схожа. Так, в обеих странах показатель рождаемости рос вплоть до 2015 года, когда достиг наибольшего значения (13,3 случая на 1000 чел. населения в России и 12,5 случая на 1000 чел. населения в Беларуси), после чего возникла продолжающаяся и в настоящее время тенденция его снижения (табл. 4). Общий коэффициент смертности достиг максимального уровня к 2002 году (16,2 случая на 1000 чел. населения в России и 14,9 случая на 1000 чел. населения в Беларуси). В последующем показатель ежегодно снижался, однако в Беларуси с 2018 года вновь заметен его рост. Наибольшее значение коэффициента естественной убыли в России отмечалось в 2000–2002 гг. (-6,5 и -6,6 на 1000 чел. населения), в Республике Беларусь – в 2002 году (-5,9 на 1000 чел. населения). С 2003 года в обеих странах коэффициент естественной убыли начал сокращаться. В результате в России к 2015 году он приобрел наибольшее положительное значение (0,3‰), т. е. наблюдался естественный прирост населения. В Беларуси в 2015 году коэффициент естественной убыли достиг наименьшего

Таблица 3. Группы регионов России и Беларуси по соотношению компонентов изменения численности населения в 2019 году

Естеств. движение	Миграц. движение	Совокупное движение	Регионы	Число регионов
Россия				
Регионы с нисходящей динамикой численности населения				
ЕУ	МУ	ОУ	Республики Башкортостан, Карелия, Коми, Мордовия, Удмуртская, Хакасия и Чувашская; Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский и Хабаровский края; Архангельская (без Ненецкого автономного округа), Астраханская, Брянская, Волгоградская, Вологодская, Иркутская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Магаданская, Мурманская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Саратовская, Сахалинская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Ульяновская области, Еврейская автономная область	37
ЕУ	МП	ОУ	Республика Марий Эл; Приморский край; Амурская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Курская, Липецкая, Нижегородская, Новгородская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Свердловская, Тверская, Челябинская и Ярославская области	18
ЕП	МУ	ОУ	Республики Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия – Алания	3
Регионы с восходящей динамикой численности населения				
ЕП	МП	ОП	Республики Алтай, Бурятия и Ингушетия; Тюменская (без автономных округов) область; Ненецкий, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа; город федерального значения Москва	8
ЕП	МУ	ОП	Республики Дагестан, Кабардино-Балкарская, Саха (Якутия), Тыва и Чеченская; Ямало-Ненецкий автономный округ	6
ЕУ	МП	ОП	Республики Адыгея, Крым и Татарстан; Краснодарский и Ставропольский края; Белгородская, Калининградская, Ленинградская, Московская, Новосибирская и Томская области; города федерального значения Санкт-Петербург и Севастополь	13
Беларусь				
Регионы с нисходящей динамикой численности населения				
ЕУ	МУ	ОУ	Брестская, Витебская, Гомельская, Гродненская, Могилевская области	5
ЕУ	МП	ОУ	–	-
ЕП	МУ	ОУ	–	-
Регионы с восходящей динамикой численности населения				
ЕП	МП	ОП	–	-
ЕП	МУ	ОП	–	-
ЕУ	МП	ОП	г. Минск, Минская область	2
<p>ЕУ, МУ, ОУ – естественная, миграционная, общая убыль населения. ЕП, МП, ОП – естественный, миграционный, общий прирост населения. Источники: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm; Демографический ежегодник Республики Беларусь: стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019.</p>				

отрицательного значения (-0,1‰). Однако с 2016 года в обеих странах естественная убыль вновь стала нарастать, что символизировало начало очередного этапа депопуляции [6–8].

Динамика естественного движения населения России и Беларуси требует углубленного рассмотрения ее показателей, в частности рождаемости. Изменения суммарного коэффициента рождаемости (СКР),

Таблица 4. Динамика общих коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста/убыли в России и Беларуси в 2000–2019 гг., на 1000 чел. населения

Показатель	Год										2019 год к 2000 году, %
	2000	2002	2003	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	
Россия											
ОКР	8,7	9,7	10,2	10,2	12,5	13,3	12,9	11,5	10,9	10,1	116,1
ОКС	15,3	16,2	16,2	16,1	14,2	13,0	12,9	12,4	12,5	12,3	80,4
ЕП/У	-6,6	-6,5	-6,2	-5,9	-1,7	0,3	0,0	-0,9	-1,6	-2,2	-
Беларусь											
ОКР	9,4	9,0	9,0	9,4	11,4	12,5	12,4	10,8	9,9	9,3	98,9
ОКС	13,5	14,9	14,6	14,7	14,4	12,6	12,6	12,6	12,7	12,8	94,8
ЕП/У	-4,1	-5,9	-5,6	-5,3	-3,0	-0,1	-0,2	-1,8	-2,8	-3,5	-

ОКР – общий коэффициент рождаемости, ОКС – общий коэффициент смертности, ЕП/У – коэффициент естественного прироста/убыли (в расчете на 1000 чел. населения).
 Источники: Единая межведомственная информационно-статистическая система / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru>; Естественное движение населения / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie>

отражающего среднее число детей, рожденных одной женщиной на протяжении ее фертильного периода, в целом повторяют ситуацию, характерную для общего коэффициента рождаемости (рис. 3). В период с 2000 по 2016 год суммарный коэффициент рождаемости в России вырос с 1,20 до 1,76 ребенка, в Беларуси – с 1,32 до 1,73. Однако начиная с 2017 года в обеих странах СКР сокращался, в результате чего к 2019 году его значение равнялось 1,50 в России и 1,39 в Беларуси. При этом наиболее существенное падение показателя пришлось на 2017 год: в России оно составило 8% по отношению к уровню предшествующего года, в Беларуси – 11%. Также примечательно, что если в 2000 году белорусский показатель превышал российский (1,32 против 1,20), то к 2019 году ситуация изменилась на противоположную (1,39 против 1,50). Вместе с тем в обоих государствах уровень суммарного коэффициента рождаемости не обеспечивает простое воспроизводство населения. Снижение рождаемости как российские, так и белорусские исследователи признают главным фактором старения населения [9; 10].

Наблюдаемые в динамике показателей рождаемости изменения во многом объясняются трансформацией ее возрастных параметров, в частности возрастных коэф-

фициентов рождаемости и среднего возраста матери при рождении ребенка. Так, например, если в 2000 и 2005 гг. возрастные коэффициенты рождаемости наибольшего значения достигали в возрастной группе 20–24 года (93,6 и 88,4 родившихся на 1000 женщин данной возрастной группы в России и 109,8 и 91,2 в Беларуси), то начиная с 2010 года в обеих странах максимальное число рождений приходилось на возрастную группу женщин 25–29 лет: в 2019 году – 91,1 родившихся на женщин данной возрастной группы в России и 89,0 – в Беларуси (табл. 5). За 2000–2019 гг. в обоих государствах существенно снизились возрастные коэффициенты рождаемости среди женщин молодых возрастов – до 20 лет (в России почти на 50%, Беларуси – на 61%) и 20–24 лет (в России – на 20%, Беларуси – на 38%). В свою очередь в остальных возрастных группах женщин репродуктивного возраста, напротив, наблюдался рост значений коэффициентов: в России наиболее существенный – у женщин 45–49 лет (в 5 раз) и 40–44 лет (в 3,7 раза), в Беларуси – у женщин 40–44 лет (в 3,4 раза). В результате трансформаций за анализируемый период средний возраст матери при рождении ребенка среди россиянок вырос на 2,9 года и составил 28,7 года, у белорусских женщин – на 4 года (29,6 года). Таким обра-

Рис. 3. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в 2000–2019 гг., родившихся на 1000 чел. населения

Источники: Единая межведомственная информационно-статистическая система / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru>; Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2019 год: стат. бюллетень / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2020.

Таблица 5. Возрастные коэффициенты рождаемости и средний возраст матери при рождении ребенка в России и Беларуси в 2000–2019 гг., родившиеся живыми на 1000 женщин в возрасте, лет

Показатель	Год								2019 год к 2000 году (+/-), %
	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	
Россия									
Возр. к-ты рожд-ти									
15-17 лет	10,0	10,9	10,4	9,1	7,8	6,0	5,4	5,2	52,0
18-19 лет	55,3	50,0	46,3	45,3	41,9	37,4	33,0	29,8	53,9
20-24 лет	93,6	88,4	87,5	90,0	87,2	81,2	78,4	74,8	79,9
25-29 лет	67,3	77,8	99,2	112,6	111,5	100,1	96,5	91,1	135,4
30-34 лет	35,2	45,3	67,3	83,0	84,4	77,2	76,1	71,6	203,4
35-39 лет	11,8	17,8	30,0	39,8	41,0	39,2	39,7	38,7	328,0
40-44 лет	2,4	3,0	5,9	8,3	8,8	8,7	8,9	8,9	370,8
45-49 лет	0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	500,0
15-49 лет	32,1	36,9	47,8	54,6	53,6	48,3	46,1	42,8	133,3
Ср. возраст матери	25,8	26,5	27,7	28,2	28,4	28,5	28,7	28,7	+2,9
Беларусь									
Возр. к-ты рожд-ти									
До 20 лет	27,4	21,7	20,7	18,1	16,1	13,4	11,7	10,8	39,4
20-24 лет	109,8	91,2	89,8	89,4	88,0	78,2	73,8	68,4	62,3
25-29 лет	75,5	79,0	101,6	115,4	116,1	100,7	93,0	89,0	117,9
30-34 лет	35,5	41,9	62,1	82,5	84,4	76,3	71,6	68,5	193,0
35-39 лет	11,5	14,3	23,2	35,7	37,7	34,9	34,4	33,8	293,9
40-44 лет	2,0	2,4	3,7	6,1	6,5	6,8	6,7	6,7	335,0
45-49 лет	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2	200,0
15-49 лет	35,5	34,6	44,0	52,1	52,1	45,9	42,6	40,0	112,7
Ср. возраст матери	25,6	26,2	27,3	28,6	28,9	29,2	29,4	29,6	+4,0

Источники: Демографический ежегодник России – 2019: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm; Демографический ежегодник Республики Беларусь – 2019: стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2019. С. 272; Естественное движение населения Российской Федерации в 2019 году: бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_106/Main.htm; Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2019 год: стат. бюллетень / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2020. С. 20.

зом, для обеих стран характерна тенденция «старения» материнства. Демографические риски «старения» материнства были бы не столь высоки, если бы население имело устойчивые среднететные ориентации [11]. Однако, как показывают репрезентативные социологические обследования, проводимые в России и Беларуси, население обеих стран в подавляющем большинстве имеет малодетные репродуктивные установки [12–16].

Несмотря на общность тенденций рождаемости, в Беларуси и России в целом на региональном уровне различия между двумя странами существенны и закономерны в силу различий масштаба государственных образований. В Беларуси все регионы достаточно близки по уровню рождаемости, в России субъекты можно группировать по показателю СКР. Такие группировки не являются стабильными – изменяются как градации СКР, так и состав регионов, формирующих группы с близким СКР.

Лидеры и аутсайдеры по рождаемости на уровне федеральных округов России в анализируемом периоде практически не менялись – Центральный федеральный округ традиционно демонстрировал низкие показатели рождаемости, а Северо-Кавказский федеральный округ сохранял лидерство по уровню рождаемости.

Особенность Беларуси заключается в значимом разрыве показателей рождаемости между сельской и городской местностью даже внутри одной области. В регионах с большей долей сельского населения рождаемость традиционно выше. В областях, где уровень урбанизации выше, – рождаемость ниже. Самый низкий суммарный коэффициент рождаемости наблюдается в Минске. По данным за 2019 год величина СКР по Минску составила менее 1 рождения на одну женщину, что является самым низким показателем за всю историю статистических наблюдений.

Половозрастная структура населения. Рассматривая половозрастные пирамиды населения России и Беларуси, нельзя не отметить их сходство: так, наиболее заметные «впадины» приходятся на возрастные группы 75–79 лет (поколения «детей войны»), 50–54 лет (поколения детей «детей войны») и 15–24 лет (поколения кризисных лет конца 1990-х – начала 2000-х гг.; рис. 4, 5). Такая форма возрастно-половой пирамиды стала следствием влияния двух групп факторов: эволюционных изменений (закономерно-го снижения смертности и рождаемости в процессе демографического перехода) и пертурбационных воздействий, связанных

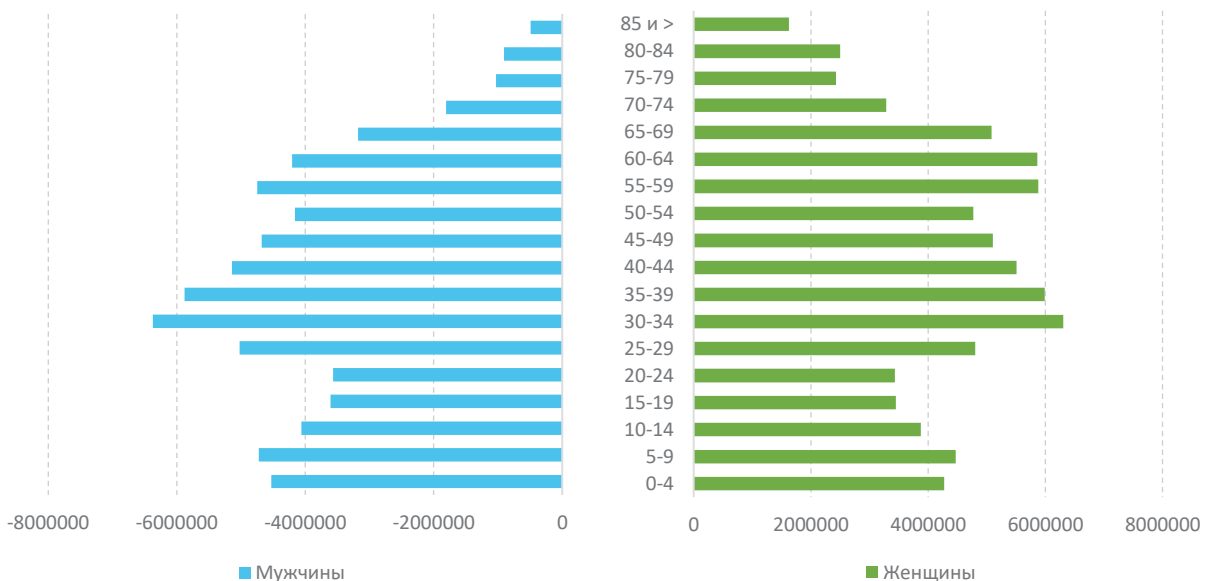

Рис. 4. Половозрастная пирамида населения России, 2019 год, чел.

Источник: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm

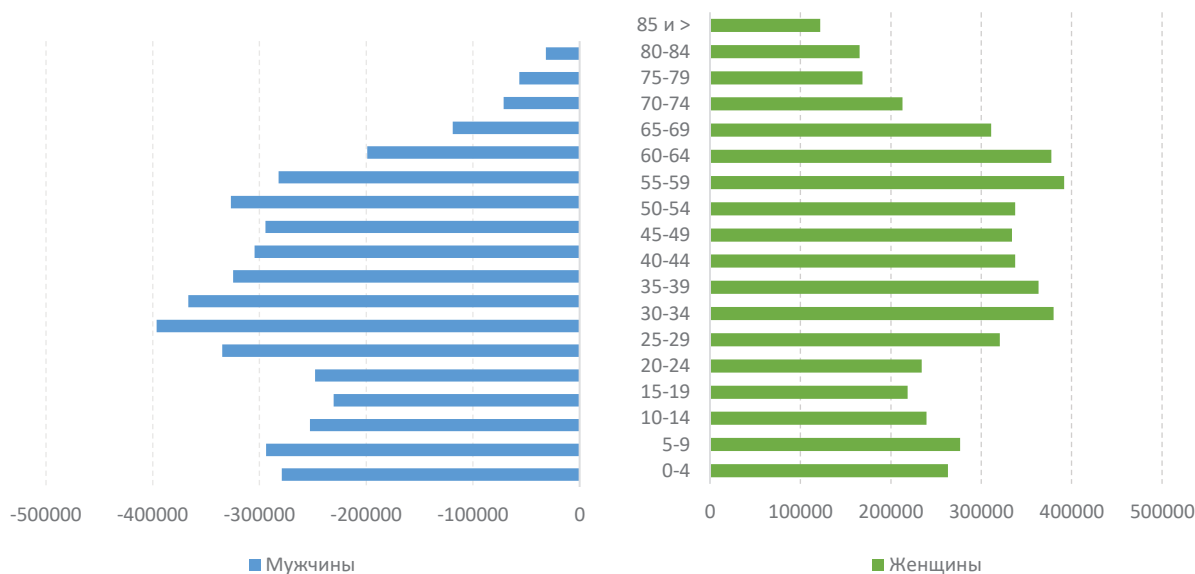

Рис. 5. Половозрастная пирамида населения Беларуси, 2019 год, чел.

Источник: Половозрастная структура среднегодовой численности населения по Республике Беларусь за 2019 год: стат. бюллетень. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. С. 4–6.

с экономическими и социальными потрясениями XX века⁴.

Для половозрастных пирамид населения обеих стран характерна выраженная гендерная диспропорция, заключающаяся в существенном превалировании численности женского населения над мужским. В России дисбаланс в сторону «перевеса» женщин над мужчинами начинается в возрасте 35–39 лет и в последующих возрастных группах нарастает: в 35–39 лет на 1000 мужчин приходится 1019 женщин соответствующего возраста, 40–44 года – 1071, 45–49 лет – 1092, 50–54 года – 1148, 55–59 лет – 1238, 60–64 года – 1395 (см. рис. 4). Начиная с 65 лет гендерный разрыв составляет более 1,5 раза (65–69 лет – 1599; 70–74 года – 1820; 77–79 лет – 2355), а с 80 лет – более 2,5 раза (80–84 года – 2760; 85 лет и старше – 3283). В половозрастной пирамиде Беларуси преобладание численности женского населения над мужским начинает фиксироваться в возрастной группе 40–44 года – 1040 женщин на 1000 мужчин соответствующего возраста, в 45–49 лет – уже 1097, 50–54 года – 1146, 55–59 лет – 1199, 60–64 года – 1339 (см. рис. 5). Так же как и в

России, для пирамиды населения Беларуси характерно нарастание гендерной диспропорции: численность женщин превышает численность мужчин в 1,5 раза и более – в возрасте с 65 до 79 лет, в 2,5 раза и более – в возрасте 80 лет и старше. Таким образом, половозрастные пирамиды населения обоих союзных государств имеют идентичные контуры и деформации («впадины»), вызывающие схожий эффект демографических «волн».

В возрастной структуре населения обеих стран на протяжении рассматриваемого периода прослеживалось увеличение удельного веса населения в возрасте 65 лет и старше, что выступает маркером демографического старения (рис. 6, 7). Так, в России с 2002 по 2020 год он вырос с 13 до 16%. Рост показателя в Беларуси за 2000–2020 гг. составил 2 п. п. (с 13 до 15%).

Согласно трехступенчатой шкале старения, предложенной Отделом статистики ООН⁵, и Россию, и Беларусь можно отнести к государствам со «старым населением», т. к. доля возрастной категории 65 лет и старше в общей численности их граждан превышает 7%.

⁴ Кваша Е.А., Харьковская Т.Л. Население России сквозь призму возраста и пола // Демоскоп Weekly. 2013. № 549–550. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0549/tema01.php>

⁵ The ageing of populations and its economic and social implications. New York: United Nations, 1956.

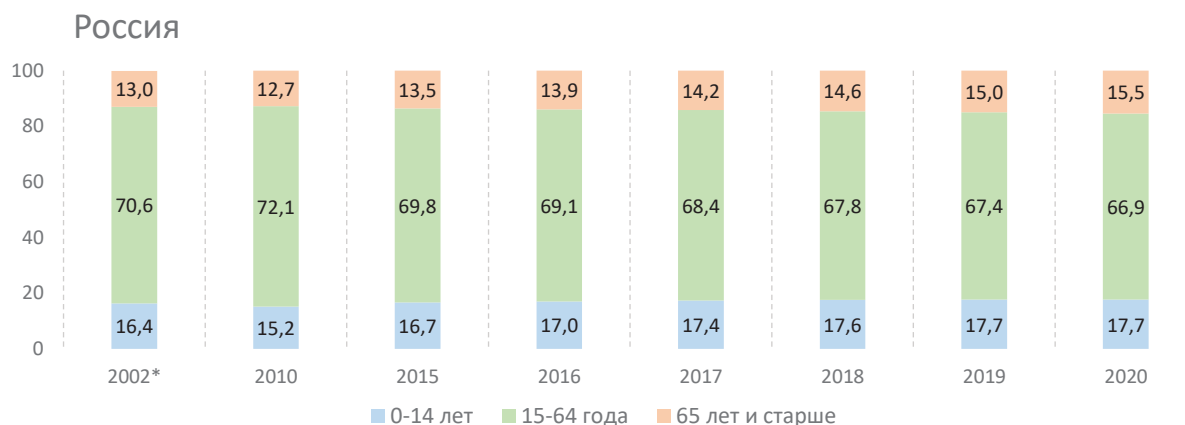

Рис. 6. Возрастная структура населения России в 2000–2020 гг., % от общей численности населения

* По данным переписи населения 2002 года.

Источник: Численность и состав населения / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

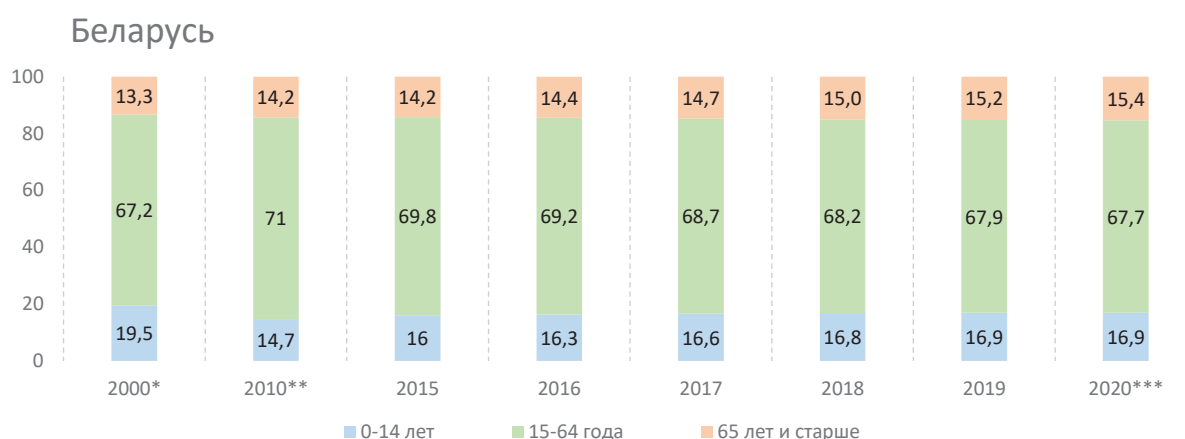

Рис. 7. Возрастная структура населения Беларуси в 2000–2020 гг., % от общей численности населения

* По данным переписи населения 1999 года.

** По данным переписи населения 2009 года.

*** По данным переписи населения 2019 года.

Источники: Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2015 года и среднегодовая численность населения за 2014 год: стат. бюллетень. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015. С. 5–7; Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2016 года и среднегодовая численность населения за 2015 год: стат. бюллетень. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. С. 5–7; Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2017 года и среднегодовая численность населения за 2016 год: стат. бюллетень. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. С. 5–7; Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2018 года и среднегодовая численность населения за 2017 год: стат. бюллетень. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. С. 5–7; Демографический ежегодник Республики Беларусь – 2019: стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. С. 52; Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь: стат. бюллетень. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. С. 7.

В России за 2002–2020 гг. заметно снизился удельный вес населения среднего возраста 15–64 лет (с 71 до 67%), но в то же время, хоть и незначительно, выросла доля детского населения в возрасте до 14 лет (с 16 до 18%). В Беларуси к 2020 году по сравнению с 2000 годом доля населения 15–64 лет существен-

но не изменилась (67 и 68% соответственно), тогда как удельный вес детей 0–14 лет снизился на 3 п. п. (с 20 до 17%).

Характерное для обеих стран старение снизу, т. е. за счет сокращения детских когорт, в Беларуси имеет более выраженные риски в случае сохранения на имеющем-

ся уровне или снижения интенсивности рождений.

Важным показателем измерения демографического старения является индекс старости – число лиц пожилого возраста (65 лет и старше) на 100 детей (до 15 лет) [17]. Индекс старости за период наблюдения существенно вырос в обеих странах: с 67 до 88 – в России и с 68 до 91 – в Беларуси. Индекс глубины старения, представляющий собой отношение численности самых старых (80 лет и старше) в общей численности лиц 65 лет и старше, увеличился с 16 до 25% в России и с 15 до 25% в Беларуси. Это свидетельствует о старении самого контингента пожилых и «углублении» демографического старения в целом [18].

И в России, и в Беларуси доля лиц в возрасте 65 лет и старше существенно выше среди женского населения по сравнению с мужским (19% против 11% в обеих странах), что объясняется более низкой смертностью женщин и в научной литературе получило название «феминизации старения» [19]. Удельный вес средней и младшей возрастных групп, напротив, преобладает у мужчин по сравнению с женщинами: возрастной группы 15–64 лет – 69% против 65% в России и 70% против 66% в Беларуси, 0–14 лет – 20% против 16% в России и 19% против 15% в Беларуси.

Регионы России заметно дифференцированы по доле населения в возрасте 65 лет и старше. Так, максимальное значение показателя наблюдается в Тамбовской области (19%), тогда как минимальное – в Ямало-Ненецком АО (4%; *рис. 8*). В 80 из 85 субъектов РФ доля населения 65+ превышает порог «старости», при этом в 58 регионах – в два раза и более.

Среди регионов Республики Беларусь дифференциация показателя удельного веса населения в возрасте 65 лет и старше не существенна: наибольшее его значение отмечается в Витебской области (17%), наименьшее – в г. Минске (14%; *рис. 9*). При этом во всех регионах показатель превышает порог «старости» (7%).

Тенденция к увеличению доли населения в возрасте 65 лет и старше в контексте

активного долголетия актуализирует обращение к параметрам здоровья и смертности населения.

Важным показателем демографического развития и состояния общественного здоровья выступает ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Ее увеличение служит одним из факторов демографического старения населения. За период с 2000 по 2019 год ОПЖ населения выросла в обеих странах: на 8 лет в России (с 65 до 73 лет; *рис. 10*) и на 6 лет в Беларуси (69 до 75 лет; *рис. 11*). При этом наиболее существенный ее прирост отмечался у мужчин по сравнению с женщинами: 9 лет против 6 в России и 6 лет против 5 в Беларуси. На протяжении всего периода наблюдения продолжительность жизни белорусского населения превышала российский показатель. Однако если в 2000 году разница достигала 4 года (69 лет против 65), то к 2019 году она сократилась до 1 года (74 года против 73).

В обоих государствах наблюдается гендерный разрыв в величине продолжительности жизни, выражающийся в превышении показателя ОПЖ женщин по сравнению с аналогичным у мужчин. Однако если в России его величина с 2000 по 2019 год сократилась на 3 года (с 13 до 10 лет), то в Беларуси – на 1 год (с 11 до 10 лет).

России свойственна существенная региональная дифференциация показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Наибольшая величина ОПЖ характерна для населения Республики Ингушетии (83,4 года), наименьшая – для Республики Бурятия (67,6 года; *рис. 12*). Таким образом, разрыв между крайними величинами показателя составляет 16 лет. В 78 из 85 субъектов ожидаемая продолжительность жизни превышает пороговое значение ВОЗ (70 лет), тогда как в семи регионах ее величина ниже пороговой (Красноярский, Забайкальский края, Магаданская, Амурская области, Еврейская автономная область, Чукотский АО и Республика Бурятия).

В Республике Беларусь разница между максимальным и минимальным значениями ожидаемой продолжительности жизни составляет три года: наибольшее наблюдается

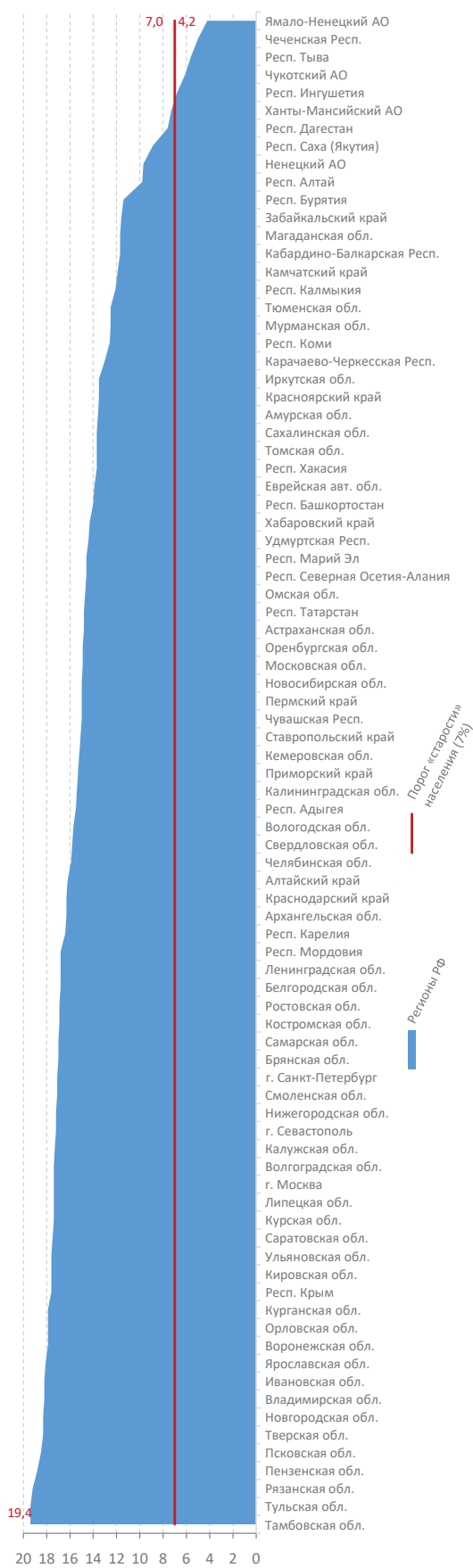

Рис. 8. Регионы России по доле населения в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения, 2020 год, %

Источник: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2020 года: стат. бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm

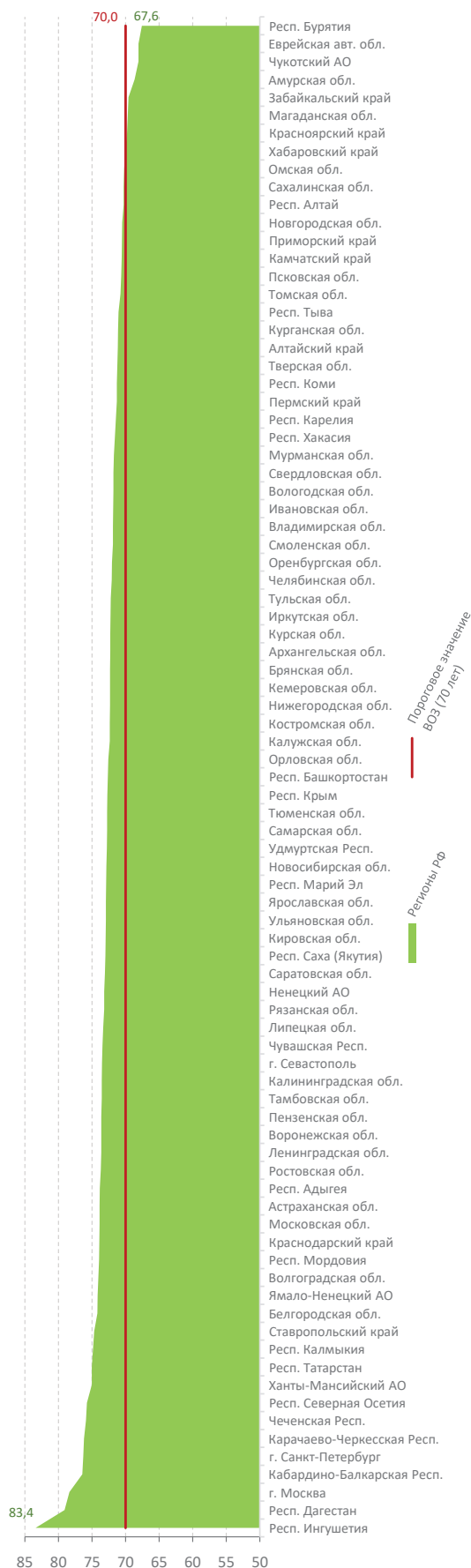

Рис. 12. Регионы России по ожидаемой продолжительности жизни населения, 2019 год, лет

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru>

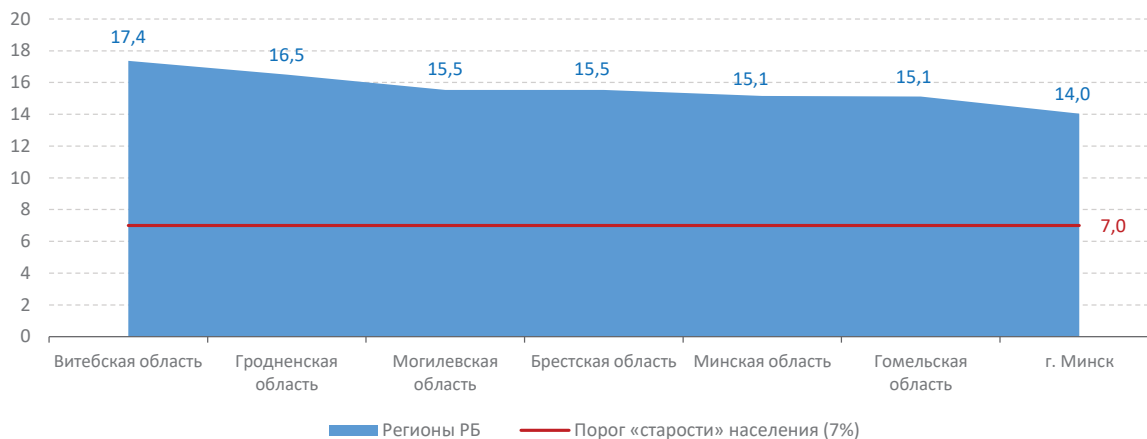

Рис. 9. Регионы Беларуси по доле населения в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения, 2020 год, %

Источник: Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь: стат. бюллетень. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. С. 10.

Рис. 10. Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения России в 2000–2019 гг., лет

Источники: Единая межведомственная информационно-статистическая система / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru>

Рис. 11. Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения Беларуси в 2000–2019 гг., лет

Источники: Ожидаемая продолжительность жизни при рождении / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/zdravooohranenie_2

у населения г. Минска (76,8 года), наименьшее – в Минской области (73,6 года; *рис. 13*). При этом во всех регионах Беларуси показатель выше порогового значения.

Смертность населения по основным классам причин является результирующим показателем общественного здоровья и поэтому выступает важным компонентом при анализе его состояния. В структуре причин смерти населения России и Беларуси на первом месте находятся болезни системы кровообращения (573,2 и 754,1 случая на 100 тыс. чел. населения), на втором – новообразования (203,5 и 204,6 случая на 100 тыс. чел. населения), на третьем – внешние причины (93,8 и 83,7 случая на 100 тыс. чел. населения; *табл. 6*). Высокая смертность от сердечно-сосудистых заболеваний – главный фактор отставания обеих стран от развитых государств по величине продолжительности жизни [20]. Однако если вклад болезней системы кровообращения в общую структуру смертности российского населения с 2000 по 2019 год сократился с 55 до 47%, то в структуре смертности белорусского населения, напротив, вырос с 54 до 59%. В обоих государствах за рассматриваемый период увеличилась доля новообразований и болезней органов пищеварения в общей структуре смертности: в России – на 3%, в Беларуси – на 2 и 1% соответственно.

С 2000 по 2019 год в России и Беларуси наиболее существенно сократилась смертность от внешних причин (на 57 и 47% соответственно) и болезней органов дыхания (на 43 и 62% соответственно). За анализируемый период в обоих государствах заметно вырос уровень смертности от болезней органов пищеварения (на 51 и 48% соответственно). В Беларуси, в отличие от России, наблюдается прирост показателя смертности от новообразований (на 4%) и болезней системы кровообращения (на 4%). Обращает на себя внимание факт заметного превышения уровня смертности от болезней системы кровообращения в Беларуси над российским показателем (на 32%).

Корреляционный анализ, проведенный между коэффициентами смертности от основных классов причин смерти и удельным весом населения 65 лет и старше (по всему массиву регионов за анализируемый период), в случае России позволил подтвердить существование сильной прямой пропорциональной взаимосвязи показателя старения с уровнем смертности от новообразований (коэффициент корреляции = 0,77) и болезней системы кровообращения (коэффициент корреляции = 0,69), тогда как в случае Республики Беларусь – с уровнем смертности от болезней органов дыхания (коэффициент корреляции = 0,77) и системы крово-

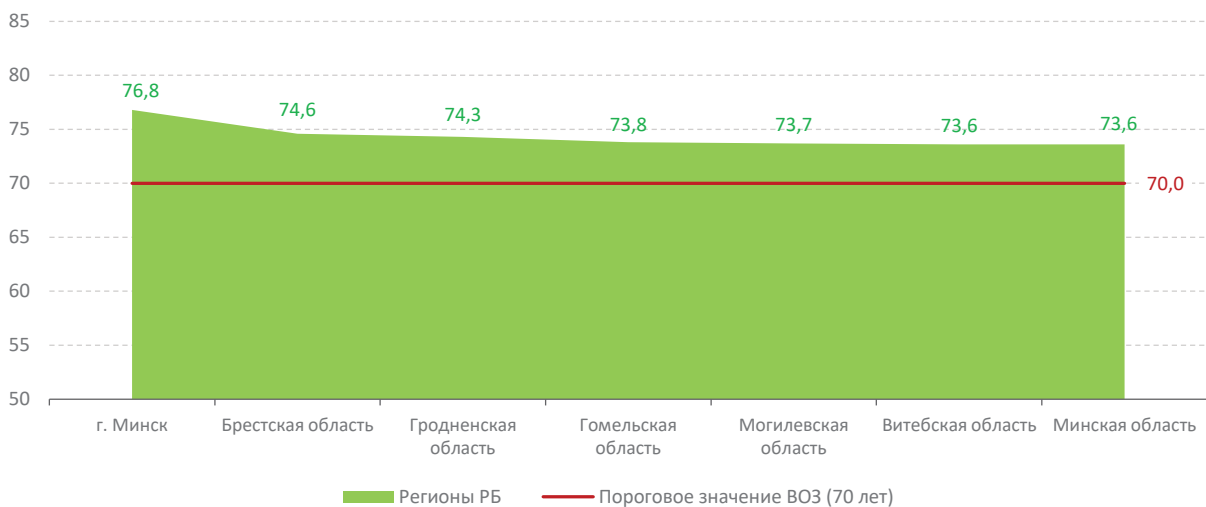

Рис. 13. Регионы Беларуси по ожидаемой продолжительности жизни населения, 2019 год, лет

Источник: Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по областям и г. Минску / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/zdravoohranenie_2/godovye-dannye

Таблица 6. Смертность населения России и Беларуси по основным классам причин смерти в 2000–2019 гг., умерших на 100 тыс. чел. населения

Класс причин	Год								2019 год к 2000 году, %
	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	
Россия									
Все причины	1529,0	1609,9	1420,0	1303,6	1289,3	1243,6	1245,6	1225,3	80,1
БСК	846,1	908,0	806,4	635,3	616,4	587,6	583,1	573,2	67,7
НО	204,7	201,2	205,2	205,1	204,3	200,6	203,0	203,5	99,4
ВП	219,0	220,7	151,8	121,3	114,2	104,0	98,5	93,8	42,8
БОП	44,4	65,5	64,4	69,6	67,0	63,3	65,0	67,0	150,9
БОД	70,2	66,2	52,4	51,8	48,0	42,2	41,6	40,3	57,4
ИПЗ	24,9	27,2	23,5	23,5	24,1	23,9	23,6	22,4	90,0
Беларусь									
Все причины	1351,4	1467,9	1444,9	1264,8	1256,4	1256,1	1265,9	1279,2	94,7
БСК	725,5	820,3	778,7	700,3	694,0	697,7	718,0	754,1	103,9
НО	196,1	192,2	194,3	186,6	188,7	196,8	198,7	204,8	104,4
ВП	158,5	174,5	150,5	92,5	87,4	83,7	84,5	83,7	52,8
БОП	29,7	44,2	55,3	38,0	37,0	35,9	38,9	43,9	147,8
БОД	67,0	54,7	37,3	19,7	19,0	19,9	23,5	25,2	37,6
ИПЗ	9,5	15,9	12,5	8,3	8,1	7,7	7,3	7,0	73,7

БСК – болезни системы кровообращения; НО – новообразования; ВП – внешние причины; БОД – болезни органов дыхания; БОП – болезни органов пищеварения; ИПЗ – некоторые инфекционные и паразитарные заболевания. Источники: Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru>; Беларусь и Россия: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1136966411369; Естественное движение населения Республики Беларусь.

обращения (коэффициент корреляции = 0,66; табл. 7).

Рассмотрим региональную дифференциацию коэффициента смертности российского и белорусского населения от основных классов причин смерти. Для России по сравнению

Таблица 7. Коэффициенты корреляции между коэффициентами смертности от основных классов причин смерти и удельным весом населения 65 лет и старше

	БСК	НО	ВП	БОП	БОД	ИПЗ
Россия	0,69	0,77	-0,13	0,42	0,22	-0,10
Беларусь	0,66	0,43	0,39	0,26	0,77	-0,06

Источник: рассчитано авторами.

с Беларусью характерна более выраженная дифференциация показателей смертности практически по всем классам причин (табл. 8). Вместе с тем наибольшая региональная вариация показателей смертности, свидетельствующая о выраженной территориальной неоднородности смертности (коэффициент вариации более 33%), в обеих странах свойственна для класса причин «инфекционные и паразитарные заболевания» (коэффициенты вариации – 55,7 и 43,3 соответственно). В Беларуси по сравнению с Россией обращает на себя внимание значительная региональная неоднородность смертности от болезней органов дыхания (коэффициент вариации – 34%).

Таблица 8. Дифференциация показателей смертности населения от основных классов причин смерти в регионах России и Беларуси, 2019 год

Показатель дифференциации	БСК	НО	ВП	БОП	БОД	ИПЗ
Россия						
Регион с max показателем	Псковская обл. (1071,1)	Псковская обл. (261,3)	Респ. Тыва (209,3)	Сахалинская обл. (140,9)	Забайкальский край (93,5)	Кемеровская обл. (76,1)
Регион с min показателем	Республика Ингушетия (131,2)	Чеченская Республика (38,7)	Чеченская Республика (14,9)	Республика Ингушетия (4,4)	Республика Ингушетия (3,6)	Чеченская Республика (4,1)
Разрыв в max и min показателях, раз	8,2	6,8	14,0	32,2	26,1	18,6
Коэффициент вариации	21,9	18,0	24,2	24,7	31,0	55,7
Беларусь						
Регион с max показателем	Гомельская обл. (884,9)	Витебская обл. (229,2)	Витебская обл. (107,0)	Гомельская обл. (51,1)	Витебская обл. (47,5)	Гомельская обл. (16,4)
Регион с min показателем	г. Минск (559,1)	г. Минск (182,9)	г. Минск (54,7)	г. Минск (35,8)	г. Минск (10,3)	г. Минск (4,0)
Разрыв в max и min показателях, раз	1,6	1,3	2,0	1,4	4,6	4,1
Коэффициент вариации	9,3	7,7	14,6	10,2	33,6	43,3
Источник: рассчитано авторами.						

Заключение

Проведенное исследование тенденций демографического развития России и Беларуси в контексте внедрения концепции активного долголетия позволило сделать ряд важных выводов как об общих чертах, так и о специфических особенностях обеих стран.

К числу общих демографических рисков относятся:

- нарастание естественной убыли, масштабы которой не покрывает миграционный прирост населения, как следствие, вступление обеих стран в новый этап депопуляции начиная с 2016 года;

- существенное снижение рождаемости с 2017 года, обусловленное, в том числе, тенденцией «постарения» материнства; при этом в обеих странах снижение рождаемости выступает решающим фактором старения населения («старение снизу»);

- сходство половозрастных пирамид населения с идентичными контурами и деформациями («впадинами»), вызывающими эффект демографических «волн», гендерная диспропорция в старших возрастах («феминность старения»);

- увеличение доли населения в возрасте 65 лет и старше, рост числа пожилых в расчете на 100 детей и нарастание «глубины» старения (доля самых старых в общем числе пожилых).

Специфические демографические риски России и Беларуси

- Если в России за анализируемый период доля детского населения, хоть и незначительно, но увеличилась (с 16 до 18%), то в Беларуси, напротив, уменьшилась (с 20 до 17%), что на фоне старения населения и сокращения удельного веса средней возрастной группы (15–64 лет) влечет более неблагоприятные последствия (выраженная демографическая нагрузка).

- Сокращение суммарного коэффициента рождаемости наблюдается в обеих странах с 2017 года, однако в настоящее время данный показатель в России заметно превышает аналогичный в Беларуси (1,50 против 1,39%).

- Региональные различия демографического развития более значимы для субъектов Федерации и федеральных округов России, что объясняется влиянием специфических

социально-экономических, этнокультурных, территориальных, административных и других факторов. Неоднородность демографического развития затрудняет реализацию общефедеральных инициатив по социально-экономической трансформации страны. Для Беларуси данная проблема не настолько актуальна, хотя рассмотрение демографических аспектов Беларуси в разрезе областей позволяет выявить направления по повышению сбалансированности регионального развития страны.

К трендам демографического развития обеих стран, оказывающим позитивное воздействие в условиях старения населения, в том числе с точки зрения повышения ресурсного потенциала населения старших возрастных групп, относится рост ожидаемой продолжительности жизни, наиболее выраженный среди мужчин. Тем не менее в обоих государствах остается высоким гендерный разрыв в величине ОПЖ (существенное превалирование показателя у женщин по сравнению с мужчинами), что и определяет «феминизацию» процесса старения.

Специфические «ресурсы» демографического развития

На протяжении всего периода наблюдения ожидаемая продолжительность жизни белорусского населения превышала российский показатель: в 2000 году – на 4 года (69 лет против 65), в 2019 году – на 1 год (74 года против 73). В Беларуси выше и ожидаемая продолжительность здоровой жизни.

Нужно отметить, что различия в уровне детности, о которых говорилось выше, также можно рассматривать в качестве «преимущества» демографического развития.

Анализ динамики смертности, как фактора старения населения, свидетельствует о заметном сходстве стран по этому показателю. В структуре причин смерти населения России и Беларуси лидируют болезни системы кровообращения, второе место занимают новообразования, третье – внешние причины. В обоих государствах с 2000 по 2019 год существенно сократилась смертность от внешних причин и болезней органов дыхания, но заметно выросла смертность от бо-

лезней органов пищеварения. И в России, и в Беларуси за рассматриваемый период увеличилась доля новообразований и болезней органов пищеварения в общей структуре смертности. Наибольшая региональная вариация показателей смертности в обеих странах наблюдается по классу «инфекционные и паразитарные заболевания».

Вместе с тем, за 2000–2019 гг. в Беларуси, в отличие от России, выросла смертность от новообразований и болезней системы кровообращения. Показатель смертности белорусского населения от болезней системы кровообращения существенно превышает российский (на 32%). Кроме того, вклад данного класса причин в общую структуру смертности населения в Беларуси заметно увеличился (с 54 до 59%), тогда как в России, напротив, сократился (с 55 до 47%).

Контроль структуры смертности – одно из актуальных направлений демографической политики. Корреляционный анализ показал, что в России доля пожилых в общей численности населения (65 лет и старше) тесно коррелирует не только с показателем смертности от болезней системы кровообращения, но и с показателем смертности от новообразований, тогда как в Беларуси – с показателем смертности от болезней органов дыхания. Кроме того, в Беларуси по сравнению с Россией обращает на себя внимание значительная региональная неоднородность смертности от болезней органов дыхания.

Укрепление общественного здоровья, снижение предотвратимой смертности – задачи «компенсации» демографического старения первой очереди. Кроме сохранения и улучшения половозрастной структуры населения эффектом их реализации является здоровьесбережение до старших возрастов (измеряемое, например, ожидаемой продолжительностью здоровой жизни), т. е. увеличение ресурсного потенциала старших возрастных групп населения. Данная задача требует системной деятельности, предусматривающей разработку и внедрение актуальной концепции активного долголетия, которого можно достичь, сберегая и укрепляя здоровье каждого человека с рождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Злотников А.Г. Тенденции современного демографического развития Беларуси // Демографія та соціальна економіка. 2006. № 1 (5). С. 66–75.
2. Ревун В.И. Демографическое развитие Беларуси, России и Украины в конце XX – начале XXI веков: монография. М.: ИСПИ РАН, 2009. 211 с.
3. Смертность трудоспособного населения России и Беларуси как угроза демографическому развитию территорий / А.А. Шабунова [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 2 (20). С. 83–94.
4. Демографическое развитие Республики Беларусь и Российской Федерации в контексте национальной безопасности / А.А. Шабунова [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 3 (27). С. 106–116.
5. Россия и Беларусь в начале XXI века: общество и экономика в зеркале социологии / под ред. А.А. Шабуновой, С.А. Шавеля; ФГБУН ВолНЦ РАН, ИС НАНБ, ИЭ НАНБ. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 191 с.
6. Демографическое развитие России в XXI веке: достигнутые результаты и предстоящие трудности: научный доклад / под ред. В.В. Локосова, Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2017. 76 с.
7. Доброхлеб В.Г. Старение населения России: региональный аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 4 (44). URL: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2764> DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.4
8. Артюхин М.И., Пушкевич С.А. Демографический кризис и пути его преодоления в условиях современной Беларуси // Социол. альманах. 2017. № 8. С. 295–304.
9. Шабунова А.А., Барсуков В.Н. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1. С. 76–87.
10. Привалова Н., Станишевская Л. Современные тенденции демографического развития Беларуси // Наука и инновации. 2014. № 2 (132). С. 9–16.
11. Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 200–217. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.12
12. Денисов А.Ю. Динамика репродуктивных установок населения Республики Беларусь и ее связь с рождаемостью // Вестн. Гродн. гос. ун-та им. Янки Купалы. Сер. 5: Экономика. Социология. Биология. 2017. Т. 7. № 3. С. 75–83.
13. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение: Т. II. Анализ результатов исследования «Поколения и гендер» / ред.: О. Терещенко, Т. Кучера; Проект «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь». Минск: Белсэс, 2018. 189 с.
14. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006. 399 с.
15. Тындик А.О. Репродуктивные установки населения в современной России // SPERO. 2012. № 16. С. 95–112.
16. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Демографический потенциал и стимулирование рождаемости // Народонаселение. 2016. № 4 (74). С. 47–56.
17. Барсуков В.Н. Демографическое старение населения: методы оценки // Вопросы территориального развития. 2014. № 4 (14). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1404>
18. Медико-социальные последствия демографического старения (на примере Самарской области) / Г.Н. Гридасов [и др.]. Самара: Волга-Бизнес, 2011. 216 с.
19. Gavrilov L.A., Heuveline P. Aging of Population. In: Paul Demeny and Geoffrey McNicoll (eds.). *The Encyclopedia of Population*. New York: Macmillan Reference USA, 2003, vol. 1, pp. 32–37.
20. Вишневецкий А., Андреев Е., Тимонин С. Смертность от болезней системы кровообращения и продолжительность жизни в России // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 1. С. 6–34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru

Александра Владимировна Короленко – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru

Анастасия Григорьевна Боброва – кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом, Государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси». Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1; e-mail: nastassiabobrova@mail.ru

Kalachikova O.N., Korolenko A.V., Bobrova A.G.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA AND BELARUS IN THE 21ST CENTURY IN THE CONTEXT OF THE INTRODUCTION OF THE ACTIVE LONGEVITY CONCEPT

The paper presents the results of a comparative analysis of demographic processes in Russia and Belarus in the first 20 years of the 21st century in the context of socio-economic problems dictated by the population aging. The level of demographic aging of both countries indicates the urgency of implementing the concept of active longevity. On the one hand, it will ensure health preservation of the majority of the population and increase the resource potential of the older generation, and their quality of life, on the other. Both Russia and Belarus entered a new wave of depopulation after 2016. Having a similar sex-and-age structure and trends of declining fertility, growth of life expectancy, they will continue to “age” in the future, and with an increase in the depth of old age. As Belarus is characterized by a lower total birth rate (1.39 versus 1.5 in Russia in 2019) and a noticeable decrease in the share of children in the age structure (from 20% in 2000 to 17% in 2020), the risks of “aging from below” are higher for it, primarily due to the demographic burden of the elderly. Using correlation analysis, the authors have identified the classes of mortality causes that have the greatest impact on the transformation of the age structure. In Russia, these are neoplasms and diseases of the circulatory system, in Belarus – diseases of the respiratory system and the circulatory system. Public health promotion, reducing preventable mortality are the tasks of “compensating” for demographic aging of the first stage. In addition to preserving and improving the age structure, the effect of their implementation is the health care up to older ages (measured, for example, by the healthy life expectancy), i.e. the increase of the resource potential of the elderly. This task requires a systematic study which provides for the development and implementation of an up-to-date active longevity concept. The longevity can be achieved by preserving and strengthening the health of each person since birth.

Population aging, demographic development, Russia and Belarus, active longevity concept.

REFERENCES

1. Zlotnikov A.G. Modern demographic progress trends of Belorussia. *Demografiya ta sotsial'na ekonomika=Demography and Social Economy*, 2006, no. 1 (5), pp. 66–75 (in Russian).
2. Revun V.I. *Demograficheskoye razvitiye Belarusi, Rossii i Ukrainy v kontse XX – nachale XXI vekov: monografiya* [Demographic Development of Belarus, Russia and Ukraine at the End of the 20th – in the Early 21st Century: Monograph]. Moscow: ISPI RAN, 2009. 211 p.
3. Shabunova A.A., Shakhotko L.P., Bobrova A.G., Malanicheva N.A. Able-bodied population mortality in Russia and Belarus as a threat to the demographic development of the territories. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2012, no. 2 (20), pp. 83–94 (in Russian).
4. Shabunova A.A., Shakhotko L.P., Bobrova A.G., Kalachikova O.N. Demographic development of the Republic of Belarus and the Russian Federation in the context of national security. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2013, no. 3 (27), pp. 106–116 (in Russian).
5. *Rossiya i Belarus' v nachale KHKHI veka: obshchestvo i ekonomika v zerkale sotsiologii* [Russia and Belarus at the Beginning of the 21st Century: Society and Economy in the Mirror of Sociology]. Ed. Shabunova A.A., Shavel' S.A.; FGBUN VolNTs RAN, IS NANB, IE NANB. Vologda: FGBUN VolNTs RAN, 2019. 191 p.
6. *Demograficheskoye razvitiye Rossii v XXI veke: dostignutyye rezul'taty i predstoyashchiye trudnosti: nauchnyy doklad* [Demographic Development of Russia in the 21st Century: Achieved Results and Upcoming Difficulties: Scientific Report]. Ed. Lokosov V.V., Rybakovskii L.L. Moscow: Izdatel'stvo "Ekon-Inform", 2017. 76 p.
7. Dobrokhleb V.G. Russian population aging: regional aspect. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issue*, 2018, no. 4 (44). Available at: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2764>. DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.4 (in Russian).
8. Artyukhin M.I., Pushkevich S.A. Demographic crisis and the ways to overcome it in the conditions of modern Belarus. *Sotsiologicheskii al'manakh=Sociological Almanac*, 2017, no. 8, pp. 295–304 (in Russian).
9. Shabunova A.A., Barsukova V.N. Trends in demographic aging of population of the Russian Federation and ways of overcoming them. *Problemy razvitiya territorii= Problems of Territory's Development*, 2015, no. 1, pp. 76–87 (in Russian).
10. Privalova N., Staninisheuskaya L. Current trends of demographic development in Belarus. *Nauka i innovatsii=Science and Innovations*, 2014, no. 2 (132), pp. 9–16 (in Russian).
11. Arkhangel'skii V.N., Kalachikova O.N. Maternal age at first birth: dynamics, regional differences, determination. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 200–217. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.12 (in Russian).
12. Denisov A.Yu. Dynamics of reproductive attitudes of the population of the Republic of Belarus and its relationship with fertility. *Vesnik Hrodzenskaha Dziarzhaunaha Universiteta Imia Ianki Kupaly. Seryia 5. Ekanomika. Satsyialohiia. Biialohiia=Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology*, 2017, vol. 7, no. 3, pp. 75–83 (in Russian).
13. *Belarus': struktura sem'i, semeynyye otnosheniya, reproduktivnoye povedeniye: Tom II. Analiz rezul'tatov issledovaniya «Pokoleniya i gender»* [Belarus: Family Structure, Family Relations, Reproductive Behavior: Volume 2. Analysis of the Research Results "Generation and Gender"]. Ed. Tereshenko O., Kucher T. Project "Support for the Implementation of the National Program of Demographic Security of the Republic of Belarus". Minsk: Belsens, 2018. 189 p.

14. Arkhangel'skii V.N. *Faktery rozhdayemosti* [Fertility Factors]. Moscow: TEIS, 2006. 399 p.
15. Tyndik A.O. Reproductive attitude of the population in modern Russia. *SPERO*, 2012, no. 16, pp. 95–112 (in Russian).
16. Shabunova A.A., Kalachikova O.N. Demographic capacity and fertility promotion. *Narodonaselenie=Population*, 2016, no. 4 (74), pp. 47–56 (in Russian).
17. Barsukov V.N. Demographic innovation system and regional development strategy. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issue*, 2014, no. 4 (14). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1404> (in Russian).
18. Gridasov G.N., Denisenko M.B., Sirotko M.L., Kalmykova N.M., Vasin S.A. *Mediko-sotsial'nyye posledstviya demograficheskogo stareniya (na primere Samarskoy oblasti)* [Medical and Social Consequences of Demographic Aging (the Case of the Samara Oblast)]. Samara: Volga-Business, 2011. 216 p.
19. Gavrilov L.A., Heuveline P. Aging of Population. In: Paul Demeny and Geoffrey McNicoll (Eds.). *The Encyclopedia of Population*. New York: Macmillan Reference USA, 2003, vol. 1, pp. 32–37.
20. Vishnevsky A., Andreev E., Timonin S. Mortality from cardiovascular disease and life expectancy in Russia. *Demograficheskoye obozreniye=Demographic Review*, 2016, vol. 3, no. 1, pp. 6–34 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ol'ga N. Kalachikova – Candidate of Sciences, Deputy Director for Science, Head of Department, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru

Aleksandra V. Korolenko – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: coretra@yandex.ru

Anastasiya G. Bobrova – Candidate of Sciences, Associate Professor, Head of Department, State Research Institution “The Institute of Economics NAS of Belarus”. 1, Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: nastassiabobrova@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.3

УДК 352.075 | ББК 60.84

© Жестяников С.Г.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ (ИЗ ОПЫТА ВОЛОГОДСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

СЕРГЕЙ ГЕННАДИЕВИЧ ЖЕСТЯНИКОВ

Глава Вологодского муниципального района

Представительное Собрание Вологодского муниципального района

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: jestyannikovsg@volraion.ru

Статья посвящена вопросам организации эффективной обратной связи с гражданами и создания условий для повышения уровня вовлеченности населения в процессы управления территорией на местном уровне. В ближайшие годы объем финансирования мероприятий, поддержанных гражданами путем открытого голосования, должен существенно вырасти, что ставит задачу дальнейшего вовлечения граждан в процессы управления на местном уровне. В статье определены теоретико-методологические подходы к понятию «общественное участие», изложены функции и формы участия населения в принятии решений, обобщен опыт Вологодского муниципального района Вологодской области по решению вопросов социально-экономического развития территории с использованием механизмов обратной связи и активного вовлечения граждан. Такие практики активизации общественного участия, как губернаторские инициативы – градостроительные советы и программа «Народный бюджет», а также местные – информационный ресурс «Заяви о проблеме», «Открыто», «Народный стройконтроль», «Дружному дому – уютный двор», муниципально-общественное партнерство по сохранению объекта культурного наследия, поддержка добровольчества и др., позволили увеличить уровень вовлеченности граждан в процесс управления на муниципальном уровне до 40%. Все большее значение в плане самоорганизации населения приобретают институт старост, территориальное общественное самоуправление, которые открывают новые возможности для сотрудничества

Для цитирования: Жестяников С.Г. Общественное участие как инструмент развития территории (из опыта Вологодского муниципального района Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 52–67. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.3

For citation: Zhestyannikov S.G. Public participation as tool for territory development (experience of the Vologda Municipal District of the Vologda Oblast). *Problems of Territory Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 52–67. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.3

власти и общества по развитию территории. Достигнутый уровень коммуникаций с населением и реальная включенность общественности в принятие решений на муниципальном уровне во многом обуславливают лидирующие позиции района в региональных рейтингах социально-экономического развития. Практическая значимость исследования определяется возможностью использовать предложенные социально-управленческие инструменты в деятельности органов местного самоуправления.

Муниципальное управление, местное самоуправление, общественное участие, обратная связь, коммуникация, местное сообщество.

Актуальность

Сегодня очевидно, что стабильное и эффективное функционирование местного самоуправления напрямую зависит от конструктивного взаимодействия муниципальных органов власти с населением и активного участия местных сообществ в процессах управления муниципалитетом.

Поддержка органами власти социальных инициатив граждан – один из главных элементов развития гражданского общества. От готовности людей участвовать в общественной жизни территории, на которой они проживают и работают, во многом зависят эффективность решения актуальных социальных проблем территориального сообщества, действенность органов местного самоуправления.

Поскольку органы местного самоуправления – самый близкий к населению уровень публичной власти, местные администрации обладают значительным потенциалом для эффективной коммуникации с гражданами и их вовлечения в процесс управления. Партнерство власти и общества – это не просто один из возможных подходов в управлении на местном уровне. Привлекательность муниципалитета для жителей в значительной степени определяется возможностью их самореализации в принятии решений по развитию своей территории. В ходе взаимодействия власти и общества могут быть сформированы механизмы устойчивого развития локальной территории, а результатом станет высокое качество жизни населения.

В связи с этим анализ теории и практики общественного участия в развитии территорий продолжает оставаться актуальным, в том числе с точки зрения разработки новых моделей, а также соответствующих рекомендаций органам местного самоуправления.

Общественное участие в научном дискурсе

Впервые понятие «общественное участие» стало встречаться в середине прошлого века в социологических исследованиях в таких областях, как урбанистика, теория гражданского общества, прикладных исследованиях и практиках работы с населением в местных сообществах. Проблема участия и самоорганизации граждан в выполнении работ, полезных для общественного развития на местах, стала активно исследоваться в западной литературе (особенно в американской социологии) в рамках концепции гражданского общества [1], социальных сетей [2], социального капитала [3].

Тема изучения общественного участия как инструмента развития местных территорий особую известность приобрела в западной научной литературе с 1960-х гг. Предметом изучения зарубежных исследователей становились вопросы влияния практик общественного участия на развитие местных сообществ и социокультурную среду обитания [4]. Актуальность исследования участия в обозначенном контексте сформировалась благодаря вниманию к проблемам развития микросоциума, необходимости поиска методов оценки его состояния и повышения эффективности [5; 6].

В настоящее время проблемы общественного участия (Public Participation) рассматриваются в связи с многочисленными аспектами социума, в том числе социальными движениями, социальными сетями, добровольчеством и т. д. Так, многие зарубежные исследователи связывают общественное участие с высоким уровнем развития демократии, отмечают его актуальность в плане интеграции местных знаний в пространствен-

ное планирование и решение экологических проблем, а также предлагают различные методы снижения административных барьеров для активизации граждан [7–10].

Проблемы участия населения в решении вопросов местного значения и привлечения граждан к деятельности органов муниципальной власти отражены М.А. Авакьян, Т.И. Виноградовой, С.А. Липчанской, Т.Н. Ключниковой и др. [11–14]. Изучению природы общественной активности в системе гражданского общества и местного самоуправления посвящены публикации В.Н. Бельского, Т.М. Бялкиной, Э.Ю. Майковой, Е.В. Симоновой [15–17].

Понятие общественного участия в исследованиях ряда российских ученых рассматривается в контексте близких по значению дефиниций, таких как гражданское и социальное участие (активность), а в основе их различий лежит разнообразие подходов к термину «участие» применительно к конкретным сферам использования (политическая деятельность, общественные взаимодействия). Гражданское участие при этом понимается как участие лиц в политических процессах и демократических институтах, а социальное участие – как коллективная деятельность, направленная на решение задач в повседневной жизни.

По мнению И.А. Скалабан, общественное участие занимает между ними промежуточное положение и означает объединение различных групп заинтересованных сторон для совместной разработки решений сложных вопросов и достижения консенсуса по этим вопросам как внутри сообщества, так и в процессе диалога с властью. Важно, что основой деятельности индивидов в группах либо организациях становится осознание ее социальной значимости. Таким образом, в понимании общественного участия для целей нашего исследования мы будем опираться на формулировку И.А. Скалабан, согласно которой общественное участие – это ситуативные, институциональные практики, процесс вовлечения и осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению общественно зна-

чимого результата путем непосредственного или опосредованного объединения индивидов в группы, сообщества различной степени устойчивости и формализации. Научный интерес представляет структурно-динамическая модель общественного участия, разработанная названным автором, а также систематизация общественного участия, разделяемая не только по сферам, но и по степени вовлеченности субъектов в процесс участия (пассивное – активное), мотивации (альтруистическое – оплачиваемое) и др. [18; 19].

Различные аспекты феномена общественного участия в настоящее время вызывают активный исследовательский интерес и находят все большее отражение в современной научной литературе. Так, Э.Х. Хабибрахманова структурирует участие граждан в местном самоуправлении по характеру их управленческой активности, а именно по степени участия (полная, частичная, формальная, реальная), этапам принятия управленческих решений (экспертно-аналитическая, субъектная, исполнительская, контрольно-ревизионная), степени обязательности принимаемых управленческих решений для исполнения, последствиям управленческой деятельности (конструктивная и деструктивная) [20].

В статьях Т.А. Мордасовой и А.Б. Выборнова рассмотрены виды и уровни общественного участия, а также факторы, обеспечивающие/затрудняющие его проявление. Например, по способу взаимодействия с властью ученые выделяют такие виды общественного участия, как поддерживающее, контактирующее либо влияющее. По уровням общественное участие выстраивается от информирования через содействие и дискуссию к соучастию в процессе выработки решения. Указанными авторами определены факторы стимулирования/сдерживания общественного участия: отношение к гражданскому обществу власти и бизнеса, характеристика гражданских структур и их социальной базы, ценностные ориентиры гражданского общества и их воздействие на политическое управление [21; 22].

Многие исследователи выделяют причины, снижающие активность развития механизмов общественного участия, прежде всего отсутствие последовательной государственной политики в области развития и поддержки гражданских инициатив. Не случайно ряд российских экспертов отмечает медленные темпы реализации этих задач в большинстве муниципальных образований страны. Примеры совместных созидательных усилий по управлению территорией малочисленны. В качестве центральной проблемы ученые называют неготовность органов управления к принятию на паритетной основе общественных инициатив, с одной стороны, а с другой – низкую активность граждан, прежде всего сельских жителей: значительная их часть достаточно консервативна и с недоверием относится к переменам, которые инициированы государством [23–28].

Эти предположения подробно проанализированы и подтверждены в эмпирических исследованиях Н.В. Ворошилова, Э.Ю. Майковой, Е.В. Симоновой, А.В. Клюева, И.С. Урсу, Т.Н. Ключниковой, В.Н. Орловой и других. Наиболее популярные формы общественной активности в настоящее время – участие в выборах, субботниках, культурно-массовых и спортивных мероприятиях [17; 29–31].

Вместе с тем, согласно указанным работам, в целом отмечается рост активности граждан, в том числе связанный с развитием информационно-коммуникационных технологий, актуализирующий общественный запрос на транспарентность власти. В этом плане рядом авторов (Е.В. Реутов, Р.А. Брусенская, А.А. Сидорова и др.) подробно изучаются плюсы современных коммуникаций в формате «электронного правительства», которые позволяют власти держать руку на пульсе социального самочувствия и интересов граждан [32; 33].

Методика и информационная база исследования

Целью нашего исследования является анализ практик общественного участия на муниципальном уровне. Основное внима-

ние уделяется взаимодействию общественности с органами местного самоуправления, инструментам повышения вовлеченности населения в общественную жизнь муниципалитета в контексте механизмов обратной связи (население – власть). Новизна работы обусловлена попыткой обобщить опыт вовлеченности местного социума в практики общественного участия при взаимодействии с муниципальными органами власти как инструмента развития территории.

Для проведения исследования выбран Вологодский район Вологодской области – одного из субъектов СЗФО. Вологодский муниципальный район расположен в центральной части региона вокруг областного центра и административно разделен на 10 сельских поселений (численность жителей составляет 52,5 тыс. человек). Важной особенностью Вологодского района является отсутствие административного центра при значительной удаленности территорий, что обуславливает специфику ментальности жителей и заметные различия в локальных стратегиях развития отдельных населенных пунктов и поселений.

Социально-экономическая сфера района динамично развивается. Это подтверждается лидирующими позициями в сфере муниципального управления. Как свидетельствуют материалы официальной статистики за 2019 год, Вологодский район опережает другие муниципалитеты Вологодской области по ряду ключевых показателей (табл.). Безусловно, достигнутые результаты стали возможными, в том числе, благодаря активному взаимодействию с гражданами и их вовлечению в процесс управления развитием территории.

Информационную базу составили нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы местного самоуправления и общественного участия, информация с веб-сайтов Правительства Вологодской области и Администрации Вологодского района, материалы публичной страницы муниципалитета в социальной сети «ВКонтакте», а также страницы главы района, руководителя администрации района и структурных подразделений

Таблица. Ключевые показатели социально-экономического развития муниципальных районов Вологодской области в 2019 году

Муниципальный район	Средне-месячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, тыс. руб.	Миграционный прирост, убыль (-)	Число семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия, ед.	Число амбулаторно-поликлинических организаций, ед.	Объем платных услуг населению, тыс. руб.	Число ИП, чел.	Оборот розничной торговли, млн руб.	Уровень зарегистрированной безработицы, % к рабочей силе	Инвестиции в основной капитал, млн руб.
Бабаевский	45873	79	16	7	302250	520	2202,7	1,2	12243,0
Бабушкинский	30598	-115	2	3	131339	328	1303,5	0,6	88,2
Белозерский	34915	-25	13	2	110602	357	2007,2	2,3	1201,9
Вашкинский	31926	-21	17	1	65541	166	804,5	1,8	296,4
Великоустюгский	32088	-140	70	14	792862	1372	8490,6	1,6	2482,5
Верховажский	33379	105	18	3	97103	242	1184,1	1,9	306,7
Вожегодский	32148	-11	21	4	72987	242	1713,6	1,6	293,2
Вологодский	36559 (7)*	135 (2)	40 (2)	16 (1)	971226 (1)	1461 (1)	4453,9 (4)	0,8 (23)	4092,2 (6)
Вытегорский	43813	-27	13	4	213069	491	3108,2	1,8	912,8
Грязовецкий	39934	9	24	7	517407	577	5279,0	1,1	9085,1
Кадуйский	47143	22	7	3	329304	362	2014,0	2,6	7375,0
Кирилловский	32277	47	21	3	201370	271	2544,2	1,6	1500,4
Кичменгско-Городецкий	28530	-40	9	3	93008	297	1990,6	1,3	177,8
Междуреченский	31035	-19	9	2	51708	113	528,9	1,9	172,0
Никольский	26561	-96	13	3	146193	396	2698,8	1,5	123,8
Нюксенский	42957	65	7	2	114779	182	1180,2	1,4	3492,1
Сокольский	31374	-65	24	6	820747	1030	6362,4	1,1	2347,2
Сямженский	34967	-14	6	2	84866	252	918,8	1,6	206,1
Тарногский	29687	-19	9	4	81071	509	1360,5	1,7	62,9
Тотемский	35330	5	15	4	251102	503	3111,2	1,5	2760,4
Усть-Кубинский	32642	72	9	3	77973	154	698,0	1,1	8,4
Устюженский	29296	-59	3	3	164388	452	1754,9	2,5	57,3
Харовский	32101	-23	11	2	90626	398	2007,5	1,0	534,1
Чагодощенский	34836	9	18	2	115768	250	1413,5	1,9	562,4
Череповецкий	39728	319	18	10	747112	1229	3920,2	0,7	14123,3
Шекснинский	35869	121	27	2	479413	626	3657,0	0,4	9024,2
Среднее по районам	34829	-	17	4,4	273992,8	491,5	2565,7	1,5	2828,1

* В скобках указано место Вологодского муниципального района в рейтинге районов по соответствующему показателю. Чем выше место, тем лучше ситуация в районе. Исключение: показатель «Уровень зарегистрированной безработицы» – чем ниже место, тем лучше ситуация в районе.
 Источник: Муниципальные районы и городские округа Вологодской области: социально-экономические показатели – 2019 / Вологдастат. 2020. 274 с.

администрации района; корпус отчетных документов органов местного самоуправления Вологодского района. Основной метод анализа – описание кейс-стади (case-study) – практик общественного участия, реализующихся на уровне муниципалитета при взаимодействии с местными органами власти.

Результаты исследования и их обсуждение

Правовую основу общественного участия в России составляет Конституция Российской Федерации. На муниципальном уровне нормативное регулирование определило возможности интеграции социума в

процесс управления развитием территорий с момента принятия Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» через такие формы, как местный референдум, сход граждан, публичные слушания, территориальное общественное самоуправление и др. В законе определены основные формы взаимодействия территориальных местных сообществ с органами муниципального управления в части реализации общественных и правотворческих инициатив, проектной деятельности, внедрения инновационных методов хозяйствования.

Социальный запрос на различные формы обратной связи и включения населения в процесс управления муниципальным образованием в последние годы становится все более актуальным: диссонансы между намерениями власти и ожиданиями населения дорого обходятся как в политическом, так и в экономическом плане. Игнорирование потребностей в выстраивании эффективной коммуникации по линии «власть – общество» обуславливает появление различных общественных проблем. В процессе управления муниципальным образованием важен баланс интересов между органами власти и местными сообществами в вопросе об ответственности за благосостояние территорий. Слабая информационная открытость органов власти и управления ведет к росту коррупции, снижению уровня доверия населения к органам управления.

Соответствующие реалиям современного общества подходы к выстраиванию взаимоотношений власти и жителей все чаще находят выражение в практике. В местном самоуправлении уже выработаны различные формы коммуникаций с населением: мобильные приемные, единые справочно-информационные службы, личные встречи руководителей с населением, информационные стенды, «горячие линии», публичные отчеты, контроль закупочной деятельности органов власти, средства массовой информации и библиотечные центры, круглые столы с общественностью и публичные слушания, создание временных рабочих

групп, сервисы «электронных» администраций и др.

Достаточная осведомленность населения составляет основу «информированного согласия», когда люди знают, понимают и поддерживают муниципальную власть. Однако на современном этапе степень участия общественности в принятии решений на муниципальном уровне возрастает. Так, «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» прямо указали на необходимость принятия органами власти взвешенных социально ответственных решений по вопросам социально-экономического развития за счет расширения участия граждан в выработке предложений, обсуждении и принятии управленческих решений, развития механизмов территориального общественного самоуправления, внедрения механизмов инициативного бюджетирования, расширения практики общественного контроля. В связи с тем что эти возможности не всегда активно применяются в местном самоуправлении, понятны высказывания Президента России В.В. Путина на заседании Совета по развитию местного самоуправления в Красногорске 30 января 2020 года о необходимости муниципальной власти «быть с людьми, обсуждать с ними самые насущные вопросы», искать «механизмы прямой коммуникации», «обеспечивать возможность направления на осуществление приоритетных мероприятий, определяемых с учетом мнения граждан путем открытого голосования, по истечении трех лет не менее 5% расходов местного бюджета».

Вместе с тем очевидно, что даже при наличии высокого уровня заинтересованности в решении местных проблем население в настоящее время не способно самостоятельно реализовать местные инициативы. Для этого оно нуждается в организационной и консультационной поддержке со стороны органов муниципального управления. Их роль должна состоять в формировании у населения самоуправленческой активности и интеграции ее в процесс муниципального управления. Органам власти необходимо создавать условия для вовлечения граждан

и в другие формы активностей: обсуждение стратегических документов, добровольчество, инициативное бюджетирование, участие в деятельности территориальных общественных объединений и др., способствующие укреплению взаимодействия власти и общества и переходу от обмена информацией к диалогу и партнерству.

Совершенствование механизмов коммуникации с гражданами в Вологодском районе – одно из приоритетных направлений деятельности органов местного самоуправления. Информирование населения осуществляется с использованием различных информационных ресурсов: сети Интернет, районной газеты «Маяк» (с бесплатным приложением «Народный вестник»), средств массовой информации: прессы, телевидения и радиовещания.

Для оперативного размещения информации о деятельности органов местного самоуправления работают публичная страница муниципалитета в социальной сети «ВКонтакте», а также страницы главы района, руководителя администрации района и структурных подразделений администрации района. Общее количество подписчиков на них в социальных сетях составляет более 50 тыс. человек.

Обратная связь с населением обеспечивается за счет активной работы Общественного

совета, районного Совета ветеранов, общества инвалидов, районного Совета женщин, координационных советов различной направленности, территориальных окон многофункционального центра по предоставлению государственных и муниципальных услуг Вологодского муниципального района, организации доступа к актуальной информации через разветвленную сеть библиотек и др.

Анализ различных кейсов общественного участия, осуществляющихся при взаимодействии с местными органами власти Вологодского района, позволил обобщить успешный опыт на местах (рис. 1). Как видно из полученных данных, в районе активно реализуются практики всероссийского, регионального и муниципального уровней. Безусловно, это не весь перечень форм и видов участия, однако предварительный анализ выявил их наибольшую значимость для развития муниципалитета. Остановимся подробнее на их характеристике.

Практики общественного участия регионального и муниципального уровней

Одна из важнейших задач развития территории любого муниципального образования, в том числе и Вологодского района, – развитие инфраструктуры: дорожной, коммунальной, социальной. Сегодня большинство муниципальных образований раз-

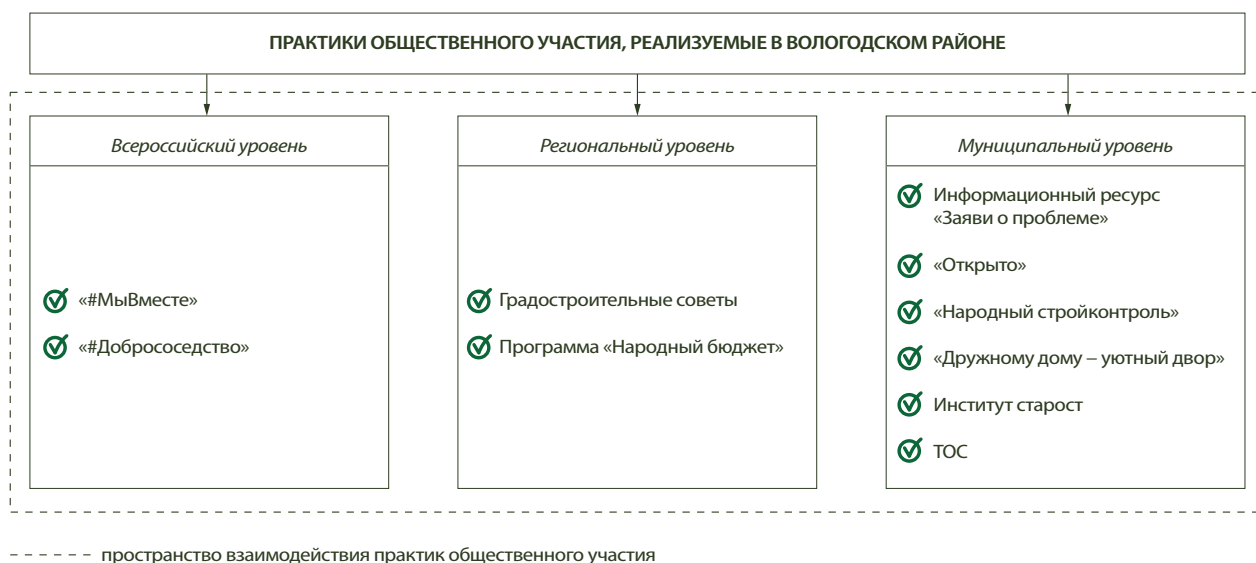

Рис. 1. Значимые практики общественного участия всероссийского, регионального и муниципального уровней, реализуемые в Вологодском районе

Источник: составлено автором.

виваются в режиме экономии финансовых ресурсов, ограниченность доходной базы ставит местные власти перед необходимостью расставлять приоритеты, учитывать этапность при реализации проектов, прежде всего касающихся строительства, реконструкции и ремонта муниципальных объектов. Однако правильнее воспринимать такую ситуацию как движущий фактор развития и более активной интеграции местного сообщества в процесс принятия решений на местном уровне. Ключевое значение приобретает общественное участие в процессе управления развитием территорий при реализации финансово емких и стратегических проектов.

В последние два года команда управленцев под руководством Губернатора области О.А. Кувшинникова преодолела затяжной финансовый кризис, в котором регион находился с 2008 года. Весомая часть финансовых средств предназначалась для реализации стратегических проектов развития в муниципальных образованиях.

Формой для принятия решения по выбору приоритетных проектов развития территорий Губернатором области был определен Градостроительный совет в каждом городе/районе с участием лидеров общественного мнения, активных граждан (первый проведен в сентябре 2018 года, второй – в декабре 2019 года).

Значительное количество объектов Вологодского района, которые нуждались в масштабном ремонте, потребовало дополнительно провести практически во всех крупных населенных пунктах «поселенческие» градостроительные советы с участием руководства района и заинтересованных жителей.

В ходе обсуждения на местах было выявлено 176 первоочередных объектов для реализации в трехлетней перспективе, в том числе в рамках национальных и региональных проектов, из них 67 рассматривались на последующем Градостроительном совете при Губернаторе Вологодской области. Активную дискуссию вызвало обсуждение вопросов, связанных с выбором объектов

дорожной деятельности и благоустройством населенных пунктов (в рамках национальных проектов «Безопасные и качественные дороги», «Комфортная городская среда» и др.).

По итогам двух градостроительных советов Вологодский район получил поддержку на реализацию масштабных инфраструктурных проектов в объеме более 3,0 млрд рублей, а доля граждан, вовлеченных в обсуждение стратегических приоритетов развития, составила более 30%.

Реализация решений градостроительных советов осуществлялась также совместно с гражданами в ходе проекта «Народный стройконтроль». В каждом населенном пункте были определены группы общественных наблюдателей из числа родительской общественности, ветеранов, активных граждан, которые участвовали в контроле за ходом, прежде всего качеством, выполняемых подрядчиками работ. Согласно мониторингу лучших практик регионального управления, подготовленному Экспертным институтом социальных исследований в апреле 2020 года, проект «Народный стройконтроль» вошел в число топ-5 лучших практик, иницируемых главами субъектов Российской Федерации, по критериям охвата, результата для граждан, уровню вовлеченности населения, тиражируемости и др.

Общественное участие – ключевой принцип при реализации проектов, основанных на идее инициативного бюджетирования. В Вологодской области с 2015 года с подачи Губернатора области О.А. Кувшинникова успешно реализуется проект «Народный бюджет», позволяющий гражданам воплощать локальные инициативы по развитию своих населенных пунктов. Минимальное софинансирование от населения правильнее расценивать как вовлекающий механизм, способствующий погружению в процесс обсуждения и реализации проекта, а затем использования его результатов (например, совместное обустройство и содержание детских площадок).

Рис. 2. Показатели реализации проекта «Народный бюджет»

Проект «Народный бюджет» становится все более значимым институтом в объединении граждан, что убедительно подтверждается статистикой с 2015 до 2020 года, а именно:

- ростом количества реализованных проектов – с 2 в 2015 году до 106 в 2020 году;
- повышением объема привлеченных средств с 1,0 до 23,0 млн рублей;
- увеличением числа вовлеченных в реализацию инициатив жителей с 1870 до 19350 человек (рис. 2).

Практика проведения градостроительных советов (включая успешный опыт Вологодского района – градосоветы поселенческого уровня и общественный контроль за реализацией проекта), программа Губернатора области «Народный бюджет» – действенные управленческие механизмы вовлечения населения в совместное принятие решений по вопросам комплексного развития населенных пунктов.

Ближайший круг интересов граждан – благоустройство дворов. Вологодский район активно использует возможности участия в национальных проектах для благоустройства территорий поселений. Так, участие в проекте «Комфортная городская среда» позволяет проводить ремонты дворовых территорий в населенных пунктах с численностью жителей более 1000 человек. Вместе с тем не меньшая потребность в благоустройстве имеется и в малонаселенных пунктах.

Механизм решения этой проблемы был найден в виде выделения средств местного бюджета на обустройство дворовых территорий, отбор которых также осуществлялся посредством народного голосования за «самый дружный дом». Важно, что при выборе победителей учитывался вклад жителей в благоустройство в рамках участия в «Народном бюджете», субботниках и пр. Акция «Дружному дому – уютный двор» позволила отремонтировать дворы в ряде населенных пунктов, а также объединить население территорий – участников проекта.

В плане вовлечения местного сообщества в решение конкретной проблемы интерес может представлять опыт Вологодского района по сохранению старинной усадьбы Спасское-Куркино – уникального памятника провинциальной дворянской культуры в селе Куркино в 25 км от города Вологды. Главный усадебный дом долгие годы нуждался в проведении ремонтно-реставрационных работ, территория усадебного парка с каскадом прудов (особо охраняемая природная территория) находилась в запущенном состоянии и требовала благоустройства.

Инициатива активных жителей села о возрождении усадьбы была поддержана администрацией Вологодского района, и после передачи имущественного комплекса в муниципальную собственность совместно с общественностью началась реализация этого финансово емкого проекта.

За три года благодаря сотрудничеству с общественными организациями в рамках поддержки Фонда Президентских грантов (более 10,0 млн рублей) проведены масштабные работы по благоустройству старинного парка, первоочередные противоаварийные работы, мероприятия по восстановлению отопления, газификации здания и др. Активность местного сообщества инициировала объединение вокруг проекта добровольческого движения молодежных (в том числе международных) волонтерских отрядов. Значительная часть работ выполнена именно жителями, местными предпринимателями, молодежью. Таким образом, конструктивное взаимодействие органов власти и местного сообщества позволило сделать первые шаги на пути возрождения памятника истории и культуры в качестве одного из ярких объектов туристского показа.

С помощью системной коммуникации с гражданами и объединения местных сообществ на основе решения локальных проблем в районе складываются устойчивые формы самоорганизации, такие как институт старост, территориальное общественное самоуправление.

В настоящее время в Вологодском районе работают 169 старост сельских населенных пунктов. Сельские старосты обеспечивают объединение жителей одного или нескольких населенных пунктов для самостоятельного осуществления собственных инициатив, принятия решения по вопросам местного значения, затрагивающим интересы ряда жителей территории, таким как:

- проведение работ по благоустройству территории населенных пунктов;
- вопросы поддержания общественного порядка, соблюдения правил противопожарной безопасности (в том числе посредством создания добровольной народной дружины);
- представление интересов населения при взаимодействии с органами власти;
- обеспечение исполнения решений, принятых на сельских сходах, собраниях;
- участие в организации культурно-массовых, спортивных мероприятий, досуга жителей и др.

Старосты сельских населенных пунктов являются инициаторами большинства проектов, реализованных по программе «Народный бюджет» (57,55% проектов в 2020 году).

В целях повышения роли старост в районе создан Совет старост, ежегодно проходит общерайонный сход старост сельских населенных пунктов, проводится конкурс «Самая красивая деревня», по его итогам поощряются лучшие территории и лучшие старосты. С 2020 года реализуется информационный проект «Разговор со старостой», который представляет собой серию видеорепортажей о деятельности старост.

С 2019 года в районе идет активное движение по созданию органов территориального общественного самоуправления (Спасское, Семеновское поселения). Один из них – ТОС «Майский квартал» (Майское сельское поселение) – уже официально зарегистрирован. Безусловно, основным направлением его деятельности стало благоустройство территории. В качестве новаторской инициативы жителей можно отметить реализацию на территории ТОСа в 2020 году проекта «Историко-краеведческий спортивный туристический маршрут Семеново – Ермолово» при поддержке Фонда Президентских грантов. Проект предусматривает восстановление туристического маршрута Семеново – Ермолово, созданного в советские годы на территории поселения Хреновского леса, и оснащение туристической тропы серией информационных стендов, повествующих об истории населенных пунктов, особенностях местной природы, культуры и традициях с последующим проведением комплекса мероприятий по популяризации созданного маршрута.

С 2017 года в Вологодском муниципальном районе реализуется проект «Открыто», в рамках которого проводятся комплексные выезды специалистов администрации района, многофункционального центра, Центральной районной больницы в формате мобильной приемной. Доступная коммуникация и оперативное реагирование на обращения, оказание правовой помощи

и возможность получения государственных/муниципальных услуг способствуют росту доверия населения к органам власти. Особенно востребованы комплексные выезды в отдаленные территории, а наиболее активная аудитория участников подобных встреч – пожилые граждане. Чаще всего жители поднимают вопросы, связанные с газификацией территорий, ремонтом дорог, организацией водоснабжения населенных пунктов, предоставлением мест в дошкольных образовательных организациях, а также оказанием адресной социальной помощи и др. Проект «Открыто» становится все более популярным, с 2019 года выезды в территории осуществляются с периодичностью один раз в две недели.

Безусловно, все вышеизложенное – это результат системной работы по активизации участия населения в выработке приоритетов локального и стратегического характера. Современное цифровое пространство помогает поднять эту работу на качественно новый уровень. В ряде регионов, в том числе и Вологодской области, для получения оперативной обратной связи уже активно используются действующие в режиме «24 на 7» электронные сервисы сбора, учета и контроля исполнения запросов и инициатив граждан.

В Вологодском районе с 2020 года внедрена информационно-коммуникационная система «Заяви о проблеме». Она позволяет контролировать учет инициатив и реагировать на жалобы, как текущие, так и долгосрочные. Ориентировочно 90% заявленных проблем относятся к сферам «дорожная деятельность» и «благоустройство». Операторами обращений могут стать граждане, а также, что особенно важно для отдельных категорий населения, – центры общественного доступа в муниципальных библиотеках, территориальные окна районного МФЦ в сельских поселениях.

Система единой коммуникации «Заяви о проблеме» адаптирована к условиям и задачам развития Вологодского района. Помимо обращения с жалобой (с привязкой к географическим точкам и получения обратной связи по решению заявленных проблем) сервис

дает возможность проводить социологические опросы по важнейшим направлениям социально-экономического развития территории (в виде «электронного референдума»), предлагать идеи (например, для реализации в рамках «Народного бюджета») либо волонтерскую помощь.

Система позволяет сократить сроки рассмотрения обращений граждан, контролировать в онлайн-режиме реализацию инициатив (текущих и долгосрочных) как самими жителями, так и должностными лицами района. Коммуникация с населением через ресурс «Заяви о проблеме» – это ежедневный индикатор проблем и инициатив, которые в перспективе могут стать актуальными проектами социально-экономического развития территорий.

Коммуникация с гражданами в виртуальном пространстве стала особенно востребованным инструментом управления в 2020 году в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, когда в регионах России, в том числе и Вологодской области, были введены ограничительные мероприятия. Режим длительной самоизоляции граждан сопровождался резким подъемом активности в социальных сетях. Все информационные ресурсы Вологодского района, включая сервис «Заяви о проблеме», телефоны «горячих линий», официальные страницы администрации и должностных лиц, онлайн-приемы граждан были настроены на организацию обратной связи с населением (за апрель – июнь отработано более двух тысяч обращений, поступивших через различные каналы связи).

Практики общественного участия всероссийского уровня

Значительную востребованность и распространение получило волонтерское движение: ряды волонтеров пополнили члены молодежных организаций, работники учреждений социальной сферы и предприятий в рамках Всероссийской акции «#МыВместе», а также проекта сторонников партии «Единая Россия» «#Добрососедство». В период ограничительных мероприятий волонтерской помощью в различных формах

воспользовались более 10% населения района, число активных добровольцев выросло до 1%. Открытость и оперативность процесса коммуникации с гражданами, высокий уровень активности местных сообществ в это время в немалой степени способствовали эффективной локализации распространения инфекции, обеспечению стабильной работы предприятий непрерывного цикла, оказанию своевременной социальной помощи нуждающимся.

Заключение

Опыт Вологодского района показывает, что вовлечение местного сообщества – целенаправленный процесс, который позволяет аккумулировать интересы и активность граждан вокруг проектов развития различного масштаба и объединять население в различных формах самоорганизации. Совокупность применяемых механизмов (информационных, организационных, финансовых и др.) обуславливает расширение охвата населения участием в управлении муниципальным образованием. В настоящее время уже более 40% граждан вовлечены в процессы принятия управленческих решений по реализации приоритетных проектов. Лидирующие позиции Вологодского района в региональных рейтингах социально-экономического развития в немалой

степени свидетельствуют, что общественное участие – эффективный инструмент для повышения качества управленческих решений, а следственно и реализации вопросов местного значения.

Анализ научных источников и практики осуществления стратегии общественного участия в муниципальном управлении территорией убеждает, что диалог с гражданами позволяет эффективно решать проблемы, а различные формы партнерства (в том числе инициативное бюджетирование) выступают действенным инструментом развития территорий. Стимулирование общественного участия является востребованным и инновационным социально-управленческим подходом, который играет значительную роль в процессе социально-экономического развития муниципалитета. При построении моделей общественного участия органам местного самоуправления может быть рекомендовано повышение открытости, широкое использование современных коммуникационных технологий, информационных сервисов, повышение правовой культуры граждан, вовлечение населения в диалог и совместную с органами власти деятельность через наиболее созидательные активности и общественно значимые инициативы, поощрение вариативных форм самоорганизации населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schlozman K. Citizen participation in America. What do we know? Why do we care? *Political Science: The State of the Discipline*, eds. I. Katznelson, H. Milner. New York: Norton, 2002. Pp. 433–461.
2. Janoski T., Musick M., Wilson J. Being volunteered? The impact of social participation and pro-social attitudes on volunteering. *Sociological Forum*, 1998, vol. 13 (3), pp. 495–519.
3. Lombe M., Ssewamala F. The role of informal social networks in micro-savings mobilization. *Journal of Sociology & Social Welfare*, 2007, vol. XXXIV (3), pp. 37–51.
4. Davis J. «Participatory» research for development projects: a comparison of the community meeting and household survey techniques. *Economic Development and Cultural Change*, 1998, vol. 47, pp. 73–94.
5. Etzioni A. The Responsive community: a communitarian perspective. *American Sociological Review*, 1996, vol. 61, pp. 1–11.
6. Alesina A., La Ferrara E. Participation in heterogeneous communities. *The Quarterly Journal of Economics*, 2000, vol. 115 (3), pp. 847–904.
7. Савельев Ю.Б. Основные типы участия в общественной жизни европейских стран // Социс. 2013. № 12. С. 64–71.

8. Berman T. *Public Participation as a Tool for Integrating Local Knowledge into Spatial Planning*. Springer international publishing, 2017. 220 p.
9. Baoying G., Liqun W. Administrative rule of law in public participation in administrative decision-makings. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2018, vol. 2, pp. 15–22.
10. Tjahjanulin D. Public participation in budgeting process at local government in Indonesia. *RJOAS*, 2016, vol. 12 (60). DOI: <https://doi.org/10.18551/rjoas.2016-12.11>
11. Авакьян С.А. Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 2–4.
12. Липчанская М.А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: традиционные формы и современные тенденции // Ленингр. юрид. журн. 2013. № 1 (31). С. 124–133.
13. Виноградова Т.И. Хорошее политическое управление (goodgovernance) // Публичная политика / под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2004. С. 8–19.
14. Ключникова Т.Н. Социальная активность граждан как источник преобразований в местном самоуправлении // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 2. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-2-19>
15. Бельский В.Н. Субъекты социальной активности в сфере местного самоуправления // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2009. № 1. С. 85–89.
16. Бялкина Т.М. Гражданское общество и муниципальная демократия // Управа. 2003. № 6. С. 46–47.
17. Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Гражданское участие населения как фактор развития местного самоуправления в российских муниципальных образованиях // Власть. 2014. № 1. С. 90–94.
18. Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2011. № 1 (13). С. 130–139.
19. Скалабан И.А. Общественное участие: теоретико-методологические проблемы интерпретации // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 6. № 2. С. 216–220.
20. Хабибрахманова Э.Х. Региональные практики вовлечения граждан в местное самоуправление // Экономика и управление. 2016. № 5 (133). С. 61–68.
21. Выборнов А.Б., Мордасова Т.А. Принципы и механизмы общественного участия в управлении муниципальным образованием // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2005. № 3–4. С. 145–148.
22. Мордасова Т.А. Факторы развития общественного участия в современной российской публичной политике // Власть. 2010. № 1. С. 30–33.
23. Трофимова И.Н. Эффективность местного самоуправления в Российской Федерации и проблема гражданского участия // ARS ADMINISTRAND. 2012. № 1. С. 55–63.
24. Алябьева С.А. Потенциал институтов общественного участия – местный уровень // Вестн. ТГУ. 2011. № 1 (93). С. 249–255.
25. Шабунова А.А. Гражданская активность на селе: возможности развития // Проблемы развития территории. 2016. № 3 (83). С. 7–17.
26. Социально-экономические проблемы локальных территорий / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
27. Чекавинский А.Н., Ворошилов Н.В. Территориальное общественное самоуправление как институт развития на муниципальном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 6 (42). С. 153–168. DOI: [10.15838/esc/2015.6.42.9](https://doi.org/10.15838/esc/2015.6.42.9)
28. Гражданское общество – общество граждан: монография / кол. авт.: М.В. Морев [и др.]; под науч. рук. В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 206 с.

29. Ворошилов Н.В. Тенденции и проблемы развития муниципальных районов Вологодской области // Вопросы территориального развития. 2014. № 1. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1377>
30. Ключев А.В., Урсу И.С. Муниципальная власть и население // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 50–58.
31. Ключникова Т.Н., Орлова В.Н. Социальный потенциал жителей в реализации программ развития территорий // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2017. Т. 12. № 5. С. 236–247. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-5-236-247
32. Реутов Е.В., Брусенская Р.А. Механизмы формирования обратной связи в региональном и муниципальном управлении // Науч. ведомости. 2010. № 7 (78). С. 222–228.
33. Сидорова А.А. Электронное правительство: повышение общественного участия в управлении государством // Гос. управление. Электрон. вестн. 2017. № 62. С. 87–103.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Геннадиевич Жестянников – Глава Вологодского муниципального района, Представительное Собрание Вологодского муниципального района. Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Пушкинская, д. 24; e-mail: jestyannikovsg@volraion.ru

Zhestyannikov S.G.

PUBLIC PARTICIPATION AS TOOL FOR TERRITORY DEVELOPMENT (EXPERIENCE OF THE VOLOGDA MUNICIPAL DISTRICT OF THE VOLOGDA OBLAST)

The article is devoted to the organization of effective feedback from citizens and creation of conditions for increasing the population's involvement level in the processes of territorial management at the local level. In the coming years, the amount of funding for activities supported by citizens through open voting should significantly grow which sets the task of further involving of the population in the management processes at the local level. The article defines theoretical and methodological approaches to the concept of "public participation", describes the functions and forms of public participation in decision-making, and summarizes the experience of the Vologda Municipal District of the Vologda Oblast in solving issues of socio-economic development of the territory using feedback mechanisms and citizens' active involvement. Such practices of intensifying public participation as the governor's initiative, municipal and public partnerships preserving cultural heritage, support for volunteering, etc., allowed increasing the level of citizens' involvement in the governance process at the municipal level to 40%. There are some urban councils and a program "People's Budget", and local information resources "Voice your concern", "Open", "People's construction control", "Friendly house – cozy courtyard". The institution of chiefs and territorial public self-government are becoming increasingly important in terms of population's self-organization opening up new opportunities for cooperation between the authorities and society in the territory development. The achieved level of communication with the population and the real involvement of the public in decision-making at the municipal level largely determine the leading position of the district in regional ratings of socio-economic development. The practical significance of the study is determined by the possibility of using the proposed social and managerial tools in the activities of local self-government authorities.

Municipal administration, local government, public participation, feedback, communication, local community.

REFERENCES

1. Schlozman K. Citizen participation in America. What do we know? Why do we care? *Political Science: The State of the Discipline*, eds. I. Katznelson, H. Milner. New York: Norton, 2002. Pp. 433–461.
2. Janoski T., Musick M., Wilson J. Being volunteered? The impact of social participation and pro-social attitudes on volunteering. *Sociological Forum*, 1998, vol. 13 (3), pp. 495–519.
3. Lombe M., Ssewamala F. The role of informal social networks in micro-savings mobilization. *Journal of Sociology & Social Welfare*, 2007, vol. XXXIV (3), pp. 37–51.
4. Davis J. «Participatory» research for development projects: a comparison of the community meeting and household survey techniques. *Economic Development and Cultural Change*, 1998, vol. 47, pp. 73–94.
5. Etzioni A. The Responsive community: a communitarian perspective. *American Sociological Review*, 1996, vol. 61, pp. 1–11.
6. Alesina A., La Ferrara E. Participation in heterogeneous communities. *The Quarterly Journal of Economics*, 2000, vol. 115 (3), pp. 847–904.
7. Savelyev Yu. B. Main types of public life participation in European Countries. *ISRAS*, 2013, no. 12, pp. 64–71.
8. Berman T. *Public Participation as a Tool for Integrating Local Knowledge into Spatial Planning*. Springer international publishing, 2017. 220 p.
9. Baoying G., Liqun W. Administrative rule of law in public participation in administrative decision-makings. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2018, vol. 2, pp. 15–22.
10. Tjahjanulin D. Public participation in budgeting process at local government in Indonesia. *RJOAS*, 2016, VOL. 12 (60). DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.18551/RJOAS.2016-12.11](https://doi.org/10.18551/RJOAS.2016-12.11)
11. Avakyan S.A. Constitutional theory and practice of public authority: patterns and deviations. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo=Constitutional and Municipal Law*, 2015, no. 10, pp. 2–4 (in Russian).
12. Lipchanskaya M.A. Participation of citizens of the Russian Federation in the administration of state affairs: traditional forms and modern trends. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal=Leningrad Law Journal*, 2013, no. 1 (31), pp. 124–133 (in Russian).
13. Vinogradova T.I. Good governance. In: *Publichnaya politika [Public Policy]*. Ed. by A.Yu. Sungurov. *St. Petersburg: Norma*, 2004, pp. 8–19 (in Russian).
14. Klyuchnikova T.N. Citizens' social activity as a transformation source in local self-government. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem=Modern Studies of Social Issues*, 2015, no. 2. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-2-19> (in Russian).
15. Belskii V.N. Subjects of social activities in local government sphere. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk=Central Russian Journal of Social Sciences*, 2009, no. 1, pp. 85–89 (in Russian).
16. Byalkina T.M. Civil society and municipal democracy. *Uprava*, 2003, no. 6, pp. 46–47 (in Russian).
17. Maykova Je.Yu., Simonova E.V. Civil participation of population as a factor of development of local self-government in Russian municipalities. *Vlast'=Power*, 2014, no. 1, pp. 90–94 (in Russian).
18. Skalaban I.A. Social, public and civil participation: the problem of conceptual understanding and misunderstanding. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*, 2011, no. 1 (13), pp. 130–139 (in Russian).
19. Skalaban I.A. Public participation: theoretical methodological problems of interpretation. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem=Modern Studies of Social problems*, 2011, vol. 6, no. 2, pp. 216–220 (in Russian).
20. Khabibrakhmanova E.H. Regional practices of citizens' involvement in local self-government. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal=Economics and Management: Research and Practice Journal*, 2016, no. 5 (133), pp. 61–68 (in Russian).

21. Vybornov A.B., Mordasova T.A. Principles and mechanisms of public participation in the municipal formation management. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski=State and Municipal Management. Scholar Notes*, 2005, no. 3–4, pp. 145–148 (in Russian).
22. Mordasova T.A., Factors of public participation development in public politics of modern Russia. *Vlast'=Power*, 2010, no. 1, pp. 30–33 (in Russian).
23. Trofimova I.N. Efficiency of local government in the Russian Federation and the problem of citizen participation. *ARS ADMINISTRANDI*, 2012, no. 1, pp. 55–63 (in Russian).
24. Aljab'eva S.A. Capacity of public participation institutions – local level. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta=Tambov University Review*, 2011, no. 1 (93), pp. 249–255 (in Russian).
25. Shabunova A.A. Social activity in rural localities: opportunities for development. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2016, no. 3 (83), pp. 7–17 (in Russian).
26. Uskova T.V. et al. *Sotsial'no-ekonomicheskiye problemy lokal'nykh territoriy* [Socio-Economic Problems of Local Territories: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 196 p.
27. Chekavinskii A.N., Voroshilov N.V. Territorial public self-government as a development institution at the municipal level. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2015, no. 6 (42), pp. 153–168. DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.9 (in Russian).
28. Morev M.V. et al. *Grazhdanskoe obshchestvo obshchestvo grazhdan: monografiya* [Civil Society: Society of Citizens: Monograph]. Vologda: VolNTs RAN, 2017. 190 p.
29. Voroshilov N.V. Trends and problems in the development of the Vologda Oblast municipal districts. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 2014, no. 1. Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1377> (in Russian).
30. Kljuev A.V., Ursu I.S. Municipal authority and population. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie=Administrative Consulting*, 2010, no. 1, pp. 50–58 (in Russian).
31. Klyuchnikova T.N., Orlova V.N. Social potential of residents in the implementation of programs of territories development. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk=Central Russian Journal of Social Sciences*, 2017, vol. 12, no. 5, pp. 236–247. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-5-236-247 (in Russian).
32. Reutov E.V., Brusenskaya R.A. Mechanisms of formation of feedback in regional and municipal management. *Nauchnye vedomosti=Scientific Bulletin*, 2010, no. 7 (78), pp. 222–228 (in Russian).
33. Sidorova A.A. Digital government: increasing public participation in governing the state. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik=Public Administration. E-Journal*, 2017, no. 62, pp. 87–103 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey G. Zhestyannikov – Head of the Vologda Municipal District, Representative Assembly of the Vologda Municipal District. 24, Pushkinskaya Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: jestyannikovsg@volraion.ru

DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.4

УДК 332.1 | ББК 60.8

© Басова Е.А.

ДОСТУПНОСТЬ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА БАСОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: elbas@yandex.ru

ORCID: [0000-0003-2817-5454](https://orcid.org/0000-0003-2817-5454); ResearcherID: [AAD-4911-2020](https://orcid.org/AAD-4911-2020)

Устойчивое развитие территорий во многом определяется социально-экономической стабильностью в регионах, в т. ч. уровнем доступности и качества услуг сферы здравоохранения. В связи с этим особую актуальность приобретают исследование масштабов доступности здравоохранения и разработка направлений по ее повышению в целях устойчивого развития территорий. Отмечен низкий уровень доступности медицинских услуг в РФ вследствие ряда негативных тенденций 2010–2018 гг., проявившихся в сокращении бюджетного финансирования сферы здравоохранения и объемов бесплатной медицинской помощи, росте нагрузки на врачей. С использованием многомерных методов статистического анализа проведена типология российских регионов по доступности медпомощи, в т. ч. определено, что в большинстве из них наблюдается недостаточный уровень обеспеченности койко-местами в стационарах. Сделан вывод о наличии прямой коррелируемости доступности здравоохранения и величины заболевших по первично поставленному диагнозу с уровнем расходов на здравоохранение. На основе индикатора потенциальной демографии «потерянные годы потенциальной жизни» оценен потенциальный ущерб в производстве ВРП Вологодской области, вызванный смертностью населения в трудоспособном возрасте. Установлено, что общая величина экономического ущерба вследствие потерь трудовых ресурсов варьировала в 2016–2018 гг. в пределах от 10 до 15% объема ВРП. Изучено собственное восприятие населением доступности и качества медицинской помощи. Для повышения устойчивости территориальных систем предложен ряд управленческих мероприятий с целью не допустить снижение численности трудоспособного населения и повысить доступность здравоохранения.

Для цитирования: Басова Е.А. Доступность здравоохранения как фактор устойчивого социально-экономического развития территорий // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 68–87. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.4

For citation: Basova E.A. Health care accessibility as a factor of sustainable socio-economic development of territories. *Problems of Territory Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 68–87. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.4

В перспективе возможны разработка комплексной методики для оценки доступности медицинской помощи (с использованием статистических и социологических индикаторов) и выявление степени взаимовлияния доступности и процессов устойчивого социально-экономического развития территорий.

Доступность, здравоохранение, медицинские услуги, устойчивое развитие территорий.

Доступность и качество функционирования сферы здравоохранения являются важнейшими составляющими территориального развития. Тенденции, складывающиеся в данной сфере, выступают детерминантами устойчивости социально-экономического развития региональных систем. Принятие взвешенных и своевременных управленческих решений влияет на вызовы, возникающие в области оказания медицинских услуг, становится основой формирования человеческого капитала, соответственно, и трудовых ресурсов, которые представляют собой неотъемлемый компонент функционирования и развития территориальной системы [1–4]. Значительная величина экономических потерь, вызванных смертностью населения в трудоспособном возрасте, является одним из препятствий устойчивого регионального развития. Указанные ориентиры актуализируют исследование масштабов и факторов доступности услуг в сфере здравоохранения и разработку направлений по ее повышению.

В качестве важных составляющих устойчивого развития определены «обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте»¹. В «Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой ООН в 2015 году, как задача в области здоровья и благополучия рассматривается обеспечение к 2030 году всеобщего охвата услугами здравоохранения, включая доступ к качественным медицинским услугам и лекарственным средствам. Для реализации поставленной цели, по оценкам экспертов ВОЗ, необходимо постоянное увеличение ежегодных инвестиций в проекты, связан-

ные со здравоохранением, со 134 млрд долл. США ППС до 371 млрд, или 58 долл. США на человека к 2030 году².

Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал, под которыми понимаются вложения в сферу экономики знаний, являются источником экономического роста на 60–70%. По мнению А.Г. Аганбеяна [5, с. 12], их форсированное ежегодное увеличение на уровне 8–10% позволит возобновить процесс социально-экономического роста в РФ. В противном случае, при сохранении сегодняшних показателей (доля инвестиций в ВВП – 17%, в экономику знаний – 13%), дальнейшая стагнация обеспечена. Для сравнения: в ряде развивающихся государств (совместно с Китаем и Индией) данные показатели составляют 30–35% и 15–20% соответственно, что обеспечивает ежегодный экономический рост на уровне 4–5%.

Здравоохранение и образование должны рассматриваться с позиций высокопроизводительных отраслей как обеспечивающие мощный толчок для социально-экономического развития страны, обладающие сильнейшим мультипликативным эффектом. Оценка человеческого капитала для России, по данным Мирового банка, показала, что, сохраняя жизнь одному человеку, можно сохранить 200 тыс. долл. Однако на сегодняшний день в РФ отмечен значительный показатель смертности (12,4, в развитых странах в той же возрастной структуре – 9). Более того, в развитых государствах 40 лет назад удалось достичь такого уровня показателей смертности и продолжительности жизни, какой в нашей стране был зафиксирован только в 2017 году [5, с. 193].

¹ Цели и задачи устойчивого развития, ООН. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals>

² Для 67 стран с низким и средним уровнем дохода. Источник: Оценка стоимости достижений, связанных со здоровьем, целей в области устойчивого развития. URL: <https://www.who.int/features/qa/sdg-pricetag/ru> (дата обращения 23.11.2020).

Реформирование здравоохранения в РФ при сокращении его финансирования, критически низких заработках медицинского персонала по сравнению с зарубежными странами³ создали ситуацию, при которой пострадали доступность и качество оказываемой медицинской помощи населению. Это напрямую повлияло на величину заболеваемости и смертность граждан, особенно в трудоспособном возрасте. При увеличении числа заболеваний по первично поставленному диагнозу и количества обращающихся за медицинской помощью возрастает роль качественных высокотехнологических медуслуг. Резкий рост численности обращающихся в амбулаторно-поликлинические учреждения отмечен в 2005 и 2016–2017 гг. (на 53–60 тысяч посещений в смену в среднем по РФ по сравнению с предыдущими периодами).

В России проблемы доступности осложняются отсутствием в среднероссийских регионах высококвалифицированной медицинской помощи, сокращением коечного фонда и специализированного стационарного лечения. Жизненно важную необходимость в части достаточной обеспеченности койко-местами в медицинских учреждениях подтвердили последствия пандемии. Ее результатом стала нехватка мест в стационарах для больных COVID-19, которая привела к строительству быстро возводимых больничных комплексов и расположению больничных мест в торговых центрах. По словам министра здравоохранения Т.А. Голиковой⁴, загруженность коечного фонда выше среднероссийского уровня (83,4%) наблюдалась в 41 регионе. Особо критичная обстановка отмечена в 17 субъектах с занятостью коек на 90%. В четырех регионах (Республика Хакасия, Чувашская Республика, Ивановская область, Еврейская автономная область) используется более 95% коечного фонда. В целях его разгрузки Правительство РФ приняло решение о выделении до конца 2020 года

более 5 млрд рублей на закупку лекарственных препаратов для лечения в амбулаторных условиях больных новой коронавирусной инфекцией. Предполагается, что такая мера позволит охватить порядка 640,5 тысячи человек, нуждающихся в подобного рода лечении.

Сфера здравоохранения, находящаяся в глубоком кризисе, требует безотлагательных управленческих мер, направленных на снижение социальных рисков и решение первоочередных социальных проблем общества, что будет содействовать достижению социальной устойчивости и устойчивому развитию территориальных систем в целом.

Основная цель исследования включает оценку состояния сферы здравоохранения и последствий ограниченной доступности медицинской помощи, а также разработку на этой основе предложений по повышению доступности и качества услуг для снижения потерь населения в трудоспособном возрасте.

Теоретико-методологические вопросы исследования факторов устойчивости социально-экономических систем

Понятия «устойчивое развитие», «устойчивый рост» в научном обороте стали употребляться после публикации Комиссией ООН по окружающей среде и развитию в 1987 году доклада «Наше общее будущее». Трактовка «устойчивого развития» в пункте 27 доклада связывалась с тем, что обществу необходимо перейти к удовлетворению потребностей, «не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные» [6, с. 311]. Однако такой подход существенно ограничивает значимость воспроизводства человеческого капитала как фактора устойчивости развития экономики и общества в целом. Современная концепция устойчивого развития (sustainable development) «увязывает и уравнивает экономическую, социальную и экологиче-

³ В США заработная плата хирурга составляет около 120 тыс. долл. в год, что примерно в 1,5 раза больше, чем оплата труда профессора среднего университета или почти на уровне – профессора лучшего в мире Гарвардского университета [4, с. 309].

⁴ Стенограмма встречи с Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации Т.А. Голиковой. URL: http://komitet2-2.km.duma.gov.ru/upload/site21/Stenogramma_na_sayt_1111.pdf (дата обращения 24.11.2020).

скую составляющие устойчивости и самого процесса развития общества, ориентируя рост экономики в долгосрочной перспективе на достижение социальных и экологических целей, обеспечивающих рост уровня и качества жизни людей» [1, с. 986].

Концептуальному обоснованию теории устойчивого развития и факторов устойчивого роста экономических систем посвящены работы Л.И. Абалкина, Е.А. Барбашева, О.М. Белоцерковского, С.М. Бухонова, П. Гленсдорфа, С.Ю. Глазьева, А.И. Карповича, В.Н. Лаженцева, В.Н. Лексина, М. Лайна, М. Портера, Т.В. Усковой, Й. Шумпетера, Х. Ябара, Е.Г. Ясина и др. Проблемы функционирования сферы здравоохранения, а также теоретико-методологические и практические вопросы, связанные с оценкой доступности и качества медицинских услуг, изучались в трудах Е.Ю. Блиновой, Б.А. Коробицына, В.А. Редькина, С.А. Цыба, А.П. Шевченко, R.M. Andersen, S. Cooper, A. Graves и др.

Несмотря на разработанность проблематики устойчивого развития территории и многообразие существующих исследований, до сих пор нет единого общепринятого определения в отношении устойчивости социально-экономических систем. По мнению д.э.н. Т.В. Усковой, данное обстоятельство обусловлено сложностью самого объекта исследования [7, с. 11], в качестве которого могут выступать различные уровни экономической системы: макроэкономика, мезоэкономика, микроэкономика и подсистемы

экономики указанных уровней. Основными подходами к определению устойчивости социально-экономической системы выступают подходы, увязывающие устойчивость с безопасностью и стабильностью; со способностью системы оставаться относительно неизменной; со способностью сохранять динамическое равновесие; со способностью стабильно развиваться и сохранять движение (табл. 1).

Основной задачей устойчивого развития является удовлетворение потребностей и стремлений общества. При этом недостаточно лишь экономического роста, более того, не следует отождествлять данные понятия. Устойчивое развитие предполагает гармоничное развитие социальной, экономической и экологической подсистем в целях удовлетворения потребностей человечества настоящего и будущих поколений [8, с. 8]. Задачи устойчивого развития включают обширный перечень направлений, начиная от устойчивых тенденций повышения темпов экономического роста и численности населения до обеспечения высокого уровня жизни населения, доступности и стандартов здоровьесбережения, образования, экологической безопасности и др. Устойчивого развития невозможно достичь без проведения стабильной социально-экономической и экологической политики в регионе.

На уровень устойчивого развития территорий оказывают влияние различные факторы, имеющие экономическую, социаль-

Таблица 1. Подходы к определению устойчивости социально-экономической системы

Сущность подхода	Сторонники
Устойчивость социально-экономической системы связывается с безопасностью, стабильностью, надежностью, целостностью и прочностью системы	Л.И. Абалкин, А.Л. Бобров, Д.В. Гордиенко, А.Я. Лившиц, Т.М. Конопляник
Устойчивость как относительная неизменность основных параметров социально-экономической системы, способность системы оставаться неизменной в течение определенного времени	А.Л. Гапоненко, С.М. Ильясов, В.Д. Калашников, Т.Г. Краснова, О.В. Коломийченко, В.Е. Рохчин, А.Г. Шеломенцев
Устойчивость трактуется как способность социально-экономической системы сохранять динамическое равновесие	Е.С. Бодряшов, В.А. Кретинин, Н.В. Чайковская
Устойчивость социально-экономической системы связывается со способностью системы стабильно функционировать, развиваться, сохранять движение по намеченной траектории, с саморазвитием	А.И. Дружинин, О.Н. Дунаев, Б.К. Есекин, М.Ю. Калинин, А.М. Озина, Г.Л. Сапаргали, Л.Л. Терехов
Источник: Ускова Т.В. Теория и методология управления устойчивым социально-экономическим развитием региона: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Вологда, 2010. 39 с.	

ную, демографическую, институциональную и иную природу возникновения. При этом острота, степень рисков и проблем, с которыми сталкивается мировое сообщество и отдельные государства в социальной сфере на современном этапе, подчеркивают актуальность социальных параметров в достижении целей устойчивого развития. Важность социальных индикаторов подтверждается тем, что среди 17 сформулированных целей устойчивого развития ООН до 2030 года более половины занимают социально-ориентированные параметры, например ликвидация нищеты, голода, доступность сферы здравоохранения, качество и доступность образования, сокращение неравенства и т. д.

Указанные параметры социального развития отражают ключевые сферы жизнедеятельности общества и связаны с благосостоянием граждан, вопросами социально-экономического неравенства, проблемами формирования и развития человеческого и социального капитала, доступности и качества общественных благ для всех слоев населения. По мнению О.А. Канаевой [9, с. 46], перечень социальных параметров устойчивого развития должен содержать и степень социальной устойчивости каждого гражданина. Личная социальная ответственность формируется под воздействием многих факторов: пола, возраста, уровня здоровья и полученного образования, социального статуса и личных доходов, эффективности системы социальной мобильности.

Однако следует учитывать, что социальная политика является драйвером устойчивого развития в том случае, если она оказывает содействие в достижении ключевых принципов последнего. В первую очередь речь идет о формировании, развитии и воспроизводстве человеческого и социального капитала, создании благоприятных условий для сбалансированного учета интересов всех социальных слоев современного и будущих поколений, активизации личной заинтересованности/ответственности в минимизации социальных рисков и проблем.

Реализация указанных принципов возможна в рамках «многосубъектной и солидарной модели социальной политики», которая способна по своему содержанию и целям противостоять современным вызовам [10; 11].

Одним из социальных ориентиров и факторов устойчивого социально-экономического развития территорий выступает состояние сферы здравоохранения. Его доступность и качество определяются уровнем финансирования за счет бюджетных средств, вложений в основной капитал, материально-техническим оснащением медицинских учреждений, обеспеченностью медицинским персоналом и койко-местами в стационарах, а также стабильностью и степенью работанности системы профилактической помощи.

Организационно-экономическое преобразование сферы здравоохранения

Периодом начала оптимизации здравоохранения можно назвать принятие в 2010 году закона «Об обязательном медицинском страховании», который заменил действовавший с 1991 года закон «О медицинском страховании граждан». Первые шаги в направлении реформирования сферы здравоохранения осуществлены в 2003–2005 гг. Они были обусловлены новым витком модернизации в соответствии с национальным проектом «Здоровье», вступившим в силу с 01.01.2006.

Последовавшие вслед за этим этапы реформирования здравоохранения, оформленные в законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», законе от 30.11.2011 № 369-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании», а также «Концепции развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года»⁵, не смогли переломить негативные тенденции, а структурно-организационная рационализация здравоохранения была направлена, прежде всего, на совершенствование его инфраструктуры и ее материально-технической базы. Модернизация здравоохранения не удалась, т. к. не улучшила ситуацию в сфере оказания медицинской

⁵ Софьин В. Этапы большого пути. О реформах здравоохранения в РФ. 1991–2020 гг. URL: <http://www.sarmedinfo.ru/redactor/2019/10/11/etapy-bolshogo-puti-o-reformakh-zdravookhraneniya-v-rf-1991-2020-gg> (дата обращения 16.11.2020).

помощи, а значительно ухудшила ее [1; 12]. По мнению Ж.Т. Тощенко, «оптимизация здравоохранения только усилила травматическое состояние российского общества» [13, с. 269]. Следует заметить, что оптимизация заключалась в сокращении числа неэффективных больниц и развитии сети высокотехнологичных медучреждений⁶. В результате реформирования здравоохранения в период с 2000 по 2015 год количество больниц в РФ уменьшилось в два раза (с 10,7 тыс. до 5,4 тыс.). По оценкам экспертов Центра экономических и политических реформ⁷ в случае сохранения подобных темпов сокращения больниц (примерно на 353 ежегодно) к 2021–2022 гг. количество медицинских учреждений в стране достигнет трех тысяч, то есть уровня Российской империи в 1913 году.

Очередным этапом модернизации сферы здравоохранения, направленным на снижение показателей смертности населения и повышение доступности медицинской помощи в России, следует считать разработку и реализацию с 1 октября 2018 года национального проекта «Здравоохранение». Проект рассчитан на период до 31 декабря 2024 года и является продолжением одноименного нацпроекта, начавшегося в 2016 году. В связи с первоочередными задачами по недопущению распространения коронавирусной инфекции и «с ограничениями по эпидемии» реализация ряда программных пунктов перенесена на более поздний срок. В частности, на полгода отложен старт некоторых пунктов по программе модернизации первичного звена, запланированный ранее на июль – сентябрь 2020 года. Развитие транспортной инфраструктуры, приведение материально-технической базы в соответствие с требованиями (дооснащение/переснащение организаций оборудованием для

оказания медицинской помощи), а также привлечение частных клиник к оказанию медико-социальных услуг населению в возрасте 65 лет и старше и ряд других мероприятий планируется завершить к 2025 году.

Национальный проект «Здравоохранение» включает восемь подразделов (федеральных проектов) и имеет ряд целевых индикаторов. Так, посредством разработанных мероприятий планируется снизить показатель смертности населения трудоспособного возраста: с 484,5 случая на 100 тыс. человек в 2018 году до 350,0 случаев к 2024 году. Достижение целевого ориентира вполне возможно, учитывая фактическую смертность по итогам за 2019 год на уровне 379,4 случая и постепенное уменьшение данного показателя с 2014 года, однако негативные коррективы в положительную динамику снижения смертности вносят последствия новой коронавирусной инфекции. В частности, по оценкам Минздрава, за первый квартал 2019 года умерло 36854 человека в возрасте 18–65 лет, а в 2020 году за такой же период – 37346 человек⁸. Фиксируется большой процент смертей по причине заболеваемости COVID-19. По данным на 21 ноября 2020 года суточное число смертей от коронавирусной инфекции в РФ составило рекордные 467 человек⁹.

Методы и инструменты

Информационной базой исследования послужили официальные информационные ресурсы Федеральной службы государственной статистики России по вопросам состояния сферы здравоохранения регионов РФ, а также информация федерального статистического наблюдения по условиям жизни

⁶ Звездина П. Эксперты предсказали сокращение числа больниц до уровня 1913 года. URL: <https://www.rbc.ru/society/07/04/2017/58e4feb59a794722462a85aa> (дата обращения 16.11.2020).

⁷ Голикова признала неудачной оптимизацию здравоохранения в регионах. URL: <https://www.rbc.ru/society/03/11/2019/5dbecba99a79470b57a29e69> (дата обращения 16.11.2020).

⁸ Минздрав сообщил о росте смертности трудоспособного населения // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2020/05/26/831121-o-rostе-smertnosti-trudosposobnogo-naseleniya> (дата обращения 23.11.2020).

⁹ В России побит суточный рекорд по смертности от коронавируса. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/11/2020/0/5fb8c7f89a79471b88b334b1> (дата обращения 23.11.2020).

населения¹⁰. В целях выделения однотипных регионов по уровню состояния и доступности услуг медицинской помощи применен кластерный анализ. Обработка данных проведена с помощью SPSS Statistics и MS Excel.

Социально-экономический ущерб от смертности трудоспособного населения Вологодской области оценен на основе расчета интегрального показателя потенциальной демографии «потерянные годы потенциальной жизни» (ППГЖ) [14–18]. На первом этапе с учетом статистических данных рассчитывается численность умершего в течение года экономически активного населения, занятого в экономике, по пятилетним возрастным группам (15–19 лет, 20–24 года и т. д.) по формуле (1):

$$\text{ППГЖ} = \sum_i d_i a_i, \quad (1)$$

где:

d_i – численность умершего в течение года населения в i -возрастной группе;

a_i – количество недожитых лет;

$a_i = T - x_i$,

где:

T – базовое значение продолжительности жизни – возраст, ранее которого все смерти принято считать преждевременными (65 лет для мужчин и 63 – для женщин);

x_i – середина i -го возрастного интервала.

На втором этапе рассчитывается стоимость потерянных лет потенциальной жизни на основе данных о преждевременной смертности населения в определенном году:

$$P_r = \text{ППГЖ}_r \times C_r, \quad (2)$$

где:

P_r – стоимость потерянных лет потенциальной жизни в году z ;

ППГЖ_r – количество человеко-лет, потерянных вследствие преждевременной смертности населения в году z ;

C_r – стоимость одного года статистической жизни в году z .

Стоимостная оценка социальных потерь производится с учетом ВРП на душу населения, занятого в экономике в определенном периоде, и позволяет прогнозировать размер экономических потерь (упущенной выгоды) в результате смертности экономически активного населения в трудоспособном возрасте.

Основные результаты исследования

В масштабах российского общества существенным фактором, обуславливающим неравенство в доступности услуг сферы здравоохранения, выступают региональные различия в обеспеченности медицинскими организациями, количестве койкомест в стационарах, укомплектованности кадровыми и иными ресурсами. География медицинских ресурсов коррелирует с уровнем социально-экономического развития региона. Чаще всего асимметричное распределение ресурсов [19, с. 129] происходит между сельской местностью и городской средой в результате концентрации ресурсов здравоохранения (лечебные учреждения, кадры, оборудование, финансовые средства) в крупных городах и мегаполисах.

Как свидетельствуют статистические данные (табл. 2), за 2010–2018 гг. численность врачей всех специальностей в РФ сократилась с 50 до 47 человек на 10000 человек населения. При этом наиболее существенное снижение кадровых ресурсов зафиксировано в Центральном федеральном округе (на 11% в 2018 году по сравнению с 2010 годом). Минимальное количество врачей в сфере здравоохранения отмечено в Чеченской Республике (29 человек), даже несмотря на то, что в ней наблюдался некоторый рост данного показателя по сравнению с 2010 годом.

Низкий уровень укомплектованности медицинскими кадрами и рост заболеваемо-

¹⁰ Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2018 году / Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

Таблица 2. Численность врачей всех специальностей на 10000 человек населения (на конец года), чел.

Регион*	Год									Ранг**	2018 год к 2010 году, раз
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
г. Санкт-Петербург	84,8	87,2	80,6	81,2	81,5	73,8	77,5	80,7	81,2	1	0,96
Чукотский автономный округ	76,7	76,5	73,1	73,8	65,5	65,0	69,4	74,8	75,5	2	0,98
Республика Северная Осетия – Алания	70,8	74,5	71,0	71,7	70,3	64,5	66,6	69,2	67,2	3	0,95
Магаданская область	55,6	55,7	56,6	59,5	60,2	61	61,2	61,8	63,8	4	1,15
Астраханская область	68,2	70,3	65,7	65,8	64,4	60,8	61,4	61,9	61,2	5	0,90
...
Вологодская область	34,6	34,8	35,3	34,7	35,2	35,2	34,8	35,6	35,3	78	1,02
Владимирская область	33,1	34,8	33,7	33,9	33,8	33,8	33,9	34,4	34,9	79	1,05
Псковская область	34,6	35,5	35,6	35,5	33,6	34,1	34,8	34,7	34,0	80	0,98
Курганская область	29,7	30,2	30,3	30,2	30,2	28,8	29,3	29,8	29,7	81	1,00
Чеченская Республика	28,3	26,8	26,3	27,0	26,5	27,0	28,1	28,0	29,3	82	1,04
Справочно: Российская Федерация	50,1	51,2	49,1	48,9	48,5	45,9	46,4	47,5	47,9	-	0,96

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя.
 ** Данные ранжированы по регионам за 2018 год.
 Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

сти населения в ряде регионов¹¹ повышают нагрузку на врачебный персонал. Согласно данным органов статистики (табл. 3), численность населения на одного врача возросла со 199 человек в 2010 году до 208 к концу 2018 года. Крайне высокий уровень нагрузки зафиксирован в 2015 году, когда на одного врача приходилось порядка 217 граждан. Среди субъектов РФ ожидаемо высокой оказалась нагрузка в Чеченской Республике (341 человек), превышающая среднероссийский уровень 2018 года почти в 1,6 раза. В числе лидеров по обеспеченности кадровыми медицинскими ресурсами и низкой нагрузке на врачей является г. Санкт-Петербург, сохраняющий первенство по данным индикаторам среди субъектов РФ с 2014 года. Вологодская область в этом рейтинге за-

нимает 78 место, незначительно улучшив показатель по сравнению с 2010 годом (283 человека на 1 врача в 2018 году против 289 человек в начале исследуемого периода).

Одним из факторов, обуславливающих неравенство в доступе к медицинским услугам, выступает обеспеченность стационаров койко-местами. В целом в России в 2018 году на 10000 человек приходилось 80 койко-мест, что на 15% меньше по сравнению с 2010 годом (94 места). Худшие показатели обеспеченности местами в стационарах отмечены в Республике Ингушетии (44) и Чеченской Республике (58). Лидерами в обеспечении койко-местами являются регионы Дальневосточного федерального округа (Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область, Магаданская

¹¹ По данным Росстата, в 52 из 82 регионов в 2018 году по сравнению с предыдущим годом наблюдался рост числа заболеваемости населения (у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни). В девяти регионах отмечен ежегодный рост заболеваемости с первичным диагнозом на протяжении нескольких лет за период с 2016 по 2018 год.

В рейтинге регионов РФ по уровню заболеваемости в 2018 году первое место занимал Северо-Западный федеральный округ с показателем 936 случаев заболевания на 10000 человек, что на 20% превышает среднероссийский уровень. Источник: Здравоохранение в России: стат. сб. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218> (дата обращения 17.11.2020).

Таблица 3. Численность населения на одного врача (на конец года), чел.

Регион*	Год									Ранг**	2018 год к 2010 году, раз
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
г. Санкт-Петербург	118,0	114,7	124,1	123,1	122,7	135,5	129,1	124,0	123,1	1	1,04
Чукотский автономный округ	130,4	130,7	136,9	135,5	152,7	153,9	144,0	133,7	132,4	2	1,02
Республика Северная Осетия – Алания	141,3	134,3	140,9	139,4	142,2	155,1	150,1	144,6	148,7	3	1,05
Магаданская область	179,9	179,6	176,5	167,9	166,0	163,9	163,4	161,7	156,8	4	0,87
Астраханская область	146,6	142,2	152,1	152,0	155,4	164,5	162,8	161,6	163,3	5	1,11
...
Вологодская область	289,1	287,4	283,1	288,5	284,5	284,1	287,3	281,0	282,9	78	0,98
Владимирская область	302,3	287,7	296,7	295,1	295,8	295,6	295,3	291,0	286,4	79	0,95
Псковская область	289,0	281,4	281,0	281,7	298,0	293,0	287,5	288,0	294,5	80	1,02
Курганская область	336,6	331,1	330,5	331,4	331,4	347,3	340,8	335,3	336,4	81	1,00
Чеченская Республика	353,7	372,7	380,4	370,9	376,7	369,7	355,5	357,4	341,4	82	0,97
Справочно: Российская Федерация	199,6	195,2	203,8	204,5	206,2	217,7	215,6	210,7	208,6	-	1,05

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя.
 ** Данные ранжированы по регионам за 2018 год.
 Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

и Сахалинская области), где обеспеченность составляла от 131 до 113 мест на 10000 человек.

Анализ расходов консолидированных бюджетов субъектов на здравоохранение на душу населения в сопоставимых ценах 2018 года позволяет сделать вывод о сокращении данного вида бюджетных затрат по всей стране. Наименьшее сокращение расходов на медицину отмечено только в Сахалинской области (91% в 2018 году по отношению к 2010 году). В целом по России данный показатель снизился за исследуемый период на 57%. По объему бюджетных затрат на душу населения среди регионов явное первенство удерживают представители Дальневосточного федерального округа, а замыкают рейтинг республики Дагестан и Ингушетия (табл. 4).

Инвестиции в основной капитал на душу населения с учетом инфляции за период с 2010 по 2018 год снизились почти на 30% в целом по РФ. При этом в ряде регионов, наоборот, зафиксировано значительное увеличение данного индикатора. Так, в Ленинградской области рост инвестиций

за анализируемый период составил почти 7 раз. Наименьшее значение затрат на инвестиции в сфере здравоохранения отмечено в 2018 году в Республике Дагестан (293 руб. на человека). Регионы Дальневосточного округа занимают в этом рейтинге первые позиции.

Недостаточное финансирование здравоохранения, низкая обеспеченность кадровыми и иными ресурсами привели к росту объема платных медицинских услуг к 2018 году в 1,4 раза (в сопоставимой оценке) по сравнению с 2010 годом. Минимальная стоимость услуг на одного жителя зафиксирована в Ингушетии на уровне 535 руб. против почти 9800 руб. в г. Санкт-Петербурге.

Доля платных медицинских услуг в общем объеме платных услуг в стране увеличилась в 1,9 раза к 2018 году по сравнению с 2010 годом. В Вологодской области доля платных медуслуг остается достаточно стабильной на протяжении ряда лет (в пределах 8–9%). Самый высокий процент платных услуг в сфере здравоохранения в структуре платных услуг наблюдался в Новгородской области, составив почти 11,6% в 2018 году.

Таблица 4. Расходы консолидированных бюджетов на здравоохранение на душу населения (с учетом стоимости фиксированного набора товаров и услуг по регионам), руб.

Регион*	Год									Ранг**	2018 год к 2010 году, раз***
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Чукотский автономный округ	27172	22432	26610	27689	24420	27432	29173	31120	27984	1	0,66
Магаданская область	24429	17728	23590	23819	24320	25309	27423	18947	26706	2	0,62
Сахалинская область	17342	13345	15880	18248	23932	25883	29543	20281	25011	3	0,91
г. Санкт-Петербург	10391	12637	7927	9879	12139	12687	13288	15363	12745	4	0,70
Камчатский край	11782	12801	13968	12625	12985	13531	13677	8914	10663	5	0,56
...
Вологодская область	6180	6924	8364	6164	6346	6747	7081	3152	4952	35	0,48
...
Саратовская область	5960	6796	6374	5905	6410	7177	6657	1923	2395	78	0,25
Республика Марий Эл	5628	5510	6207	5659	5750	6055	6818	2347	2341	79	0,24
Кировская область	5961	6313	6440	5970	5545	6079	6006	1657	2023	80	0,20
Республика Дагестан	5240	3635	3632	5136	5908	7127	1336	1384	1716	81	0,20
Республика Ингушетия	8771	6110	6920	8138	10925	11736	8367	1821	1543	82	0,11
Справочно: Российская Федерация	8756	8340	9476	8707	8998	9252	8727	5768	6478	-	0,43

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя, а также Вологодской области.
 ** Данные ранжированы по регионам за 2018 год.
 *** В сопоставимых ценах 2018 года.
 Рассчитано по: Здравоохранение в России: стат. сб. / Росстат. М., 2011. 326 с.; Здравоохранение в России: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 174 с.; Здравоохранение в России: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 170 с.

Значительное сокращение бюджетно-го финансирования, увеличение нагрузки на врачей, снижение объемов и качества бесплатной помощи, рост удельного веса платных медуслуг в расходах на платные услуги в совокупности привели к тому, что для большей части населения услуги сферы здравоохранения являются недоступными, усиливая и без того чрезмерное неравенство по доходам в стране, негативно влияя на динамику смертности в трудоспособном возрасте, а также характер устойчивости социально-экономического развития территориальных систем в целом.

На основе кластерного анализа регионы типологизированы по уровню состояния сферы здравоохранения. В качестве метода для иерархического объединения в кластер выбран метод Уорда, в качестве целевой функции – внутригрупповая сумма квадратов расстояний [20; 21]. Кластеризация про-

ведена по показателю «число больничных коек на 10000 человек», в достаточной степени характеризующему возможность населения иметь доступ к одному из видов медицинской помощи (стационарной). Его выбор дополнительно обусловлен актуальностью степени обеспеченности койко-местами региональных больничных комплексов в современных условиях пандемии.

Результаты кластерного анализа показали наличие четырех уровней доступности сферы здравоохранения по обеспеченности койко-местами: высокий, средний, ниже среднего и низкий (рис.). К числу регионов с высоким уровнем доступности относятся 6 субъектов с показателем обеспеченности койко-местами в количестве 118 единиц, что выше среднероссийского уровня примерно в 1,5 раза. 17 регионов характеризуются как средние по степени доступности медпомощи в стационарах. В состав кластеров ниже

Таблица 5. Средние показатели по четырем выделенным кластерам, 2018 год

Показатель	Уровень доступности сферы здравоохранения				Среднее по РФ
	высокий	средний	ниже среднего	низкий	
Число регионов, %	7	20	62	11	100,0
Число больничных коек на 10000 человек, ед.	118	96	81	63	79,9
В % к среднему по РФ	147,7	120,2	101,4	78,8	100,0
Численность населения на одного врача (на конец года), чел.	186	202	220	246	208,6
В % к среднему по РФ	89,2	96,8	105,5	117,9	100,0
Объем платных медицинских услуг на душу населения (с учетом стоимости фиксированного набора товаров и услуг по регионам), руб.	3 463	3 561	3 653	3 259	4617
В % к среднему по РФ	75,0	77,1	79,1	70,6	100,0
Доля платных медицинских услуг в общем объеме платных услуг, %	5,5	6,7	6,5	6,0	7,0
В % к среднему по РФ	78,6	95,7	92,9	85,7	100,0
Заболееваемость на 1000 человек населения*	794,6	869,9	800,7	681,9	782,1
В % к среднему по РФ	101,6	111,2	102,4	87,2	100,0
Численность врачей всех специальностей на 10000 человек населения (на конец года), чел.	56,5	50,2	46,8	41,9	47,9
В % к среднему по РФ	118,0	104,8	97,7	87,5	100,0
ВРП на душу населения (с учетом стоимости фиксированного набора товаров и услуг по регионам)** , руб.	671661	461046	602822	394648	543939
В % к среднему по РФ	123,5	84,8	110,8	72,6	100,0
Расходы консолидированных бюджетов на здравоохранение на душу населения (с учетом стоимости фиксированного набора товаров и услуг по регионам), руб.	16988	4889	5839	5831	6478
В % к среднему по РФ	262,2	75,5	90,1	90,0	100,0
Инвестиции в основной капитал на душу населения, направленные на развитие здравоохранения (с учетом стоимости фиксированного набора товаров и услуг по регионам), руб.	3708,0	1045,0	1597,0	1528,0	1682
В % к среднему по РФ	220,5	62,1	94,9	90,8	100,0

* Зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни.
 ** Прогнозная оценка.
 Рассчитано по: официальные данные Федеральной службы государственной статистики России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения 16.11.2020).

оценкам, показатель упущенной выгоды в производстве ВРП, рассчитанный на основе индикатора потенциальной демографии «потерянные годы потенциальной жизни», составил по Вологодской области в 2016–2018 гг. величину, превышающую уровень расходов на здравоохранение (табл. 6). Объем упущенной экономической выгоды вследствие потерь трудовых ресурсов варьировал в разные годы от 10 до 15% от размера ВРП.

Рассматривая проблему доступности медицинских услуг, нельзя обойти стороной вопросы личностного восприятия населением своего здоровья, а также доступности и качества оказываемой медицинской помощи. Как показали различные социологические опросы, проблема ее доступности становится все более актуальной и нерешенной для значительной части населения. Так, в свете подготовки новой Конституции РФ 95% опрошенных ВЦИОМ назвали обеспе-

Таблица 6. Потенциальный ущерб в производстве ВРП Вологодской области по причине преждевременной смертности трудоспособного населения в 2016–2018 гг.

Показатель	2016 год	2017 год	2018 год*
Число недожитых человеко-лет в результате смертности населения, занятого в экономике	82238	56109	71232
Размер ВРП на одного занятого в экономике, тыс. руб.	723,1	796,6	868,9
Размер упущенной выгоды в производстве ВРП, млн руб.	59462,9	44694,7	61892,4
Размер упущенной выгоды в производстве ВРП, руб. на одного занятого в экономике	106833	82676	116712
Доля от ВРП, %	14,8	10,4	13,4

* Прогнозная оценка.

Рассчитано по: официальные данные Федеральной службы государственной статистики России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения 20.11.2020).

чение доступности и качества медицинских услуг как наиболее важную поправку к основному закону страны¹².

По данным социологического опроса российских граждан [25, с. 105], проведенного НИУ ВШЭ в 2018 году, в топ-5 наиболее болезненных неравенств для общества в целом и лично для респондентов включены: неравенство по доходам (84 и 69% соответственно), в доступе к медпомощи (70 и 51), жилищных условий (64 и 36), в доступе к хорошим рабочим местам 952 и 38) и образованию (48 и 23) (табл. 7).

По информации Фонда «Общественное мнение»¹³, более половины россиян (53%) недовольны процессами, происходящими в российском здравоохранении. Население жалуется на дорогие лекарства, увеличение объема платной медпомощи (12%), низкую квалификацию медперсонала и качество лечения (89%). Каждый четвертый россиянин (аналогичные данные зафиксированы в Вологодской области) недоволен оказанной услугой в медицинской организации¹⁴. В г. Севастополе и Калининградской области в 2019 году выявлен максимальный уровень недовольности населения медуслугами в госучреждениях (55 и 47% соответственно). В Республике Тыва этот

показатель находится на рекордно низкой отметке по сравнению с другими субъектами (только 6,1% жителей заявили о неудовлетворенности оказанных им медицинских услуг). Интересно, что среди городского населения РФ неудовлетворенность медицинской помощью гораздо больше, чем в сельской местности (27 и 18% соответственно), что практически совпадает с данными для Вологодской области (27 и 20%).

Тревожным симптомом для устойчивого развития территорий выступает низкий уровень самооценки населением состояния своего здоровья. Лишь 9% трудоспособных россиян заявляют о наличии у них «очень хорошего здоровья» и почти треть (34%) граждан – об удовлетворительном, плохом и очень плохом здоровье. Антилидером по последнему показателю стала Смоленская область (56% населения). Вологодская область уступает ей только на 5%. Более того, Вологодская область, по данным за 2018 год, занимала предпоследнее, 81-е, место в рейтинге субъектов по числу доли (82,8%) работающего населения, иногда или постоянно испытывающего нервное напряжение и стрессы на основной работе [26, с. 15], что является опасным обстоятельством, не способствующим укреплению здоровья граждан.

¹² ВЦИОМ: россияне считают важнейшей поправкой в Конституцию пункт о доступности медобслуживания. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4300461> (дата обращения 12.05.2020).

¹³ Комраков А. Отечественное здравоохранение оторвалось от населения // Независимая газета. 2019. 27 мая. URL: https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/economics/2019-05-26/4_7582_medic.html (дата обращения 16.11.2020).

¹⁴ Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения 16.11.2020).

Таблица 7. Наиболее болезненные неравенства, 2018 год, % от числа опрошенных

Тип неравенства	Болезненные для общества в целом	Болезненные для респондента
Доходов	84	69
В доступе к медицинской помощи	70	51
Жилищных условий	64	36
В доступе к хорошим рабочим местам*	52	38
В доступе к образованию	48	23
В возможностях для детей из разных слоев общества	33	19
В возможностях для отдыха, проведения досуга	22	27
В обладании собственностью	20	16
В наличии знакомств с «нужными людьми»	9	10
В возможностях добраться в нужные места общественным транспортом	9	11
В доступе к культурным, художественным ценностям (театры, музеи, выставки)	7	9
В физических возможностях	6	9
В возможностях пользования компьютером и интернетом	4	4
Таких неравенств нет	2	9

* В % к числу работающего населения.
 Источник: Мареева С.В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 3. С. 105.

Залогом успешного лечения и обязательным условием ранней профилактики заболеваний становится наличие современного оборудования для лечения и проведения диагностики. По данным Федерального наблюдения, в 2019 году только 56% населения РФ было удовлетворено оснащенностью стационарных медицинских организаций оборудованием и 53% респондентов – лекарственными препаратами. В Республике Татарстан отмечен наивысший уровень удовлетворенности степенью оснащения стационаров оборудованием (82%), во Владимирской области – худший (23%) среди остальных российских субъектов. Вологодская область занимает промежуточное положение с показателем удовлетворенности на уровне 62%. При этом недостаточно комфортные условия пребывания в стационарах отметили 51% россиян и 34% вологжан в частности. Каждый второй житель Рязанской области жаловался на непрофессионализм врачей в стационарных медучреждениях, менее всего недовольных – в Ульяновской области (6%). Среди россиян таковых оказалось почти 27%, среди вологжан – 16%.

Достаточно напряженной остается ситуация с оценкой населением работы поликлиник. В целом по РФ отмечена неудовлетворенность работой участкового врача на уровне 29% от общего числа опрошенных (в Вологодской области – 21%), врачей-специалистов – 60% (58%), отсутствием необходимого оборудования и/или лекарственных препаратов – 49% (53%), длительностью ожидания в очередях – 66% (80%). Неудовлетворенность работой диагностических служб поликлиник (УЗИ, ЭКГ, рентген и т. д.) высказали 45% граждан страны и каждый второй житель Вологодской области.

Заключение

Сложившаяся в сфере здравоохранения РФ ситуация наглядно демонстрирует снижение доступности медицинской помощи для населения, формирующее неустойчивый характер развития территориальных систем. В результате проведенного анализа удалось выявить следующее.

1. Повышение доступности и стандартов качества здоровьесбережения, образования и экологической безопасности, степень со-

циальной ответственности каждого гражданина, эффективность социальных лифтов и т. д. лежат в основе формирования социальных факторов устойчивого развития территорий. Реализация цели устойчивого роста невозможна без последовательной и стабильной социально-экономической политики в регионе.

2. Оптимизация и модернизация системы здравоохранения РФ, начатые на рубеже XX века и продолжающиеся до настоящего времени, привели к колоссальному сокращению числа медицинских учреждений. Регионами-аутсайдерами по обеспеченности койко-местами в стационарах в 2018 году являлись Ингушетия и Чеченская Республика.

3. Период 2010–2018 гг. «ознаменовался» для страны низким уровнем укомплектованности регионов медицинскими кадрами, увеличением врачебной нагрузки, ростом платных медицинских услуг и заболеваемости населения. В число топ-5 субъектов с минимальным уровнем численности населения на одного врача включены Санкт-Петербург, удерживающий лидерство с 2014 года, Чукотский автономный округ, Северная Осетия – Алания, Магаданская и Астраханская области.

4. Применение кластерного анализа позволило определить уровень доступности здравоохранения в регионах в контексте обеспеченности койко-местами в медучреждениях. Выявлено, что подавляющая часть субъектов (73%) относится к группам с низким и ниже среднего уровнями по доступности со средним числом больничных коек на 10000 человек населения в количестве 81 и 63 единицы соответственно (для сравнения, среднероссийский уровень – примерно 80 койко-мест).

С одной стороны, низкая обеспеченность койко-местами создает дополнительную угрозу жизни и здоровью населения в некоторых субъектах в период пандемии. Так, по данным на 20 декабря 2020 года¹⁵ за-

груженность койко-мест в Ленинградской области достигла критического уровня: «...осталось 27 свободных коек для госпитализации больных COVID-19 – это меньше 1%». Благодаря оперативному вмешательству властей и введению дополнительных мест для COVID-заболевших ситуацию с койко-местами удается держать под контролем. С другой стороны, число койко-мест в регионах зависит от заболеваемости. Территории с низким уровнем обеспеченности койко-местами характеризуются низким уровнем заболеваемости и, как следствие, высокой величиной ожидаемой продолжительности жизни. Однако следует уточнить, что ожидаемая продолжительность жизни зависит не только от числа больничных коек и количества врачей, но и от уровня и образа жизни населения.

5. Важнейшей проблемой доступности здравоохранения в контексте устойчивого регионального развития является предотвращение/снижение смертности граждан в трудоспособном возрасте. Сокращение численности населения РФ усугубляется ростом смертности трудоспособных жителей. Экономические потери в ВРП Вологодской области по причине смертности трудоспособного населения на основе расчета индикатора потенциальной демографии «потерянные годы потенциальной жизни» составили за период с 2016 по 2018 год порядка 10–15% от объема ВРП.

6. Субъективная оценка населением оказываемой медицинской помощи свидетельствует о достаточно низком уровне доступности и качества медуслуг. Тревожная ситуация сложилась относительно работы стационарных медицинских учреждений и поликлинических служб. Речь идет о недостаточной оснащенности современным и высокоточным оборудованием и лекарственными препаратами. Особую тревожность вызывают наличие больших очередей в поликлиниках (в г. Севастополе свыше 90% высказали неудовлетворенность по данному

¹⁵ В Петербурге осталось 27 свободных коек для пациентов с коронавирусом и пневмонией. URL: /<https://www.vedomosti.ru/society/news/2020/12/20/851708-v-sankt-peterburge-ostallos-27-koek-dlya-patsientov-s-koronavirusom-i-pnevmoniei> (дата обращения 21.12.2020).

поводу) и непрофессионализм врачей узкого профиля, что в целом создает негативные предпосылки к неправильной постановке диагнозов, росту заболеваемости и смертности.

На сегодняшний день обеспечение доступности и качества предоставляемых услуг в сфере здравоохранения остается остро-социальной проблемой, влияющей на устойчивое социально-экономическое развитие территориальных систем. С одной стороны, в целях повышения здоровья нации следует поощрять индивидуальную ответственность граждан за свое здоровье, с другой – разрабатывать мероприятия как глобального, так и точечного характера по повышению эффективности социально-экономической политики на федеральном уровне и на местах. Особую актуальность в этом направлении приобретает совокупность действий в области первичной, вторичной и третичной профилактики, ориентированных на снижение причин основных видов заболеваемости и смертности. В связи с этим повышается необходимость мониторинга показателей для межстрановых (региональных) сравнений с определением роли и масштабов влияния сферы услуг здравоохранения на устойчивое развитие территорий.

Преодолеть/нейтрализовать негативные тенденции в сфере здравоохранения невозможно без активизации социальной ответственности населения за собственное здо-

ровье. По словам д.э.н. А.А. Шабуновой, «здоровье должно быть здоровьесберегающим и здоровьесформирующим»¹⁶. Важен партиципативный подход, основанный на вовлеченности всех заинтересованных сторон в процесс повышения уровня здоровья человека. Разработка системы поощрения индивида за здоровье, с одной стороны, и рост ответственности государства в сфере реализации социально-экономической политики, с другой, являются залогом развития и устойчивого роста сферы здравоохранения и территориальных систем в целом.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в деятельности региональных и муниципальных органов власти при совершенствовании социально-экономической политики, разработке и реализации мероприятий в сфере здравоохранения, направленных на повышение доступности и качества медицинских услуг в целях увеличения числа трудоспособного населения региона.

В перспективе по данной проблематике возможно разработать комплексную методику оценки доступности медицинской помощи (с применением статистических и социологических индикаторов) и выявить степень взаимовлияния (с использованием одномерных методов статистического анализа) доступности медуслуг и процессов устойчивого социально-экономического развития территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Социально-экономические приоритеты устойчивого развития Арктического макрорегиона России // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4. С. 985–1004. DOI: 10.17059/2017-4-2
2. Лаженцев В.Н. Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики России // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 2. С. 353–365. DOI: 10.17059/2018-2-2
3. Калачикова О.Н., Калашников К.Н. Доступность и качество медицинской помощи в контексте модернизации здравоохранения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2 (32). С. 130–142.
4. Письменная Е.Е., Моженкова Е.М. Доступность и качество медицинских услуг в российской системе здравоохранения // Гуманитарные науки. Вестн. Финанс. ун-та. 2016. Т. 6. № 2 (22). С. 36–39. DOI: 10.12737/18149

¹⁶ Доклад А.А. Шабуновой на Пленарном заседании Российского научного форума «Экология и общество: баланс интересов». URL: <http://www.vssc.ac.ru/activity/view?id=6029>

5. Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики. М: Дело, 2020. 512 с.
6. *Our Common Future. Report of the World Commission on Environment and Development*. Oxford: Oxford University Press, 1987. 416 p.
7. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
8. Ускова Т.В. Устойчивость развития территорий и современные методы управления // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 7–18. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.1
9. Канаева О.А. Социальные императивы устойчивого развития // Вестн. СПбГУ. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 26–58. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.102>
10. Канаева О.А. Социальная политика 2.0 – новая версия для устойчивого развития // Проблемы современной экономики. 2014. № 2 (50). С. 132–137.
11. Бляхман Л.С. Социальная политика как предмет новой политэкономии // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 37–46.
12. Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Социальная сфера: науч.-аналит. изд. / кол. авт.; под науч. рук. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 68 с.
13. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь мир, 2020. 352 с.
14. Шабунова А.А., Калашников К.Н. Экономическая оценка потерь трудового потенциала населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 4 (4). С. 53–61.
15. Козлова О.А., Зубарев Н.Ю. Комплексная оценка экономических потерь региона от преждевременной смертности населения // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 3. С. 845–858. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-13>
16. Орлов В.И., Сабгайда Т.П., Антонюк В.В. Этапы развития методов оценки экономических потерь, связанных со здоровьем населения // Социальные аспекты здоровья населения. 2009. № 1. С. 1–12.
17. Andersson H. willingness to pay for road safety and estimates of the risk of death: Evidence from Swedish contingent valuation study. *Accident Analysis and Prevention*, 2007, no. 39, pp. 853–865.
18. Viscusi W.K. The value of life: Estimates with risks by occupation and industry. *Economic Inquiry*, 2014, no. 1 (42), pp. 29–48.
19. Вялых Н.А. Механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в России: методологический поворот в современных социологических исследованиях // Вестн. ТГУ Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 122–137. DOI: 10.17223/1998863X/45/13
20. Wooldridge J. *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*. Cambridge, Mass: MIT Press, 2001. 735 p.
21. Tang S., Zhang L. From virtual clustering analysis to self-consistent clustering analysis: a mathematical study. *Computational Mechanics*, 2018, no. 62, pp. 1443–1460. DOI: [org/10.1007/s00466-018-1573-x](https://doi.org/10.1007/s00466-018-1573-x)
22. Gatzert N., Wesker H. Mortality risk and its effect on shortfall and risk management in life insurance. *Journal of Risk and Insurance*, 2014, no. 81 (1), pp. 57–90.
23. Коробицын Б.А., Куклин А.А., Никулина Н.Л. Ущерб от основных причин смертности для субъектов Российской Федерации и оценка приоритетов по увеличению продолжительности жизни // Народонаселение. 2014. № 3. С. 42–56.
24. Нацун Л.Н. Гендерные особенности инвалидизации российского населения // Социальное пространство. 2019. № 3 (20). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28252>. DOI: 10.15838/sa.2019.3.20.5

25. Мареева С.В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестн. Ин-та социологии. 2018. Т. 9. № 3. С. 102–118.
26. Басова Е.А., Белехова Г.В. Качество трудовой жизни в оценках мужчин и женщин (по материалам социологического опроса Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 2. DOI: 10.15838/tidi.2020.2.52.4. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28524>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Александровна Басова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: elbas@yandex.ru

Basova E.A.

ACCESSIBLE HEALTH CARE AS A FACTOR OF SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES

Sustainable development of territories is largely determined by the regions' socio-economic stability including the level of accessibility and quality of health care. In this regard, the study of the scale of health care accessibility and the elaboration of its improvement directions in order to ensure sustainable development of territories is of particular relevance. The author notes a low level of medical service accessibility in the Russian Federation due to a number of negative trends in 2010–2018. They have manifested in the reduction of budget financing of the health care sector and the volume of free medical care, the increase of the workload on doctors. The article demonstrates a typology of the Russian regions on the medical care accessibility using multidimensional methods of statistical analysis. Moreover, the researcher shows that there is an insufficient level of beds provision in hospitals in most of the regions. The author concludes that there is a direct correlation between the accessibility of health care and the number of cases according to the primary diagnosis with the level of health care costs. Based on the potential demography indicator "lost years of potential life", the paper estimates the potential damage in GRP production in the Vologda Oblast caused by the mortality of the working-age population. The research establishes that the total amount of economic damage due to labor losses varied in 2016–2018 in the range from 10 to 15% of the GRP volume. The author has studied the population's own perception of the accessibility and quality of medical care. To increase the stability of territorial systems, the work proposes a number of management measures to prevent a decrease in the number of working-age population and increase the health care accessibility. In the future, it is possible to develop a comprehensive methodology for assessing the medical care accessibility (using statistical and sociological indicators), and to identify the degree of mutual influence of accessibility and the processes of the territories' sustainable socio-economic development.

Accessibility, health care, medical service, territories' sustainable development.

REFERENCES

1. Leksin V.N., Porfiriyev B.N. Socio-economic priorities for the sustainable development of Russian Arctic macro-region. *Economika regiona=Economy of Region*, 2017, vol. 13, no. 4, pp. 985–1004. DOI: 10.17059/2017-4-2 (in Russian).
2. Lazhentsev V.N. Socio-economic space and territorial development of the North and the Arctic of Russia. *Economika regiona=Economy of Region*, 2018, vol. 14, no. 2, pp. 353–365. DOI: 10.17059/2018-2-2 (in Russian).
3. Kalachikova O.N., Kalashnikov K.N. Accessibility and quality of medical service in the context of health care modernization. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2014, no. 2 (32), pp. 130–142 (in Russian).
4. Pismennaya E.E., Mozhenkova E.M. Access and quality of medical care in the Russian health service. *Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta=Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2016, vol. 6, no. 2 (22), pp. 36–39. DOI: 10.12737/18149 (in Russian).
5. Aganbegyan A.G. *O prioritetax sotsial'noi politiki* [On the Priorities of Social Policy]. Moscow: Delo, 2020. 512 p.
6. *Our common future. Report of the World Commission on Environment and Development*. Oxford: Oxford University Press, 1987. 416 p.
7. Uskova T.V. *Upravlenie ustoichivym razvitiem regiona: monografiya* [Management of the Region's Sustainable Development: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2009. 355 p.
8. Uskova T.V. Territories' sustainable development and modern management methods. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2020, no. 2 (106), pp. 7–18. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.1 (in Russian).
9. Kanaeva O.A. Social imperatives of sustainable development. *Vestnik SPbGU. Ekonomika=St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2018, vol. 34, iss. 1, pp. 26–58. Available at: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.102> (in Russian).
10. Kanaeva O.A. Social politics of Russian companies 2.0: new version for sustainable development. *Problemy sovremennoi ekonomiki=Problems of Modern Economics*, 2014, no. 2 (50), pp. 132–137 (in Russian).
11. Bliakhman L.S. Social politics as the subject of new political economy. *Problemy sovremennoi ekonomiki=Problems of Modern Economics*, 2012, no. 3, pp. 37–46 (in Russian).
12. *Natsional'nye proekty 2019–2024 gg.: analiz i klyuchevye riski ikh realizatsii* [National Projects for the period of 2019–2024: Analysis and Key Risks of Their Implementation. Social Sphere: Scientific and Analytical Edition]. Group of authors. Under the scientific supervision of A.A. Shabunova. Vologda: FGBUN VolNTs RAN, 2019. 68 p.
13. Toshchenko Zh.T. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opyt eoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of Trauma: between Evolution and Revolution (Experience of Theoretical and Applied Analysis)]. Moscow: Ves Mir, 2020. 352 p.
14. Shabunova A.A., Kalashnikov K.N. Economic evaluation of vital potential losses in the Vologda region. *Ekonomicheskie I sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2008, no. 4 (4), pp. 53–61 (in Russian).
15. Kozlova O.A., Zubarev N.Yu. Comprehensive assessment of economic losses from premature mortality of the population in regions. *Economika regiona=Economy of Region*, 2020, vol. 16, iss. 3, pp. 845–858. Available at: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-13> (in Russian).
16. Orlov V.I., Sabgayda T.P., Antonyuk V.V. Stages of development of methods for assessing economic losses related to population health. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya=Social Aspects of Population Health*, 2009, no. 1, pp. 1–12 (in Russian).

17. Andersson H. Willingness to pay for road safety and estimates of the risk of death: Evidence from Swedish contingent valuation study. *Accident Analysis and Prevention*, 2007, no. 39, pp. 853–865.
18. Viscusi W.K. The value of life: Estimates with risks by occupation and industry. *Economic Inquiry*, 2014, no. 1 (42), pp. 29–48.
19. Vyalykh N.A. Differentiation mechanisms of medical care consumption in Russia: a methodological turn in contemporary sociological research. *Vestnik TGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya=Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2018, no. 45, pp. 122–137. DOI: 10.17223/1998863X/45/13 (in Russian).
20. Wooldridge J. *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*. Cambridge, Mass: MIT Press, 2001. 735 p.
21. Tang S., Zhang L. From virtual clustering analysis to self-consistent clustering analysis: a mathematical study. *Computational Mechanics*, 2018, no. 62, pp. 1443–1460. DOI: org/10.1007/s00466-018-1573-x
22. Gatzert N., Wesker H. Mortality risk and its effect on shortfall and risk management in life insurance. *Journal of Risk and Insurance*, 2014, no. 81 (1), pp. 57–90.
23. Korobitsyn B.A., Kuklin A.A., Nikulina N.L. Losses of the constituent entities of the Russian Federation from main death causes and assessment of the priorities for raising life expectancy. *Narodonaselenie=Population*, 2014, no. 3, pp. 42–56 (in Russian).
24. Natsun L.N. Gender feature of disability of the Russian population. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 2019, no. 3 (20). Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/28252>. DOI: 10.15838/sa.2019.3.20.5 (in Russian).
25. Mareeva S.V. Social inequities and the social structure of modern Russia as perceived by the population. *Vestnik instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 102–118 (in Russian).
26. Basova E.A., Belekhova G.V. Quality of work life as estimated by men and women (Case study of the sociological survey in the Vologda Oblast). *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issue*, 2020, vol. 8, no. 2. DOI: 10.15838/tdi.2020.2.52.4. Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28524> (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Basova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: elbas@yandex.ru

DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5

УДК 323.21 | ББК 66.033.1

© Уханова Ю.В.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ ЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА (СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ)¹

ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА УХАНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: ukhanova4@rambler.ru

ORCID: [0000-0001-7307-9520](https://orcid.org/0000-0001-7307-9520); ResearcherID: [Q-7225-2017](https://orcid.org/Q-7225-2017)

В условиях межрегиональных социально-экономических диспропорций в России возрастает значимость поиска новых факторов территориального развития, которые находятся не только в экономической плоскости, но и в социокультурной. В связи с этим одним из ключевых направлений решения внутренних проблем страны и ее регионов становится развитие гражданского участия. Научная новизна исследования определяется применением комплексного подхода, учитывающего анализ включения населения в общественно полезную деятельность как при взаимодействии с властью (вертикальное взаимодействие), так и в пространстве повседневности (горизонтальное взаимодействие). Цель работы заключается в оценке потенциала и уровня вовлеченности локального сообщества в коллективные практики гражданского участия. Метод сбора эмпирической информации – количественное социологическое измерение, проведенное ВолНЦ РАН в 2019 году на территории трех субъектов СЗФО: Вологодской, Псковской областей, Республики Карелии. Определено, что население пока демонстрирует низкий уровень непосредственной вовлеченности в коллективные практики участия на местах. Однако анализ полученных результатов дает основание говорить о качественном разнообразии гражданских инициатив, горизонтальных коммуникационных связей: широкое распространение получают

Для цитирования: Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5

For citation: Ukhanova Yu.V. Collective practices and potential for civic participation of local community (sociological research in Russian regions). *Problems of Territory Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00326 А «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

практики, направленные на благоустройство местных территорий, а также различные формы помогающего (солидарного) поведения. Выявлено, что в среднем уровень ценностных установок к участию (ценностная форма) выше, чем показатели реального участия (политическая и социальная формы). Это позволяет заключить, что на уровне повседневности сконцентрирован потенциал для конструктивного объединения, солидаризации локального сообщества в решении социально значимых задач. Сделан вывод о территориальной неравномерности уровня и потенциала гражданского участия. В частности, Псковская область значительно опережает по уровню показателей Республику Карелию и, особенно, Вологодскую область, хотя именно Псковская область негативно отличается от других субъектов СЗФО по общему уровню благосостояния населения (ИЧР). Следовательно, наша гипотеза – чем выше уровень благосостояния местного сообщества, тем более развита его вовлеченность в коллективные практики гражданского участия и выше готовность к подобному участию – не подтвердилась. Более глубокий анализ факторов и барьеров коллективной самоорганизации местного сообщества в развитии территорий выступает перспективным направлением для продолжения исследования по проблеме.

Гражданское участие, коллективные практики, институциональное доверие, межличностное доверие, локальное сообщество, территориальное развитие.

Введение

Россия в современных условиях характеризуется высокой степенью межрегиональных социально-экономических диспропорций, что проявляется в существенных различиях как в темпах экономического роста и технологического развития, так и в уровне и качестве жизни населения [1–3]. Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года для обеспечения устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны необходима реализация комплекса мер, направленных на снижение внутрирегиональных социально-экономических различий². По мнению Н.И. Лапина, необходимо внедрять стратегию саморазвития регионов – стратегию их интегрированной модернизации, которая реализуется с помощью региональных инновационных систем, организующих и стимулирующих саморазвитие регионов [4].

Для достижения поставленных задач требуется поиск новых факторов территориального развития, которые находятся не только в экономической плоскости, но и в социокультурной. В связи с этим одним из ключевых направлений при решении внутренних проб-

лем страны и ее регионов становится развитие общественно-государственного партнерства и, соответственно, гражданского участия. Практики гражданского участия могут выступать важным фактором, оказывающим влияние на эффективность государственного управления, инновационное развитие, особенно в социальной сфере [5].

Значимость вовлеченности населения в решение проблем территорий увеличивается в условиях новых глобальных вызовов. Владимир Путин в октябре 2020 года в выступлении на пленарной сессии XVII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Уроки пандемии и новая повестка: как превратить мировой кризис в возможность для мира» отметил: «Обязанность государства – поддерживать общественные инициативы, открывать для них новые возможности. В этом залог суверенного, поступательного развития России, подлинной преемственности в ее движении вперед, нашей способности отвечать на глобальные вызовы»³.

В целом следует согласиться с тем, что роль участия граждан в решении социальных проблем, сплоченности общества возрастает не только на этапе качественных

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094 (дата обращения 15.07.2019).

³ Заседание дискуссионного клуба «Валдай»: стенограмма // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения 23.10.2020).

изменений, но и в кризисные периоды. Это обуславливает научный и практический интерес к обозначенной тематике.

Концептуализация категории «гражданское участие»

Для эмпирического изучения гражданского участия важно отойти от расплывчатых и аморфных определений, поэтому в первую очередь возникает вопрос, что мы подразумеваем под этим социальным феноменом. Поиск в Google обнаружил примерно 35500000 результатов⁴, что свидетельствует о достаточно широком использовании термина. В то же время при изучении проблемы становится очевидным существование значительного диапазона определений феномена гражданского участия. Наблюдается концептуальная путаница вокруг понятия, оно применяется авторами для обозначения разных вещей [6].

П. Окли в работе «The Practice of Participation in Rural Development» (1991) приходит к следующему выводу: «Гражданское участие связано с человеческим развитием и усиливает у людей чувство контроля над проблемами, которые влияют на их жизнь. По сути, участие – это хорошо, потому что оно мешает изоляции людей и закладывает основу для того, чтобы они не только оказывали существенное влияние на развитие, но и приобретали большую независимость и контроль над своей жизнью» [7, с. 17].

Актуальность такого понимания участия населения не утратилась и спустя несколько десятилетий. Несмотря на широкий перечень трактовок гражданского участия, в них все же прослеживается общий критерий – значимый общественный результат [8; 9].

Б. Ронан акцентирует внимание на историческом корне термина: латинское слово «*civis*» нашло свое отражение в двух словах – город и гражданин, т. е. «имеющий полное членство в сообществе, включая гражданское право на свободу и справедливость»; «*participation*» означает «взаимодействие, вовлеченность, сочувствие». В связи с этим автор поясняет, что гражданское участие связано с вовлечением

индивидов и групп в деятельность, которая (а) выполняется публично, (б) приносит пользу обществу, (в) делается совместно с другими [10].

Большинство ученых согласны с тем, что следует выделять две формы гражданского участия – политическую вовлеченность и социальную (общественную) деятельность [6; 11–13].

Гражданское участие как политическая вовлеченность (political participation)

В рамках этого подхода понятие «гражданское участие» используется для описания политической вовлеченности, внимания к политике, т. е. различных каналов участия в политической жизни [14], следовательно, акцент сделан на вертикальном взаимодействии индивидов, группы или сообщества с государством. Указанный тип гражданского участия, по мнению авторов, включает в себя отдельные практики, такие как голосование, обращение к власти, спонсорство в отношении политических партий и организаций, различные протестные акции, например посещение демонстраций и присоединение к бойкотам [15–17].

В последние годы в контексте изучения политического участия пристальное внимание уделяется электронному участию как технологически опосредованному взаимодействию между правительством и гражданами, участию населения в сфере электронного правительства по принятию решений в политических и управленческих процессах [18–20].

Гражданское участие как социальная/общественная деятельность (social/public participation)

В научной литературе оно названо «дополитическим» или «скрытым политическим» участием, из-за того что в нем отсутствует явное политическое намерение [21]. Такая форма участия включает в себя все виды деятельности, прежде всего направленные на помощь другим вне семьи, общее благо или решение проблемы сообщества: просоциальное (помогающее) поведение, пожертвование денег или поддержка в натуральной форме, волонтерство, участие в рабо-

⁴ Поисковая система Google (дата обращения 27.10.2020).

те неправительственных организаций [22]. В обозначенном контексте признается, что гражданское участие локализуется на горизонтальном уровне в форме различных социальных (общественных) практик.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что в научной литературе гражданское участие зачастую приравнивается к конкретным формам вертикального и горизонтального взаимодействия: политическим действиям, общественным работам и т. д.

Представляется перспективным комплексный подход, учитывающий анализ вовлеченности населения в решение социально значимых задач как при взаимодействии с властью, так и в пространстве повседневности (рис. 1). С учетом этого под гражданским участием мы понимаем процесс, посред-

ством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие), другими социально-политическими институтами / между собой (горизонтальное взаимодействие) с целью решения общественно значимых задач.

Полагаем, что следует анализировать не только измеримое гражданское участие – действие (в политической и социальной форме), но учитывать также установки к участию, ценности, убеждения, составляющие потенциал для развития практик гражданского участия в будущем. Условно подобные установки и убеждения мы определяем как ценностную форму участия. На основе анализа обширного перечня зарубежной и российской литературы для теоретической

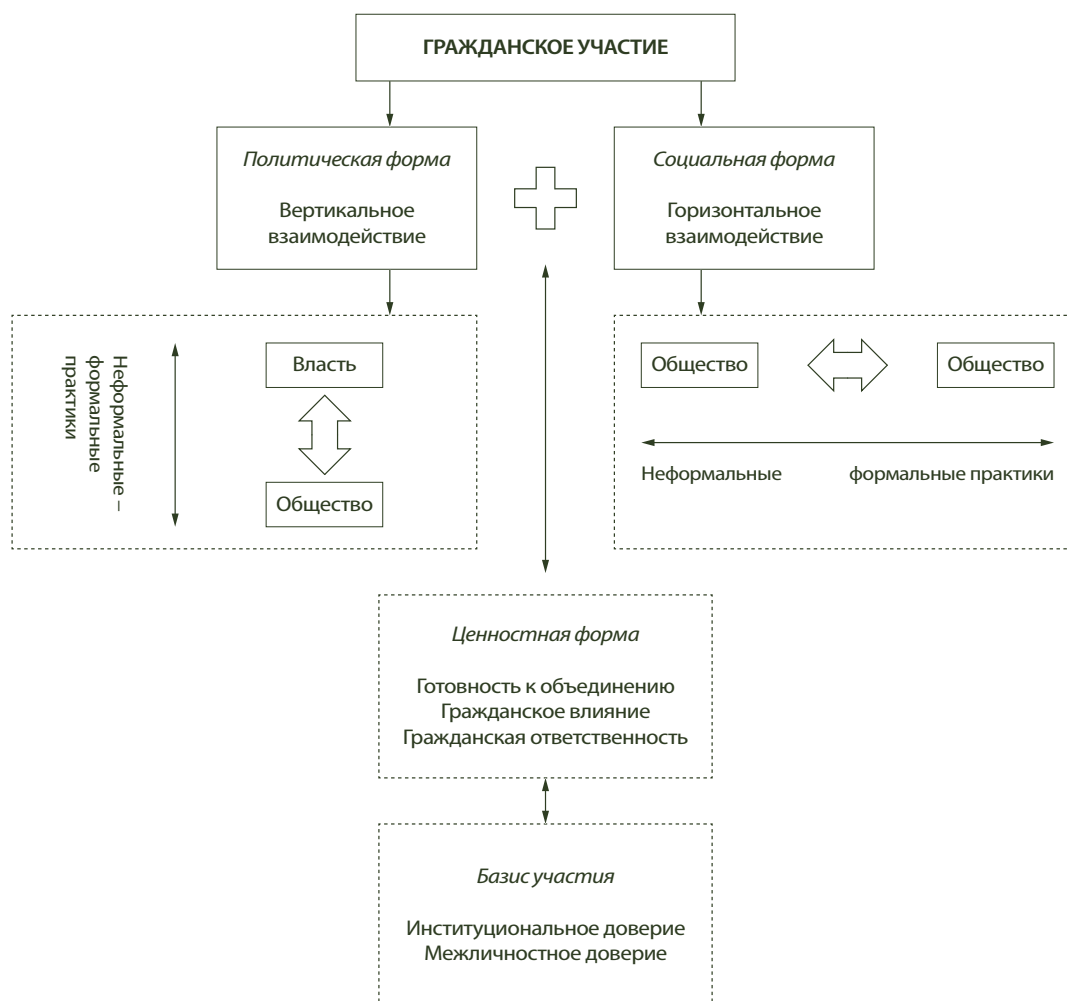

Рис. 1. Схема теоретического осмысления гражданского участия

Источник: составлено автором.

и эмпирической моделей участия были отобраны такие установки и убеждения, характеризующие его потенциал, как готовность к объединению, гражданская ответственность, осознание возможности влияния на состояние дел. По мнению Д. Белла, для того чтобы совместные инициативы стали эффективными, необходимо разделять ответственность за принятие решение, а также понимать способность влиять на вещи и вносить изменения, иначе люди вскоре потеряют интерес к процессу [23].

Кроме того, на наш взгляд, базовым условием при вовлечении граждан в практики выступает наличие доверия. При этом подчеркнем две важные стороны этого явления – доверие к существующим институтам, определяющее возможности взаимодействия граждан с общественными и государственными институтами, и доверие межличностное, необходимое для коллективных действий и самоорганизации.

При рассмотрении гражданского участия основной акцент сделан на различных вариантах взаимодействия, поэтому особый интерес представляет анализ участия как коллективного действия. Исследователи заявляют, что социальные потребности и проблемы отдельных людей превращаются в общественные проблемы, которые нужно решать через совместную деятельность, благодаря чему вовлеченные люди приобретают больший контроль над развитием сообщества, развивают свои социальные сети, осознают свою идентичность [24].

Есть достаточно устойчивые концепции, позволяющие анализировать как существовавшие, так и возникающие коллективные действия [25]. В контексте понимания необходимости мобилизации ресурсов для реализации коллективных практик актуальна теория ресурсной мобилизации, получившая развитие в 70-е годы XX века. Фокусом анализа ученых (М. Олсон, Дж. Маккарти, М. Зальд, А. Обершол и др.) выступила проблема мобилизационного потенциала участия и коллективной самоорганизации для достижения общих целей [26; 27].

В рамках неполитической концепции мобилизации А. Этциони признается, что мобилизационные ресурсы коллективов и сообществ реализуются через активное участие в процессах социального развития с помощью укрепления коллективных ценностей, идентичности [28].

Для развития коллективных практик участия сообщества особое значение имеет социальная мобилизация: в первую очередь это солидарность (способность помочь друг другу в общем деле, учесть интересы других участников движения), горизонтальные взаимоотношения между участниками, то есть прочность и развитость взаимосвязей и сетевых отношений внутри движения (коллективная идентичность, или чувство принадлежности к сообществу или общей категории) [29]. Однако, с другой стороны, можно утверждать, что коллективные практики сами по себе выступают источником развития коллективной идентичности, солидарности, социальной сплоченности в обществе.

В целом однозначное мнение по поводу того, что же первично – коллективные действия или коллективная идентичность – у исследователей не выработалось. Это дает основание говорить о том, что указанные феномены могут быть описаны как замкнутая самовоспроизводящаяся система [30].

В нашей работе под коллективными практиками гражданского участия подразумеваются формальные/неформальные совместные действия, предпринимаемые общественными организациями и инициативными группами, индивидуумами с общими целями, направленные на решение общественной проблемы.

Гражданское участие на уровне локального сообщества

В научной литературе отдельное внимание уделяется проблеме участия локального сообщества. Эта концепция стала особо популярной в общественно-политическом дискурсе в 90-х гг. XX века. В 1992 году ООН была принята «Повестка дня на XXI века» / «Local Agenda 21» – программа действий для устойчивого развития стран, в которой цен-

тральное место отводится роли активного участия локального сообщества⁵.

Несмотря на свою актуальность и в современный период, концепция локального сообщества зачастую вносит неопределенность, поскольку это понятие может относиться как к месту, так и к людям, соответственно, одновременно выступать актором социального действия и объектом социального управления.

Существуют разнообразные трактовки локального сообщества. Под сообществом («local community») обычно понимаются как местность, так и реальные социальные группы с особым качеством взаимоотношений. Оно «ощущается более непосредственным, чем общество», включает в себя различные виды действия местных организаций и инициатив [31].

Встречается подход, в рамках которого сообщество выступает как сеть личных отношений, групповых связей, традиций и моделей поведения, развивающихся на фоне физического района и его социально-экономического положения. В таком понимании участие сообщества направлено на то, чтобы обогатить эту сеть и укрепить ее нити, развить уверенность в себе и навыки, для того чтобы сообщество (люди) могло начать вносить значительные улучшения в место своего обитания [24].

Наиболее точным представляется понятие местного или «локального сообщества» в трактовке Ф. Кливэра – как социальные общности различных форм организованности и формализации, характеризующиеся солидарными отношениями, а также социальной и территориальной локализацией и идентификацией [32].

Следует подчеркнуть, что во многих совместных инициативах деятельность выходит за рамки сообщества, очерченного географическими границами, развиваются сообщества по интересам. Тем не менее именно сообщество, состоящее из людей, живущих и работающих в определенном месте, выступает самой важной группой, которая будет участвовать в деятельности, сосредоточенной на развитии конкретной территории.

Цель нашего исследования заключается в оценке потенциала (ценностных установок) и вовлеченности локального сообщества в коллективные практики гражданского участия (действия в политической и социальной форме) на основе социологических данных. Исследование осуществлено на материалах трех субъектов Северо-Западного федерального округа России (Вологодская и Псковская области, Республика Карелия). Выбор регионов обусловлен их различиями в социально-экономическом развитии, которое оценивается на основе обобщенного показателя – индекса человеческого развития (ИЧР)⁶.

Как демонстрируют полученные данные, из трех субъектов наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Вологодской области (ИЧР – 0,869), наименее благоприятная – в Псковской области (0,828; табл. 1). При этом все три субъекта отстают от уровня показателя в среднем по СЗФО (0,878). Эти выводы свидетельствуют о значимости использования в исследуемых регионах различных ресурсов развития, в том числе связанных с гражданским участием местного населения. Мы предположили: чем выше уровень благосостояния местного сообщества, тем более развита его вовлечен-

⁵ Повестка дня на XXI век принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru>

⁶ Индекс человеческого развития (ИЧР) включает в себя индекс ожидаемой продолжительности жизни: здоровье и долголетие, измеряемые показателем средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении, индекс образования: доступ к образованию, измеряемый средней ожидаемой продолжительностью обучения детей школьного возраста и средней продолжительностью обучения взрослого населения, индекс валового национального дохода: уровень жизни, измеряемый величиной валового национального дохода (ВНД) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС). Эти три измерения стандартизируются в виде числовых значений от 0 до 1, среднее геометрическое которых представляет собой совокупный показатель ИЧР в диапазоне от 0 до 1. Затем государства и их регионы ранжируются на основе этого показателя. Источник: Индекс человеческого развития. Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index> (дата обращения 10.10.2020).

Таблица 1. Индекс человеческого развития по типам регионов Северо-Западного федерального округа

Высокоразвитые		Развитые		Среднеразвитые	
финансово-экономические центры	сырьевые экспортно-ориентированные	с опорой на обрабатывающую промышленность	с опорой на добывающую промышленность	промышленно-аграрные	аграрно-промышленные
г. Санкт-Петербург (0,945)	Ненецкий АО (0,895)	Архангельская область (0,890)	Мурманская область (0,869)	Республика Карелия (0,860)	Псковская область (0,828)
	Республика Коми (0,893)	Вологодская область (0,869)		Калининградская область (0,874)	
		Новгородская область (0,867)			
		Ленинградская область (0,862)			
В целом ИЧР по СЗФО – 0,878.					
Источник: Отчет Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации за 2019 год.					

ность в практики гражданского участия и выше готовность к подобному участию.

Информационная база и методика исследования

При изучении гражданского участия локального сообщества применен сравнительно-социологический метод. Основой информации послужили результаты социологического измерения, организованного ВолНЦ РАН в мае – июне 2019 года на территории крупных и малых городов Вологодской, Псковской областей и Республики Карелии (N = 1600). Репрезентативность получаемой социологической информации обеспечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения. Отбор респондентов проводился по половозрастным квотам (старше 18 лет). Ошибка выборки не превышает 3%. Метод измерения – анкетирование по месту жительства респондентов. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS.

На основе полученных данных социологического исследования разработана авторская методика комплексного измерения потенциала (ценностная форма) и реального (политическая и социальная формы) гражданского участия. При проведении эмпирического анализа мы исходим из того, что

политическая и социальная формы гражданского участия на местах представлены множеством разнообразных практик, в рамках разработанного инструментария группирующихся в репертуары участия (с двумя и более практиками), имеющих некоторые схожие характеристики в отношении: 1) их структуры; 2) основного вопроса, который они решают; 3) способов их мобилизации; 4) стиля участия [33]. Ценностная форма представлена различными установками к участию, составляющими потенциал (резерв) для политической и социальной самоорганизации в будущем.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем перейти непосредственно к анализу гражданского участия, необходимо обратиться к вопросу доверия как базового условия для вовлечения граждан в коллективные практики социального и политического участия: к общественным и политическим институтам (институциональное доверие) и между членами местного сообщества (межличностное доверие).

Институциональное доверие отражает сложность современного общества, при этом аккумулирует социальный капитал, способствует вовлечению граждан в общественно значимые практики. Напротив, отсутствие

доверия и низкий авторитет власти отрицательно влияют на готовность населения участвовать в общественно-политической жизни. По словам исследователей, институциональное доверие имеет большее значение, чем доверие отдельным политикам или государственным деятелям, поскольку относится к сумме институтов и взаимодействию между ними, а значит, является более устойчивым и прогнозируемым [34].

На протяжении последних 15–20 лет в российском обществе накопилось много проблем социально-экономического характера, в том числе относящихся к социально-психологическому уровню. Это выражается в актуальности проблематики недоверия государственным (прежде всего региональным) и, особенно, общественным институтам. К примеру, по данным ИС РАН, за период с апреля 2018 по июнь 2019 года из 17 институтов на стабильном уровне сохранилось только доверие армии (66%), профсоюзам (25%) и Российской академии наук (48%); доверие остальным (включая органы власти, СМИ, политические партии, общественные структуры и т. д.) снизилось [35]. Но главное даже не негативная динамика, а тот факт, что среди многочисленных государственных и общественных структур институты гражданского общества пользуются наименьшим доверием у населения (например, по данным 2018 года уровень доверия россиян президенту составил 69%, армии – 66%, РАН – 48%, церкви – 45%, общественным организациям – 37%⁷). В отношении институтов гражданского общества речь, скорее, идет о неверии в их возможность оказывать реальное воздействие на лиц, принимающих управленческие решения [36].

Социологический анализ свидетельствует, что в исследуемых регионах среди местного сообщества значительно отличается уровень доверия к государственным, муниципальным и общественным институтам: Вологодская область по всем этим критериям отстает от Республики Карелии и Псковской области, причем в последних

уровень институционального доверия по большинству показателей выше по сравнению с общероссийскими данными (табл. 2).

Представляется, что росту доверия и авторитета власти на всех уровнях будет способствовать развитие партнерского типа отношений между государством и общественностью, при котором гражданское участие выступает ключевым методом обновления и укрепления подобных отношений. Перспективной моделью в России в современных условиях является участие как совместные действия по решению актуальных задач локального сообщества и властных органов, при этом задача последних состоит в содействии вовлеченности населения в общественные дела. Справедливы слова В.Н. Якимца и Л.Н. Никовской о том, что создание демократического порядка не может быть лишь результатом «живого творчества масс снизу», оно предполагает различные формы общественно-государственного партнерства [37].

Основой самоорганизации, совместной деятельности людей, поддержания моральных основ и социальных норм, социальной интеграции выступает также межличностное доверие [38].

По уровню межличностного доверия среди трех исследуемых регионов несколько отличается Республика Карелия: среди ее жителей ниже доля тех, кто полагает, что в наше время никому нельзя доверять (15% против 19% – в Вологодской области, 20% – в Псковской области; табл. 3). Однако уровень доверия в Карелии выше за счет ближайшего окружения (71% респондентов в ней ответили, что доверять можно только самым близким друзьям и родственникам, в Вологодской области – 65%, в Псковской области – 67%), в то время как показатели социального доверия существенно не различаются (доля суждений о том, что «большинству знакомых можно доверять», составила 11–14%, «можно доверять всем без исключения» – 1–2%). Примечательно, что в целом по России, согласно данным ИС РАН, 78,4% респондентов в той или иной степени

⁷ Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены: информационно-аналитический доклад / ИС РАН. М., 2018. 80 с.

Таблица 2. Уровень институционального доверия локального сообщества*, 2019 год, % от числа опрошенных

Институты	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Справочно по РФ
Президент РФ	51	64,3	63,6	56,5
Правительство РФ	34,1	49,6	47,3	27,9
Совет Федерации	27,6	47,6	38,5	22,8
Государственная Дума	23,3	44,6	34,0	19,6
Общественная палата РФ	24,3	45,0	27,6	нет св.
Руководство области	29,9	44,6	23,5	35,0
Органы местного самоуправления	26,5	42,1	23,0	24,6
Общественная палата области	22,9	38,3	18,8	нет св.
Полиция	38,2	57,5	50,6	28,5
Федеральная служба безопасности	38,2	60,0	48,1	нет св.
Суд	36,4	52,0	44,6	16,9
Прокуратура	41,4	55,0	45,8	нет св.
Армия	39,6	61,5	58,0	66,3
Профсоюзы	29,9	42,1	33,8	24,5
Церковь	39,3	39,5	38,5	44,3
Общественные организации	21,6	34,8	20,6	36,2
Политические партии, движения	14,9	27,8	10,6	11,7
Средства массовой информации	21,5	29,1	28,1	28,2**
Предпринимательские круги	14,4	29,3	12,0	25,8
Научные организации	29,7	39,3	35,0	47,9***
Никому не доверяю	30,1	9,3	7,5	нет св.

* Доля положительных ответов на вопрос «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране общественным структурам и институтам власти?». Ответы «полностью доверяю» и «в основном доверяю», N = 1600. По РФ – доля респондентов, выбравших ответ «доверяю» на вопрос «Вы в целом доверяете или не доверяете следующим государственным и общественным институтам?».

** Телевидение.

*** Российская академия наук.

Источники: Социологический опрос ВолНЦ РАН, май – июнь 2019 года; О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан: по итогам массового социологического исследования. М., 2019.

Опрос проводился в июне 2019 года в 22 субъектах РФ. Объем выборочной совокупности – 2000 респондентов от 18 лет и старше.

согласны с утверждением о росте недоверия в российском обществе [35].

Таким образом, анализ субъективных оценок населения позволил выявить некоторые различия социально-психологического контекста, связанного с формированием гражданского участия, на местах. В частности, жители Вологодской области по сравнению с населением Псковской области и Республики Карелии обладают более низким уровнем институционального доверия, население Республики Карелии несколько выделяется по уровню межличностного доверия.

Основная задача нашего исследования заключается в оценке уровня и потенциала гражданского участия локального сообщества. Как было отмечено ранее, следует анализировать не только измеримое гражданское участие – действие, но и такие формы, как установки к участию, убеждения [6], которые являются потенциалом для развития практик гражданского участия в будущем. Условно подобные установки в рамках авторского подхода рассматриваются как ценностная форма участия.

Остановимся на изучении таких важнейших элементов ценностной формы граждан-

Таблица 3. Уровень межличностного доверия среди городского сообщества*, 2019 год, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия
В наше время никому нельзя доверять	19,0	20,3	14,6
Только самым близким друзьям и родственникам	64,7	66,5	70,5
Большинству знакомых людей можно доверять	14,0	11,1	13,6
Доверять можно всем людям без исключения	2,3	1,8	1,3

* Ответы на вопрос «Кому Вы можете доверять?», N = 1600.
Источник: Социологический опрос ВолНЦ РАН, май – июнь 2019 года.

данского участия, как гражданская ответственность, осознание возможности влиять на состояние дел, готовность к объединению для совместных действий.

Анализ показал, что высокий уровень (свыше 0,5⁸) характерен для такой установки, как готовность к объединению (для Псковской области индекс составил 0,6; в Республике Карелии – 0,5), низкий – для гражданского влияния (индекс менее 0,3 в Вологодской области и Республике Карелии). Вместе с тем исследования свидетельствуют, что готовность людей к участию в решении общественно значимых проблем во многом определяется пониманием, насколько вероятно они смогут изменить ситуацию к лучшему [39].

На основе полученных данных можно сделать вывод о региональных различиях в оценках населения. Так, у жителей Псковской области уровень ценностных установок к гражданскому участию несколько выше, чем в Вологодской области и Республике Карелии (итоговый индекс составил 0,4 против 0,3 и 0,3 соответственно; табл. 4). Вологодская область по ряду показателей отстает от Псковской области и

Республики Карелии (готовности населения к объединению, уровню гражданской ответственности).

С целью изучить особенности политической и социальной форм гражданского участия на местах были рассчитаны индексы участия по отдельным практикам⁹, после чего они сгруппированы в близкие по значению репертуары (с двумя и более практиками). В результате обобщения и систематизации эмпирического материала выделены следующие репертуары политического участия: электоральное участие, протестное участие, участие в политической группе, общественное мнение и контроль; репертуары социального участия – благотворительная деятельность, ассоциированное участие, социальная кооперация.

При разработке и анализе эмпирической модели участия необходимо учитывать его важнейшую особенность – динамичный характер. Современное гражданское участие стремительно осваивает новые пространства, опираясь, в том числе, на интернет-коммуникативные технологии, сетевые форматы. Вследствие этого наряду с традици-

⁸ Высоким уровень ценностных установок можно считать при значении индекса в диапазоне от 0,5 и выше; средним – 0,3 до 0,5; низким – от 0,3 и ниже. Содержание излагаемого индекса участия не претендует на универсальность.

⁹ Индекс участия рассчитывался по вопросу «В каких мероприятиях общественной и политической жизни Вам приходилось участвовать за последние 12 месяцев?», в котором были перечислены различные мероприятия социальной и политической жизни. Респонденту предлагалось сделать отметку о своём участии, выбрав один из 4 вариантов ответа: «регулярно», «время от времени», «один раз» или «никогда». За первые 3 ответа (регулярно, время от времени, один раз) присваивался 1 балл, таким образом, за участие с различной периодичностью во всех перечисленных мероприятиях респондент получал максимальное число баллов. Если респондент никогда (в течение оцениваемого периода) не участвовал в каком-либо мероприятии, то ему присваивалось 0 баллов по соответствующему подпункту. Итоговый индекс участия рассчитывался по 15 перечисленным мероприятиям общественной и политической жизни. После суммирования количества отмеченных мероприятий значение индекса было пронормировано (набранная сумма разделена на максимальное значение), т. е. границы изменения его значений приведены к единому виду – от 0 до 1.

Таблица 4. Ценностная форма гражданского участия локального сообщества, 2019 год, значение индекса

Ценностные установки	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия
Гражданская ответственность	0,34	0,41	0,35
Готовность к объединению	0,47	0,63	0,57
Гражданское влияние	0,29	0,36	0,28
Итоговый индекс ценностной формы гражданского участия	0,32	0,40	0,34

онными возникают и получают активное развитие качественно новые, зачастую слабо формализованные практики участия, что приводит к постоянному расширению репертуаров гражданского участия и стиранию строгих границ между его формами.

Анализ социологических данных выявил, что среди всех репертуаров политической формы участия среднее и высокое (свыше 0,5) значение индекса наблюдается в группе, которая охватывает практики электорального участия (в Псковской области – 0,61, Вологодской – 0,5; табл. 5). Наиболее распространенная политическая форма гражданского участия – голосование на выборах (индекс по регионам составляет от 0,77). В то же время некоторые авторы считают ее наименее действенной, отмечая формальность этого способа для большинства граждан. Однако, как показал анализ, значимое место в общественно-политической жизни регионов занимает не только пассивное голосование на выборах, но и активное участие в избирательной кампании.

Активность гражданского участия распределена неравномерно между его социальными практиками и, соответственно, типами репертуаров. Высокий уровень индексов определен для такого типа репертуара, как социальная кооперация, которая включает различные коллективные практики по длительности (например, ситуативные – участие в благоустройстве, длительные – участие в работе домового комитета) и социальной дистанции (соседи, знакомые люди, люди по интересам; табл. 6). Анализ показал, что в наибольшей степени распространены такие практики, как коллективное

благоустройство (по трем регионам индекс составил свыше 0,5) и помогающее поведение (речь идет, например, об оказании безвозмездной бытовой помощи на дому, просмотре за чужими детьми, престарелыми людьми, помощи в написании обращений в органы власти – как наиболее простом и универсальном способе реализации альтруистических устремлений).

В Вологодской области и Республике Карелии наблюдается низкий уровень вовлеченности населения как в деятельность общественных организаций, так и неформальных групп – интернет-сообществ (индекс – 0,13 и 0,19 соответственно). В то же время участие в сообществах и объединениях (так называемое ассоциированное участие) среди прочих репертуаров обладает наибольшей значимостью, т. к. позволяет реализовать потребность, которая не воплощается в полной мере в других коллективных практиках участия, в частности это идентификация с группой, доверие к ней и лояльность, даже если группа представляет собой лишь «ассоциацию в обычной жизни» [40]. Коллектив зарубежных авторов (Н. Квак, Д. Шах, Л. Холберт) отмечает значимость ассоциаций как инструмента мотивации к участию [41]. Именно практики ассоциированного участия обладают наибольшими устойчивыми связями, они требуют определенной регулярности и принадлежности. Исходя из этого, полагаем, что низкий уровень развития ассоциированного участия на местах негативно сказывается на вовлеченности населения в другие коллективные практики.

Таблица 5. Политическая форма гражданского участия локального сообщества, 2019 год

Репертуары политической формы	Практики	Вологодская область		Псковская область		Республика Карелия	
		индекс	итоговый индекс	индекс	итоговый индекс	индекс	итоговый индекс
Электоральное участие	Выборы	0,77	0,50	0,82	0,61	0,74	0,49
	Участие в избирательной кампании	0,23		0,41		0,24	
Протестное участие	Митинги, демонстрации, пикеты	0,10	0,07	0,33	0,25	0,12	0,08
	Забастовки	0,05		0,17		0,04	
Общественное мнение и контроль	Общественные слушания и контроль	0,07	0,11	0,20	0,27	0,13	0,24
	Подписание обращений, петиций в органы власти	0,12		0,36		0,21	
	Обсуждение общественно значимых проблем в интернет-среде	0,11		0,27		0,15	
Участие в политической группе	Членство в партии	0,05	0,04	0,18	0,19	0,05	0,07
	Членство/ участие в работе полит. группы	0,04		0,20		0,10	

Рассчитано по: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, май – июнь 2019 года.

Таблица 6. Социальная форма гражданского участия локального сообщества, 2019 год

Репертуары социальной формы	Практики	Вологодская область		Псковская область		Республика Карелия	
		индекс	итоговый индекс	индекс	итоговый индекс	индекс	итоговый индекс
Ассоциированное участие	Деятельность общественных организаций	0,13	0,13	0,41	0,38	0,17	0,19
	Деятельность неформальной группы (интернет-сообщества)	0,12		0,34		0,2	
Благотворительная деятельность	Помогающее поведение	0,60	0,34	0,67	0,54	0,64	0,40
	Волонтерская работа	0,13		0,38		0,19	
	Сбор денежных пожертвований	0,29		0,57		0,37	
Социальная кооперация	Коллективное благоустройство, субботники	0,53	0,51	0,76	0,84	0,67	0,77
	Работа домового комитета, совета дома	0,23		0,46		0,23	
	Работа родительского комитета (в школе, детском саду)	0,27		0,47		0,29	

Рассчитано по: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, май – июнь 2019 года.

В целом полученные социологические данные демонстрируют территориальную неравномерность в уровне и потенциале гражданского участия: среди трех исследуемых регионов наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Псковской области (итоговый индекс потенциала участия составил 0,405, итоговый индекс участия – 0,402, против средних значений 0,290 и 0,355 соответственно; табл. 7).

В среднем уровень ценностных установок к участию выше, чем уровень реального участия: итоговый индекс установок составил 0,35; итоговый индекс участия – 0,24. Это свидетельствует об имеющемся потенциале для развития гражданского участия в регионах. Есть основания полагать, что, несмотря на стремительный процесс индивидуализации в российском обществе, когда

ценность выживания, сохранения личного и семейного благополучия вытесняет ценности коллективного действия, альтруизма, активной гражданской позиции [34], на местах имеется значительный потенциал для солидаризации, конструктивного объединения в решении социально значимых задач.

Обобщая итоговые данные по трем исследуемым регионам, следует отметить, что на уровень установок к гражданскому участию и вовлеченность в различные его политические и социальные практики в первую очередь оказывает влияние образовательный уровень населения. Так, среди респондентов с высшим образованием итоговый индекс установок составляет 0,51, итоговый индекс участия – 0,35 (против средних значений по опросу 0,35 и 0,29 соответственно; рис. 2, 3). Также выявлено, что на показатели

Таблица 7. Итоговые показатели уровня и потенциала гражданского участия локального сообщества в территориальном разрезе

Показатель	Территория			Итого
	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	
Итоговый индекс потенциала участия	0,214	0,405	0,250	0,290
Итоговый индекс участия	0,390	0,402	0,335	0,355

Источник: Социологический опрос ВолНЦ РАН, май – июнь 2019 года.

Рис. 2. Итоговый индекс участия (социально-демографический портрет)

Рис. 3. Итоговый индекс установок (социально-демографический портрет)

Источник: Социологический опрос ВолНЦ РАН, май – июнь 2019 года.

установок к участию воздействует возрастной критерий, хотя в меньшей степени, чем образование – индекс выше среди респондентов от 30 до 60 лет. Полагаем, что именно на эти социально-демографические группы локального сообщества могут рассчитывать в партнерстве органы регионального и муниципального управления.

Заключение

Таким образом, на местах население пока демонстрирует низкий уровень непосредственной вовлеченности в коллективные практики политического и социального участия, хотя наблюдается качественное разнообразие гражданских инициатив, горизонтальных коммуникационных связей и т. п. Согласимся с позицией В.В. Петухова: возможно, в российском обществе важна не столько массовость участия, сколько способность гражданских движений формировать ответственных граждан, которые бы чувствовали сопричастность со всем, что происходит – от собственного двора до страны в целом [13].

Анализ социологических данных показал, что в среднем уровень ценностных установок к участию (ценностная форма) выше, чем показатели реального участия (политическая и социальная формы). Это дает основание говорить о том, что именно в повседневности при решении местных социальных проблем сконцентрирован потенциал не только многообразных форм активизма, но и общественной солидарности.

Сделан вывод о территориальной неравномерности уровня и потенциала гражданского участия (в частности, Вологодская область отстает по ряду показателей от Республики Карелии и, особенно, Псковской области). Следовательно, наше предположение о том, что интенсивность вовлеченности локального сообщества в различные коллективные практики гражданского участия и готовность к нему во многом определяются социально-экономическим развитием территории, не подтвердилось.

В то же время выявлена взаимосвязь между показателями участия и уровнем институционального доверия. С одной стороны, можно предположить, что успешное развитие гражданского участия наблюдается на тех территориях, где складываются доверительные отношения между населением и властью, где местные власти относятся к субъектам участия как к партнерам, которые имеют право принимать участие в процессе принятия решений. С другой – конструктивное гражданское участие, сопричастность локального сообщества к соуправлению и развитию территорий сами по себе могут выступать инструментом повышения доверия к власти на всех уровнях, способствовать укреплению партнерского типа отношений между государством и общественностью. Обозначенные вопросы требуют дальнейшей проработки.

Проведенное исследование вносит свой вклад как в теоретическое осмысление категории гражданского участия локального сообщества, так и в осуществление эмпирической оценки его уровня и потенциала. Его практическая значимость заключается в повышении эффективности при реализации потенциала гражданского участия в решении актуальных проблем на местах. Разработанная комплексная методика анализа состояния гражданского участия может быть использована учеными и научно-исследовательскими организациями для рассмотрения данного социального феномена на уровне других регионов, а также страны в целом. Результаты могут применяться в работе региональных органов государственной власти с целью совершенствования механизмов «обратной связи» с населением и гражданским обществом, развития межсекторного партнерства. Кроме того, полученные данные могут быть использованы в текущей деятельности организаций гражданского общества, а также СМИ и преподавательской деятельности в вузах или других типах образовательных учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 48–63.
2. Ускова Т.В. Устойчивость развития территорий и современные методы управления // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 7–18. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.1
3. Кожевников С.А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства // Вопросы территориального развития. 2019. № 3 (48). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28193>. DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1
4. Лапин Н.И. Этапы трансформации и модернизации России на рубеже XX–XXI столетий // Философские науки. 2017. № 7. С. 27–32.
5. Полищук Л. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46–65.
6. Ekman J., Amnå E. Political participation and civic engagement: towards a new typology. *Youth & Society (YeS)*, 2012, vol. 22, pp. 283–300. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1
7. Oakley P. *Projects with People: The Practice of Participation in Rural Development*. International labour organization, 1991. 284 p.
8. Скалабан И.А. Общественное участие: теория и практика социального конструирования. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2015. 407 с.
9. Glass L., Newig J. Governance for achieving the Sustainable Development Goals: How important are participation, policy coherence, reflexivity, adaptation and democratic institutions? *Earth System Governance Journal*, 2019, vol. 2, pp. 100–130.
10. Ronan B. *Testimony at the White House Conference on Aging Public Forum on Civic Engagement in an Older America*. Arizona: Phoenix, 2004.
11. Adler R., Goggin J. What do we mean by «civic engagement»? *Journal of Transformative Education*, 2005, vol. 3 (3), pp. 236–253.
12. Barrett M., Brunton-Smith I. Political and civic engagement and participation: Towards an integrative perspective. *Journal of Civil Society*, 2014, vol. 10 (1), pp. 5–28.
13. Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14.
14. Berger B. political theory, political science and the end of civic engagement. *Perspectives on Politics*, 2009, vol. 7 (02), pp. 335–350. DOI: 10.1017/S153759270909080X
15. Verba S., Nie N.H. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1972. 452 p.
16. Kaase M., Marsh A. Political action repertory: changes over time and a new typology. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, CA: Sage, 1979. Pp. 137–166.
17. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. 2017. № 6. С. 43–60.
18. Hassan L., Hamari J. Gameful civic engagement: A review of the literature on gamification of e-participation. *Government Information Quarterly*, 2020, vol. 37 (3), pp. 1–21.
19. Naranjo-Zolotov M., Oliveira T., Casteleyn S., Irani Z. Continuous usage of e-participation: The role of the sense of virtual community. *Government Information Quarterly*, 2019, vol. 36, pp. 536–545.
20. Соколов А.В., Палатников Д.Е. Природа и конфликтные стратегии городских сообществ в условиях виртуализации политического пространства // Власть. 2019. Т. 27. № 6. С. 97–102. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6834>
21. Amnå E. How is civic engagement developed over time? *Journal of Adolescence*, 2012, vol. 35 (3), pp. 611–627.

22. Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. Inventory and analysis of definitions of social participation found in the aging literature: Proposed taxonomy of social activities. *Soc. Sci. Med.*, 2010, vol. 71 (12), pp. 2141–2149.
23. Bell D. *Approaches to Community Participation*. Leicester: Environ, 1995. 157 p.
24. Flecknoe C., McLellan N. *The What, How and Why of Neighbourhood Community Development*. London: Community Matters, 1994. 180 p.
25. Гужавина Т.А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 191–203. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11
26. McCarthy I. Resource mobilization and social movements: A partial theory. *AYS*, 1977, vol. 82, pp. 1212–1241.
27. Zald M., McCarthy J. *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*. New Brunswick: Transactions books, 1987.
28. Etzioni A. Mobilization as a macro sociological conception. *The British Journal of Sociology*, 1968, vol. 19 (3), pp. 243–253.
29. Казаринова Д.Б. Теория коллективных действий: политические импликации // Политология. 2011. № 3. С. 70–77.
30. Соколов А.В. Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6. № 1. С. 30–45.
31. Williams R. *Keywords*. London: Fontana, 1988. 270 p.
32. Cleaver F. *Institutions, Agency and the Limitations of Participatory Approaches to Development. Participation: the New Tyranny?* London: Zed Books, 2001. 55 p.
33. Stolle D., Hooghe M. Review article: inaccurate, exceptional, one-sided or irrelevant? The debate about the alleged decline of social capital and civic engagement in western societies. *British Journal of Political Science*, 2005, vol. 35, pp. 149–167. DOI: 10.1017/S0007123405000074
34. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 424 с.
35. О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан: по итогам массового социологического исследования / под рук. М.К. Горшкова. М.: ФНИЦ ИС РАН, 2019. 210 с.
36. Ильин В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 9–40. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.1
37. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // Социальные и гуманитарные знания. 2019. № 5 (3). С. 209–223.
38. Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Влияние доверия на участие россиян в благотворительности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 145–159.
39. Macnaghten P., Grove-White R., Jacobs M., Wynne B. *Public Perceptions and Sustainability in Lancashire. Indicators, Institutions and Participation*. Lancaster: University for Lancashire County Council, 1995. 210 p.
40. Токвиль А. Демократия в Америке / пер. с фр.; предисл. Г.Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
41. Kwak N., Shah D., Holbert L. Connecting, trusting, and participating: the direct and interactive effects of social associations. *Political Research Quarterly*, 2004, vol. 57 (4), pp. 643–652.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлия Викторовна Уханова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ukhanova4@rambler.ru

Ukhanova Yu.V.

**COLLECTIVE PRACTICES AND POTENTIAL
FOR CIVIC PARTICIPATION OF LOCAL COMMUNITY
(SOCIOLOGICAL RESEARCH IN RUSSIAN REGIONS)**

In the context of interregional socio-economic imbalances in Russia, the importance of searching for new factors of territorial development is increasing. These factors are connected not only to economics, but also to the socio-cultural sphere. In this regard, one of the key areas of solving the internal problems of the country and its regions is the civic participation development. The scientific novelty of the research is determined by applying an integrated approach that takes into account the analysis of the population's inclusion in socially useful activities both in interaction with the authorities (vertical interaction) and in the space of daily life (horizontal interaction). The purpose of the work is to assess the potential and level of local community involvement in collective practices of civic participation. The method of collecting empirical information is a quantitative sociological measurement conducted by VolRC RAS in 2019 on the territory of three entities of the Northwestern Federal District: the Vologda and Pskov Oblasts, and the Republic of Karelia. The author determines that population still shows a low level of direct involvement in collective practices of participation locally. However, the analysis of the results causes speaking about the qualitative diversity of civil initiatives, horizontal communication links: practices aimed at improving local territories, as well as various forms of helping (solidarity) behavior are widely used. The article demonstrates that, on average, the level of value attitudes toward participation (value form) is higher than the indicators of real participation (political and social forms). This allows supposing that the potential for constructive unification, solidarity of the local community in solving socially significant problems is concentrated at the level of daily life. The researcher concludes about the territorial unevenness of the level and potential of civil participation. In particular, the Pskov Oblast significantly exceeded the performance level of the Republic of Karelia and the Vologda Oblast especially, although it is the Pskov Oblast that is negatively distinguished by the general level of welfare (HDI) from other entities of the Northwestern Federal District. Therefore, the author has not confirmed the hypothesis which holds that the higher the well-being level of the local community, the more developed its involvement in collective practices of civic participation and the higher the readiness for such participation. A more in-depth analysis of the factors and barriers of collective self-organization of the local community in the territories' development is a promising direction for further research on the problem.

Civil participation, collective practices, institutional trust, interpersonal confidence, local community, spatial development.

REFERENCES

1. Ilyin V.A., Povarova A.I. Problems of regional development as the reflection of the effectiveness of public administration. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 2014, no. 3 (39), pp. 48–63 (in Russian).
2. Uskova T.V. Territories' sustainable development and modern management methods. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2020, no. 2 (106), pp. 7–18. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.1 (in Russian).
3. Kozhevnikov S.A. Strategy for Russia's spatial development and prospects for Russian space transformation. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 2019, no. 3 (48). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28193>. DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1 (in Russian).
4. Lapin N.I. Stages of transformation and modernization of Russia at the turn of the 20th–21st centuries. *Filosofskiye nauki=Russian Journal of Philosophical Science*, 2017, no. 7, pp. 27–32 (in Russian).
5. Polishchuk L. Economic significant of social capital. *Voprosy ekonomiki=Economic Issues*, 2011, no. 12, pp. 46–65 (in Russian).
6. Ekman J., Amnå E. Political participation and civic engagement: towards a new typology. *Youth & Society (YeS)*, 2012, vol. 22, pp. 283–300. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1
7. Oakley P. *Projects with People: The Practice of Participation in Rural Development*. International labour organization, 1991. 284 p.
8. Skalaban I.A. *Obshchestvennoye uchastiye: teoriya i praktika sotsial'nogo konstruirovaniya* [Public Participation: Theory and Practice of Social Construction: Monograph]. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet, 2015. 407 p.
9. Glass L., Newig J. Governance for achieving the Sustainable Development Goals: How important are participation, policy coherence, reflexivity, adaptation and democratic institutions? *Earth System Governance journal*, 2019, vol. 2, pp. 100–130.
10. Ronan B. *Testimony at the White House Conference on Aging Public Forum on Civic Engagement in an Older America*. Arizona: Phoenix, 2004.
11. Adler R., Goggin J. What do we mean by «civic engagement»? *Journal of Transformative Education*, 2005, vol. 3 (3), pp. 236–253.
12. Barrett M., Brunton-Smith I. Political and civic engagement and participation: Towards an integrative perspective. *Journal of Civil Society*, 2014, vol. 10 (1), pp. 5–28.
13. Petukhov V.V. Civic participation in Russian today: interaction of social and political practice. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*, 2019, no. 12, pp. 3–14 (in Russian).
14. Berger B. Political theory, political science and the end of civic engagement. *Perspectives on Politics*, 2009, vol. 7 (02), pp. 335–350. DOI: 10.1017/S153759270909080X
15. Verba S., Nie N.H. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1972. 452 p.
16. Kaase M., Marsh A. Political action repertory: changes over time and a new typology. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, CA: Sage, 1979. Pp. 137–166.
17. Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. Civic participation: features of discourse and actual trends of development. *Polis=Polis. Political Studies*, 2017, no. 6, pp. 43–60 (in Russian).
18. Hassan L., Hamari J. Gameful civic engagement: A review of the literature on gamification of e-participation. *Government Information Quarterly*, 2020, vol. 37 (3), pp. 1–21.
19. Naranjo-Zolotov M., Oliveira T., Casteleyn S., Irani Z. Continuous usage of e-participation: The role of the sense of virtual community. *Government Information Quarterly*, 2019, vol. 36, pp. 536–545.

20. Sokolov A.V., Palatnikov D.E. The nature and conflict strategies of urban communities in a virtualized political space. *Vlast'=Power*, 2019, vol. 27, no. 6, pp. 97–102. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6834> (in Russian).
21. Amnå E. How is civic engagement developed over time? *Journal of Adolescence*, 2012, vol. 35 (3), pp. 611–627.
22. Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. Inventory and analysis of definitions of social participation found in the aging literature: Proposed taxonomy of social activities. *Soc. Sci. Med.*, 2010, vol. 71 (12), pp. 2141–2149.
23. Bell D. *Approaches to Community Participation*. Leicester: Environ, 1995. 157 p.
24. Flecknoe C., McLellan N. *The What, How and Why of Neighbourhood Community Development*. London: Community Matters, 1994. 180 p.
25. Guzhavina T.A. Collective actions and social capital: implication of concepts. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no.1, pp. 191–203. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11 (in Russian).
26. McCarthy I. Resource mobilization and social movements: A partial theory. *AYS*, 1977, vol. 82, pp. 1212–1241.
27. Zald M., McCarthy J. *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*. New Brunswick: Transaction books, 1987.
28. Etzioni A. Mobilization as a macro sociological conception. *The British Journal of Sociology*, 1968, vol. 19 (3), pp. 243–253.
29. Kazarinova D.B. Collective action theory: the political dimension. *Politologiya=Political Science*, 2011, no. 3, pp. 70–77 (in Russian).
30. Sokolov A.V. Features of collective action in modern Russia: dynamics, digitalization and results. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye znaniya=Social and Humanitarian Knowledge*, 2020, vol. 6, no. 1, pp. 30–45 (in Russian).
31. Williams R. *Keywords*. London: Fontana, 1988. 270 p.
32. Cleaver F. *Institutions, agency and the limitations of participatory approaches to development. Participation: the new tyranny?* London: Zed Books, 2001. 55 p.
33. Stolle D., Hooghe M. Review article: inaccurate, exceptional, one-sided or irrelevant? The debate about the alleged decline of social capital and civic engagement in western societies. *British Journal of Political Science*, 2005, vol. 35, pp. 149–167. DOI: 10.1017/S0007123405000074
34. Gorshkova M.K., Petuchova V.V. (Eds.) *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya* [Russian Society and Challenges of the Time. Book 5]. Moscow: Ves Mir, 2017. 424 p. (in Russian).
35. *O nasushchnykh problemakh nashey zhizni i vzaimodeystvii regulyatorov, biznesa i grazhdan: po itogam massovogo sotsiologicheskogo issledovaniya* [On the Pressing Problems of our Life and the Interaction of Regulators, Business and Citizens: Based on the Results of a Massive Sociological Survey]. Ed. by Gorshkov M.K. Moscow: FNITS IS RAN, 2019. 210 p.
36. Ilyin V.A. Development of civil society in Russia in conditions of “capitalism for the few”. *Ekonomicheskie I sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 9–40. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.1 (in Russian).
37. Yakimets V.N., Nikovskaya L.I. Civil participation, intersectoral partnerships and internet technologies of public policy. *Sotsial'nye i gymanitarnyye znaniya=Social and Humanitarian knowledge*, 2019, no. 5 (3), pp. 209–223 (in Russian).

38. Mersianova I.V., Korneeva I.V. The impact of trust on Russians' participation in charities. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2017, no. 2, pp. 145–159 (in Russian).
39. Macnaghten P., Grove-White R., Jacobs M., Wynne B. *Public Perceptions and Sustainability in Lancashire. Indicators, Institutions and Participation*. Lancaster: University for Lancashire County Council, 1995. 210 p.
40. Tocqueville A. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Translated from French; preface H.J. Laski. Moscow: Progress, 1992. 554 p.
41. Kwak N., Shah D., Holbert L. Connecting, trusting, and participating: the direct and interactive effects of social associations. *Political Research Quarterly*, 2004, vol. 57 (4), pp. 643–652.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Ukhanova – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ukhanova4@rambler.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.6

УДК 332.142.2 | ББК 65.261.4

© Решетникова Е.Г.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

ЕЛЕНА ГЕННАДИЕВНА РЕШЕТНИКОВА

Институт аграрных проблем Российской академии наук

г. Саратов, Российская Федерация

e-mail: elenaresh2708@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6261-3596

Значительная региональная дифференциация уровня жизни представляет собой назревшую национальную проблему, решение которой нацелено на укрепление территориальной целостности государства, оптимизацию миграционных потоков, наращивание экономического потенциала субъектов Российской Федерации. Одним из важнейших параметров уровня жизни является величина потребления основных продуктов питания, экономическая доступность продовольствия. Доля расходов на продукты питания в потребительских расходах, характеризующая реализованный спрос населения, дает возможность осуществлять международные и межрегиональные сравнения уровня жизни. Проведенный анализ динамики данного параметра свидетельствует о существенных различиях в целом по федеральным округам и в их территориальных составляющих. На основании прогноза динамики исследуемого косвенного показателя уровня жизни выяснено, что вектор изменения сложившейся социально-экономической ситуации при существующем арсенале инструментов региональной политики будет сохраняться. В настоящее время всесторонне разработаны принципы государственной политики регионального развития, раскрыты проблемы, определены цели и направления их реализации. Вместе с тем целесообразно совершенствовать целый ряд инструментов региональной политики с учетом мировых подходов в данной сфере. Анализ опыта стран Северной Европы, Германии показывает, что важным инструментом регионального выравнивания уровня жизни являются межбюджетные трансферты. В государствах с развитой рыночной экономикой сложились различные формы межбюджетных отношений. Однако в большинстве стран имеет место комплексная система, когда налоговое поступление распределяется между бюджетами разных уровней. Интересен опыт Германии, где большое значение наряду с вертикальным выравниванием уровня жизни прида-

Для цитирования: Решетникова Е.Г. Региональная дифференциация уровня жизни: вызовы времени // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 108–122. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.6

For citation: Reshetnikova E.G. Regional differentiation of living standards: challenges of time. *Problems of Territory Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 108–122. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.6

ется горизонтальному выравниванию, при котором активно используется перераспределение между региональными бюджетами налога на добавленную стоимость. Целесообразно взять на вооружение практику горизонтального финансового выравнивания и предусмотреть в законе о федеральном бюджете нормативы перераспределения федерального налога на добавленную стоимость в пользу регионов для стимулирования их деловой активности.

Региональная дифференциация уровня жизни, экономическая доступность продовольствия, пространственная экономика, региональная политика, платежеспособный спрос, межбюджетные трансферты, налог на добавленную стоимость.

Введение

В настоящее время одной из ключевых проблем регионального развития России выступает неоправданно высокая дифференциация уровня жизни населения, живущего на разных территориях страны. Серьезная социально-экономическая проблема, существующая в течение большого временного интервала, может усугубиться в связи с появлением нового глобального вызова – пандемии Covid-19. Региональные различия важнейших показателей уровня и качества жизни создают объективную основу для оттока трудовых ресурсов, особенно квалифицированных кадров, с неблагоприятных в этом отношении территорий. Региональный дисбаланс имеет место по всем параметрам уровня жизни: от величины заработной платы и личного потребления продовольствия, его экономической и физической доступности до возможности получения хорошего образования и своевременной качественной медицинской помощи. В экономической литературе сложившаяся ситуация отнесена к ряду острых национальных проблем. Отмечается, что излишняя концентрация производственного потенциала и доходов в ограниченном числе регионов может привести к превращению значительных территорий в экономическую пустыню [1]. Концентрация такого рода отрицательно влияет на развитие межрегиональных взаимодействий, в связи с чем часть регионов выпадает из межтерриториального обмена, создаются условия для прогрессирующей дезинтеграции [2]. Наблюдаемое в настоящее время значительное сосредоточение хозяйствен-

ной деятельности и доходов в ряде субъектов страны ведет к ситуации, при которой в регионах-аутсайдерах происходит сокращение человеческих и трудовых ресурсов. В депрессивных регионах увеличиваются затраты на поддержание избыточных инфраструктурных комплексов, и наоборот, в регионах с активно развивающейся экономикой инфраструктурный блок отстает от ее растущих потребностей. Предпринятые попытки осуществить эффективное пространственное планирование в пределах отдельного региона не привели, по мнению специалистов, к ощутимым результатам [1]. В качестве требований к эффективному пространственному развитию в современных условиях выступают комплексный подход к осуществлению государственной региональной политики и формирование странами, входящими в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), единого экономического пространства, характеризующегося диверсифицированной и конкурентоспособной экономикой. В настоящее время интеграционные процессы в ЕАЭС прошли два важнейших этапа: от функционирования трех государств в рамках Таможенного союза до расширения и становления ЕАЭС как международной организации региональной экономической интеграции, заключения соглашений о зонах свободной торговли с третьими странами [3]. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, принятая в 2018 году, нацеливает на его трансформацию в важный центр мировой экономики¹.

¹ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38371648 (дата обращения 28.09.2020).

Институциональную основу государственной региональной политики составляет целый ряд нормативно-правовых документов. Среди них Указ Президента РФ от 16 января 2017 года № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», раскрывающий сущность государственной политики регионального развития как системы приоритетов, целей, задач, мер федеральных органов государственной власти по всестороннему развитию субъектов страны². В качестве одной из важнейших целей государственной политики регионального развития в нем указано обеспечение равных возможностей для реализации прав граждан на всей территории РФ. В соответствии с этим документом была разработана Стратегия пространственного развития России на период до 2025 года, трактующая термин «пространственное развитие» как совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития³. К основным проблемам пространственного развития страны в разделе 3 отнесен высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства.

В связи с этим целью нашего исследования является обоснование с помощью систематизации теоретико-методологических вопросов регионального и пространственного развития, анализа региональных диспропорций в сфере потребления продовольствия, актуальных направлений совершенствования государственной региональной политики. Акцент сделан на трансформации системы межбюджетных трансфертов и изменении роли налога на добавленную стоимость, реализации идеи горизонтального финансового выравнивания по опыту

зарубежных стран. Для осуществления указанной цели исследование сфокусировано на решении следующих теоретико-методологических и прикладных задач: рассмотрение эволюции теорий пространственного развития; обоснование сущности и направлений совершенствования государственной региональной политики в условиях новых глобальных вызовов; выявление региональной дифференциации платежеспособного спроса на продовольствие в разрезе федеральных округов и их территориальных составляющих; критическое осмысление зарубежного опыта осуществления социальной политики в территориальном разрезе; рассмотрение роли налога на добавленную стоимость в совершенствовании межбюджетных трансфертов и формировании региональных бюджетов. Научная новизна проведенной работы заключается в комплексном подходе к обоснованию путей решения проблемы региональных различий в уровне жизни населения, структуре платежеспособного спроса на продовольствие, его экономической доступности.

Теоретические аспекты исследования

Формирование и последовательная трансформация теории пространственного развития неразрывно связаны с эволюцией экономической мысли, отражают процесс прогрессивных структурных изменений в национальных экономиках, создания межнациональных механизмов, базирующихся на территориальном разделении труда. Родоначальник школы геополитики в Германии К. Хаусхофер в начале 20 столетия рассматривал пространственное развитие как результат пространственного планирования, которое трактовалось как разделение определенной территории на зоны, осуществление в них институционального контроля

² Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13. URL: <http://constitution.garant.ru/act/federative/71587690> (дата обращения 26.09.2020).

³ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/?_utl_t=vk (дата обращения 26.09.2020).

и всестороннего развития инфраструктуры⁴. Английский историк А. Тойби, исследуя процессы глобализации и критикуя концепцию евроцентризма в труде «Постижение истории», справедливо прогнозировал колоссальный экономический подъем Азиатско-Тихоокеанского региона [4].

Огромное значение для становления теории пространственного развития имели труды академика В.И. Вернадского. Введенное им понятие «ноосфера» нацеливало на понимание, что сфера разума будет определять ответы на все вопросы, которые ставит развитие цивилизации [5]. С именем этого выдающегося ученого связывают начало изучения вопросов пространственного развития России [6]. В 1915 году он возглавил комиссию по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). На ее основе в советское время был организован СОПС (Совет по изучению производительных сил), разрабатывающий генеральные схемы рационального размещения производительных сил страны посредством всестороннего балансового и технико-экономического обоснования.

При рассмотрении проблем территориального развития в экономической литературе встречается ряд близких, но не тождественных терминов. Экономическое пространство трактуется как пространство, на котором действуют отношения между участниками экономического процесса, определяемые законодательством и договоренностями [1]. Исследование экономического пространства, прежде всего, предполагает изучение его экономической системы как совокупности производительных сил и производственных отношений. Протекающие экономические процессы, государство с помощью определенного арсенала инструментов воздействия, деятельность агентов рынка, функционирование формальных и неформальных институтов изменяют экономическое пространство. Пространственное развитие принято трактовать как комплекс нормативных, орга-

низационных и институциональных мер по управлению пространственными изменениями. Пространственная экономика представляет собой более широкое научное направление по сравнению с региональной экономикой, предметом которой являются не только регионы и региональные системы, но и все пространственные формы хозяйства и расселения, включая пространственные сети. Академик А.Г. Гранберг систематизировал теории региональной экономики с выделением теорий развития региона, теорий межрегиональных экономических отношений, теорий размещения [7]. Региональная политика как составная часть государственного регулирования представляет собой комплекс экономических и институциональных мер, направленных на рациональное размещение производительных сил по территории страны и выравнивание уровня жизни населения. Таким образом, социальный блок является важным компонентом региональной политики государства. Современная теория региональной экономики располагает большим количеством концепций, нацеленных на обоснование вектора развития и параметров региональной социальной политики. Наибольшее распространение получили два подхода к формированию государственной региональной политики – политика выравнивания уровней развития регионов и теория полюсов роста [8]. Однако и в теории полюсов роста Ф. Перру [9], и в теории полюсов развития Ж. Будвиля [10], теории районов-очагов Ж. Перрина [11], теории управляемого выбора Р. Талера [12], концепции ограниченной рациональности Г. Саймона [13] диспропорции рассматриваются в качестве движущей силы развития. Например, исходя из теории полюсов роста, региональные диспропорции создают импульсы роста, как волны, движущиеся по всей пространственной структуре экономики [14]. Здесь имеет место некая «утилитарная программа», при которой главным становится накопление богатства в обществе, а вопрос его перерас-

⁴ Хаусхофер К. Геополитическая динамика меридианов и параллелей. URL: <http://rud.exdat.com/docs/index-803491.html?page=41> (дата обращения 25.09.2020).

пределения носит вторичный характер [15]. Однако такой подход, по мнению ряда ученых, ведет к существенным негативным последствиям, заключающимся в значительной централизации средств и ресурсов на федеральном уровне, иждивенчестве региональных и муниципальных структур в условиях их постоянного дотирования из средств федерального бюджета, ограничивающем инвестиционные возможности государства в целом и успешных регионов [16]. Преодоление нарастающей дифференциации территорий, по мнению А.И. Татаркина, возможно при использовании в отстающих регионах таких инструментов, как госзаказы, кредиты, инвестиционные программы для перехода экономики к модели устойчивого саморазвития. Дифференциация региональных уровней доходов населения рассматривалась А.Г. Гранбергом [7]. В 90-е годы XX века он констатировал процесс дивергенции показателей доходов населения в региональном разрезе. Позднее в научной литературе отмечалось изменение данной тенденции в сторону сближения уровня региональных доходов на фоне имеющегося значительного разрыва между ними [17]. В настоящее время значение выравнивания уровня и качества жизни населения в регионах страны как инструмента сдерживания концентрации экономической активности и смягчения неравномерного расселения возрастает [18]. В современной экономической литературе справедливо уделяется большое внимание социальной составляющей, социальным параметрам, индикаторам и императивам устойчивого развития на национальном и региональном уровнях [19]. Слабым звеном региональной науки является отсутствие оценки эффективности инструментов региональной политики для развития территорий и глубокого анализа современной зарубежной методологии такой оценки [20]. Исключение составляет подробный обзор современных отечественных исследований, связанных с оценкой эффективности инструментов региональной политики, предпринятый О.В. Кузнецовой [21] и А.Н. Швецовым [22].

Методы

Для реализации цели и задач исследования современных проблем регионального выравнивания уровня жизни, платежеспособного спроса на основные продукты питания применялся комплекс научных методов, в частности абстрактно-логический и монографический методы, сравнительный анализ, метод группировок и др. Теоретической базой исследования являются научные работы, в которых рассматриваются вопросы совершенствования пространственного развития и государственной региональной политики, выравнивания уровня и качества жизни в регионах страны. В статье для осуществления комплексного пространственно-временного анализа использованы сборники статистических показателей, издаваемые Росстатом, банк данных Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт аграрных проблем Российской академии наук.

Результаты исследования

Содержание термина «уровень жизни», его основные количественные характеристики подробно исследованы в экономической литературе. На наш взгляд, уровень жизни нужно рассматривать как обеспеченность населения необходимыми благами и услугами. Одними из базовых показателей уровня жизни, определяющих динамику возвышения потребностей индивида, являются уровень и структура потребления основных продуктов питания, экономическая доступность продовольствия. Достижение экономической доступности продовольствия для всех граждан, выступающей в качестве критерия продовольственной безопасности страны, возможно лишь при достойном уровне реальных доходов населения. Универсальным показателем неравномерности распределения доходов в обществе является индекс Джини. Его анализ в территориальном разрезе свидетельствует, что максимальные значения в России характерны для Ямало-Ненецкого автономного округа – 0,423 и г. Москвы – 0,419, а минималь-

Таблица. Динамика удельного веса расходов на питание во всех расходах на потребление домашних хозяйств РФ в 2010–2019 гг., %

Федеральный округ / субъект РФ	2010 год	2014 год	2018 год	2019 год
РФ	35,3	33,9	35,2	34,6
Центральный федеральный округ	32,1	32,7	32,7	30,9
г. Москва	26,2	28,4	30,2	26,0
Смоленская область	39,0	38,5	48,2	48,2
Северо-Западный федеральный округ	35,2	32,2	34,1	33,6
г. Санкт-Петербург	33,4	29,0	32,3	31,7
Вологодская область	42,2	38,6	39,4	39,4
Южный федеральный округ	40,6	34,9	39,9	40,9
Республика Адыгея	39,2	38,1	36,4	38,7
г. Севастополь	–	–	45,2	48,8
Северо-Кавказский федеральный округ	42,6	43,1	43,5	42,8
Ставропольский край	36,4	36,5	34,5	34,7
Республика Ингушетия	61,6	50,4	59,9	64,5
Приволжский федеральный округ	37,3	34,3	35,5	36,0
Самарская область	32,7	33,0	32,7	32,5
Республика Мордовия	38,4	36,0	44,8	46,2
Уральский федеральный округ	32,6	32,0	35,3	34,2
Тюменская область без автономных округов	–	36,3	43,6	41,2
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	25,7	24,0	27,7	25,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	28,5	25,2	34,7	26,6
Сибирский федеральный округ	37,5	35,2	36,8	36,6
Красноярский край	32,3	30,8	34,6	32,2
Новосибирская область	40,3	33,4	40,3	43,9
Дальневосточный федеральный округ	34,8	34,4	33,4	33,8
Камчатский край	33,3	37,4	29,5	26,0
Чукотский автономный округ	48,1	35,8	49,0	42,6

Источник: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по субъектам Российской Федерации. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812 (дата обращения 25.09.2020).

ные – для Чувашской Республики – 0,341 и Республики Карелии – 0,335.

Расходы на питание в потребительских расходах выступают важным косвенным показателем уровня жизни населения. Имеет место обратная зависимость между этими параметрами: чем ниже доля расходов на покупку продовольствия в потребительских расходах, тем выше уровень жизни страны, региона, домохозяйства. В странах с развитой рыночной экономикой данный показатель не превышает 15% от общих затрат до-

мохозяйств⁵. Достигнутый уровень жизни достаточно емко может быть охарактеризован таким параметром, как доля затрат на питание в потребительских расходах домашних хозяйств в расчете на члена домохозяйства. Для России характерна значительная региональная дифференциация данного параметра. В *таблице* приведены территориальные составляющие с полярными значениями на 2018–2019 гг. в каждом федеральном округе.

Существенные различия наблюдаются между федеральными округами и между

⁵ Доля расходов на продукты питания в семейных бюджетах. URL: <https://www.prod.center/news/tag/2/15953-dolya-rashodov-na-produkty-pitaniya-v-seimeinyh-byudzhetah>

административно-территориальными единицами, входящими в состав федеральных округов. Рассматриваемый показатель на уровне ниже среднероссийского был в Центральном, Северо-Западном, Уральском и Дальневосточном федеральных округах, что характеризует более высокие средние показатели уровня жизни на этих территориях, большую покупательную способность располагаемых доходов, возможность удовлетворения первоочередных насущных потребностей в питании и приобретении непродовольственных товаров и услуг. Однако даже в них имела место дифференциация между субъектами Федерации. Например, в Дальневосточном федеральном округе минимальные значения доли расходов на питание во всех расходах на потребление в 2019 году отмечались в Камчатском крае (26,0%), а максимальные – в Чукотском автономном округе (42,6%), т. е. разница составила 16,6 п. п. Минимальные значения рассматриваемого показателя в целом по стране наблюдались в Москве (26,0%), в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (25,5%). В федеральных округах с показателями выше среднероссийских значений происходило увеличение данного параметра на анализируемом временном интервале, что свидетельствует о нарастании обозначенной проблемы.

С использованием модели ARIMA или Бокса – Дженкинса, являющейся интегрированной моделью авторегрессии скользящего среднего для анализа временных рядов, сделан прогноз доли расходов на продукты питания в потребительских расходах децильной группы с минимальными доходами. Для этого подготовлены динамические ряды анализируемого параметра в 2004–2018 гг. (рис.).

Прогнозные параметры доли расходов на домашнее питание в расходах на потребление домохозяйств децильной группы с минимальными доходами на 2021 год следующие: при 80% вероятности величина показателя колеблется в интервале 44,3–54,3%; при 95% вероятности – в интервале 41,7–56,9%. Полученные результаты свидетельствуют о том, что при существующих подходах к го-

сударственной политике в сфере реальных доходов населения сложно приблизиться по уровню доли расходов на питание в потребительских расходах к параметрам стран с развитой рыночной экономикой, к достижению экономической доступности продовольствия для домохозяйств с низкими доходами. Это свидетельствует о необходимости трансформировать институциональную составляющую повышения уровня жизни населения, смягчить региональные диспропорции социального блока, обеспечить экономическую доступность продовольствия на основе анализа зарубежного опыта.

В контексте изучения данной проблемы интересна социально ориентированная модель развития экономики стран Северной Европы, особенностями которой являются наличие экономики смешанного типа, регулирование производства с помощью рыночного механизма, реализация социальных гарантий, в результате чего складываются относительно эгалитарное распределение доходов и низкие уровни социально-экономической дифференциации [23]. В основе такой политики лежит идея «Дом для народа», сформулированная в 1928 году лидером шведской социал-демократии П.А. Ханссоном.

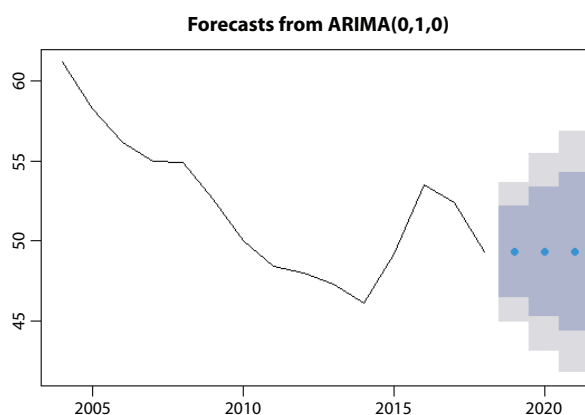

Рис. Удельный вес расходов на домашнее питание в расходах на потребление домохозяйств группы с минимальными доходами в 2004–2018 гг. и прогноз до 2021 года, %

Источник: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по субъектам Российской Федерации. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812 (дата обращения 27.09.2020).

Процесс последовательного становления общества всеобщего благоденствия был отражен Т. Маршаллом [24]. Государство с помощью различных средств макроэкономического регулирования стремится минимизировать негативные последствия рыночной системы хозяйствования в социальной сфере. Оно регулирует личное и общественное потребление, совокупный спрос; весь перераспределительный механизм направлен на устранение крайних форм социального неравенства. Однако среди экономистов есть и противники общества всеобщего благоденствия, например К. Оффе, считающий, что граждане социального государства слабо социально адаптированы по сравнению с членами общества со значительной социальной и экономической конкуренцией [25].

Следует отметить, что на уровне ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) – международной экономической организации развитых стран, объединенных на принципах представительной демократии и свободной рыночной экономики, в последние десятилетия имела место смена парадигмы политики регионального развития. До начала двадцать первого века приоритет в выборе инструментов региональной политики отдавался инструментам, направленным на преодоление различий между регионами на основе предоставления субсидий. Переход к новой парадигме региональной политики предполагает интеграцию по горизонтали, то есть обеспечение взаимодействия региональной, промышленной и исследовательской политики, и по вертикали (в данный процесс включены все уровни государственного управления) [26]. Изменение парадигмы региональной политики обусловило необходимость внесения в инструменты оценки ее эффективности политических, социальных и культурных аспектов [27]. По мнению аналитиков, в настоящее время оценка регионального развития в европейских странах существенно различается: в странах Южной Европы в отличие от стран Северной Европы оценка

эффективности не стала частью административной системы, не сформированы соответствующие традиции [28]. Как констатирует ряд ученых, в России инструменты региональной политики ориентированы в большей степени на поддержку экономической деятельности в регионах, а не на их комплексное развитие.

Одним из важных направлений относительно выравнивания уровня жизни населения в субъектах страны является совершенствование системы межбюджетных трансфертов. Следует отметить, что отношение объемов трансфертов, получаемых регионами из федерального бюджета, и величины налогов, которые перечисляются субъектами в федеральный бюджет, значительно варьирует. Например, для регионов Уральского федерального округа, выступающих «донорами», это отношение в январе – октябре 2018 года составило 1,8%. В регионах Центрального, Северо-Западного федеральных округов соотношение равнялось 12–14%. В территориальных составляющих Дальневосточного федерального округа оно находилось на уровне 92,1%, а в регионах Северо-Кавказского федерального округа объемы полученных трансфертов были в 4,1 раза больше, чем объем средств, перечисленных в федеральный бюджет⁶.

В странах с развитой рыночной экономикой сложились разные системы межбюджетных отношений: имеет место разграничение бюджетных поступлений между бюджетами разных уровней; существует комбинирование собственных доходов региональных бюджетов и трансфертных поступлений, дотаций из центральных бюджетов [29]. Достаточно редко в международной практике встречается жесткое разграничение налоговых источников между бюджетами разных уровней. В качестве примера можно привести Австралию и Индию. Но в подавляющем большинстве стран применяется комплексная система межбюджетных отношений. В рамках такой комплексной системы, например в Германии, существует вертикаль-

⁶ Федеральный бюджет и регионы: кто кому помогает? URL: <https://icss.ru/ekonomicheskaya-politika/byudzheth-i-nalogi/federalnyy-byudzheth-i-regiony-kto-komu-pomogaet> (дата обращения 25.09.2020).

ное и горизонтальное финансовое выравнивание с целью реализации конституционных прав граждан на одинаковые условия жизни во всех землях страны. В Германии действует комбинированный бюджетный федерализм, заключающийся в применении регулирующих и закрепленных налогов, дополняемых различными субсидиями. Инструментами вертикального финансового выравнивания в этой стране являются гранты, дотации (предоставляются финансово слабым землям), субсидии, различные фонды, компенсационные выплаты и т. п. Обеспечение равенства в жизненных условиях требует дополнения системы вертикальных трансфертов горизонтальным финансовым выравниванием между отдельными землями. В качестве инструмента финансового выравнивания выступает налог на добавленную стоимость. Четверть его поступлений в землях с высоким уровнем собираемых налогов аккумулируется в специальном фонде для предоставления субсидий землям с невысоким уровнем налоговых поступлений (Саксония и др.).

В России финансовое выравнивание региональных бюджетов происходит в большей части посредством предоставления регионам бюджетных трансфертов из федерального бюджета. По оценкам специалистов более пятидесяти процентов трансфертов приходится на дотации, предоставляемые на безвозвратной, безвозмездной и нецелевой основе. Бюджетные трансферты в форме дотаций не создают заинтересованность региональных органов управления в эффективном использовании бюджетных средств, не стимулируют увеличение поступления общегосударственных налогов. В настоящее время определенная часть собираемых налогов остается в региональных бюджетах. В приложении 1 Федерального закона от 2 декабря 2019 года № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 гг.» установлены нормативы распределения доходов между бюджетами

бюджетной системы Российской Федерации. Например, платежи за добычу углеводородного сырья на территориях Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа распределяются следующим образом: 20% – в федеральный бюджет, 80% – в региональный⁷.

В научной литературе высказывается справедливое мнение о том, что, следуя международной практике выравнивания региональных бюджетов, наряду с трансфертами из федерального бюджета должна повышаться роль такого инструмента, как разделение общегосударственных налогов, собранных в регионе, между федеральным центром и регионами в пропорциях, необходимых для финансового выравнивания регионального бюджета. Прежде всего это касается налога на добавленную стоимость (НДС), который в настоящее время полностью взимается в федеральный бюджет. При таком подходе регионы будут заинтересованы в увеличении сбора НДС, усилении контроля над точностью его начисления и сбора [30]. Также в целях улучшения налогового администрирования предлагается изменить существующий механизм исчисления НДС к уплате в бюджет: облагать не выручку от продажи продукции, а саму добавленную стоимость, формируемую как разницу между выручкой от реализации продукции и материальными затратами, полностью отказавшись от вызывающих споры налоговых вычетов. Только в этом случае налог в полной мере будет соответствовать своему названию [31]. В Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года⁸ предусмотрено совершенствование механизмов стимулирования субъектов России к наращиванию экономического потенциала с помощью таких инструментов, как закрепление в федеральном законе приоритетных расходных обязательств субъектов страны, подлежащих софинансированию из федерального бюджета; предоставление

⁷ О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 гг.: Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 380-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/73098374/#ixzz6YfAtITVc> (дата обращения 28.09.2020).

⁸ Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-16012017-n-13-ob-utverzhdanii> (дата обращения 28.09.2020).

грантов регионам; частичное зачисление в бюджеты субъектов России отдельных налогов, подлежащих зачислению в федеральный бюджет, при условии, что они были дополнительно начислены в регионе как результат деятельности органов управления данного субъекта Российской Федерации по развитию экономического потенциала территорий. На наш взгляд, целесообразно получение региональными бюджетами части налога на добавленную стоимость в соответствии с нормативом, который будет утвержден федеральным законом. При условии эффективной работы и увеличения собираемости данного налога возможно зачисление в региональный бюджет дополнительно начисленной величины налога, что будет стимулировать наращивание экономической деятельности в регионе. Также важно вертикальное финансовое выравнивание дополнить горизонтальным выравниванием по опыту зарубежных стран.

В идеале региональная дифференциация уровня жизни должна быть связана лишь со сложностью природно-климатических условий работы и проживания. Труд одинаковой квалификации должен одинаково оплачиваться в любой точке страны, иначе не избежать неоправданно высокой миграции наиболее мобильной и квалифицированной части трудовых ресурсов в мегаполисы, приводящей к опустошению менее экономически привлекательной территории страны. Предлагаемые инструменты совершенствования межбюджетных отношений показали свою эффективность в зарубежных странах, в частности в Германии, где система финансового выравнивания используется для выполнения законодательно оформленного права граждан на одинаковые условия жизни независимо от места проживания. Горизонтальное финансовое выравнивание в этой стране, например, связано с распределением НДС не по месту взимания, а в расчете на душу населения, что важно для поддержки более бедных земель. На наш взгляд, нормативы перераспределения НДС между федеральным и региональными бюджетами должны учитывать уровень социально-экономического развития региона и важ-

ность горизонтального финансового выравнивания. Перераспределение НДС в пользу регионов, стимулируя экономический рост, будет способствовать увеличению числа рабочих мест, позволит наполнить региональный бюджет дополнительными средствами, тем самым создавая условия для роста доходов представителей бюджетной сферы (работников образования, здравоохранения, культуры), даст возможность решать проблемы благоустройства городской среды, комплексного развития сельских территорий.

Заключение

В ходе проведенного исследования проблемы региональной дифференциации уровня жизни осуществлена систематизация отечественных и зарубежных теорий пространственного развития, дан анализ динамики региональной дифференциации платежеспособного спроса населения в разрезе федеральных округов и их территориальных составляющих; обоснованы направления совершенствования государственной региональной политики, заключающегося в повышении роли налога на добавленную стоимость в системе межбюджетных трансфертов и формировании региональных бюджетов. Изучение динамики структуры реализованного спроса населения в целом по федеральным округам и внутри территориальных составляющих федеральных округов позволило выявить регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по данному параметру, исследовать направленность его изменения. Проведенный анализ показал, что даже в федеральных округах, в которых средние показатели на уровне выше среднероссийских значений, наблюдается значительная дифференциация между территориальными составляющими федеральных округов, имеются регионы с нерациональной структурой платежеспособного спроса, свидетельствующей о низком уровне экономической доступности продовольствия. Наличие такого дисбаланса может негативным образом повлиять на динамику движения человеческих и трудовых ресурсов, вести к стагнации в функционировании хозяйственных ком-

плексов регионов. Решение проблем пространственного развития страны требует комплексного подхода к трансформации межрегиональных пропорций на уровне национальной экономической системы, активизации формирования системы разнообразных внутривозрастных связей в рамках всего Евразийского экономического пространства. Одной из важнейших целей региональной политики, представляющей собой комплекс экономических и институциональных мер, является решение назревших социальных вопросов. Современная теория региональной экономики располагает большим количеством концепций, направленных на обоснование вектора развития и параметры региональной социальной политики. С помощью обобщения теоретико-методологических вопросов пространственного развития и прикладных аспектов модернизации инструментов региональной политики в условиях новых глобальных вызовов сделан вывод о том, что в процессе формирования региональных и местных

бюджетов все большую роль должен играть процесс перераспределения налогов. Налог на добавленную стоимость может выполнять более активную роль в перераспределительном механизме средств федерального бюджета. Добавленная стоимость создается повсеместно, в то же время налог с нее полностью зачисляется в федеральный бюджет, составляя одну треть всего федерального бюджета. Целесообразно, чтобы определенная часть этого федерального налога оставалась в регионе. Как показывает зарубежный опыт, это повысит заинтересованность в наращивании экономического потенциала территории, будет стимулировать рост производства в регионах, создаст условия для повышения уровня жизни населения, снижения межрегионального неравенства по данному параметру. Результаты представленного исследования направлены на совершенствование механизма межбюджетных отношений в современных условиях как эффективного инструмента региональной политики для выравнивания уровня жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Окрепилов В.В. Пространственное развитие и качество. СПб.: Наука, 2011. 294 с.
2. Минакир П.А. О пространственной экономике и пространственном развитии // Экономист. 2011. № 9. С. 17–25.
3. Гринберг Р.С., Пылин А.Г. Евразийский экономический союз: основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 340–351. URL: doi.org/10.17059/2020-2-1
4. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Рольф, 2002. 592 с.
5. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991. 270 с.
6. В.И. Вернадский и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке: кол. монография. СПб.: Астерион, 2013. 574 с.
7. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.
8. Региональная экономика и управление / Е.Г. Коваленко [и др.]. СПб.: Питер, 2008. 288 с.
9. Perroux F. *L'Europe Sans Ravages*. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 1954. 859 p.
10. Boudeville J. *Les Espaces Economiques*. Paris: Puf, 1970. 126 p.
11. Perrin J.-C. Urbanization et developpement a base regional. *Revue Tiers Monde*, 1971, no. 45, pp. 45–72.
12. Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. New York: Yale University Press, 2008. 304 p.
13. Simon H.A. *Models of Man: Social and Rational*. New York: John Wiley and Sons, Inc., 1957. 279 p.
14. Плотников В.А., Шамахов В.А. Стратегия территориального развития и качество жизни // Управленческое консультирование. 2015. № 7. С. 57–64.

15. Мулен Э. Кооперативное принятие решений. Аксиомы и модели. М.: Мир, 1991. 464 с.
16. Татаркин А.И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 1. С. 9–27. DOI: 10.17059/2016-1-1
17. Анфиногентова А.А., Решетникова Е.Г. Исследование динамики денежных доходов, спроса и потребления продовольствия населением России // Журн. экон. теории. 2016. № 1. С. 24–31.
18. Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Новые практики территориального управления в России и вопросы управления качеством жизни // Управленческое консультирование. 2015. № 7. С. 25–34.
19. Канаева О.А. Социальные императивы устойчивого развития // Вестн. СПбГУ. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 25–58. URL: doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.102
20. Котов А.В. Оценка эффективности инструментов региональной политики // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 352–362. URL: doi.org/10.17059/2020-2-2
21. Кузнецова О.В. Особые экономические зоны. Эффективны или нет? // Пространственная экономика. 2016. № 4. С. 129–152. DOI: 14530/se.2016.4.129-152
22. Швецов А.Н. «Точки роста» или «черные дыры»? К вопросу об эффективности применения «зональных» инструментов госстимулирования экономической динамики территорий // Рос. экон. журн. 2016. № 3. С. 40–61.
23. Северная Европа. Регион нового развития. М.: Весь мир, 2008. 512 с.
24. Marshal T.H. *Class Citizenship and Social Development*. New York, 1965. 334 p.
25. Claus O. *Contradictions of the Welfare*. London, 1984. 310 p.
26. Vanthillo T., Verhetsel A. Paradigm change in regional policy: towards smart specialization? Lessons from Flanders. *Belgeo*, 2012, vol. 1 (2), pp. 1–19.
27. Diez M.A. Evaluating new regional policies reviewing the theory and practice. *Evaluation*, 2002, vol. 8, iss. 3, pp. 285–305. DOI: 10.1177/135638902401462439
28. Bachtler J., Wren C. Evaluation of European Union Cohesion policy: Research questions and policy challenges. *Regional Studies*, 2006, vol. 40, no. 2, pp. 143–153.
29. Левина В.В. Оценка эффективности распределения межбюджетных трансфертов на региональном уровне // Финансы. 2015. № 2. С. 14–20.
30. Кунец А.А., Халидшаев А.М., Тургаева А.А. Межбюджетные трансферты и их роль в формировании бюджетов субъектов Российской Федерации // Символ науки. 2016. № 2. С. 167–170.
31. Зотиков Н.З. Добавленная стоимость: практика обложения // Вестн. Евраз. науки. 2019. № 3. С. 3–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Геннадиевна Решетникова – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем Российской академии наук. Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: elenaresh2708@mail.ru

Reshetnikova E.G.

REGIONAL DIFFERENTIATION OF LIVING STANDARDS: CHALLENGES OF TIME

Significant regional differentiation of living standards is an urgent national problem the solution of which is aimed at strengthening the state's territorial integrity, optimizing migration flows, and increasing the economic potential of the constituent entities of the Russian Federation. One of the most important parameters of living standards is the amount of consumption of basic food products, the economic availability of food. The share of food expenditures in consumer spending, characterizing the realized demand of the population, makes it possible to carry out international and interregional comparisons of living standards. The analysis of the dynamics of this parameter indicates substantial differences in the federal districts as a whole and in their territorial components. Based on the forecast of the dynamics of the studied indirect indicator of the living standards, the author determines that the vector of changes in the current socio-economic situation with the existing arsenal of regional policy tools will remain. Currently, the state policy principles of regional development have been comprehensively worked out, the problems have been revealed, and the goals and directions of their implementation have been defined. At the same time, it is worth improving a number of regional policy instruments taking into account global approaches in this area. An analysis of the experience of the Nordic countries and Germany shows that inter-budget transfers are an important tool for regional equalization of living standards. In the countries with developed market economies, various forms of inter-budgetary relations have worked out. However, in most countries there is a complex system where tax revenue is distributed among budgets of different levels. Interesting is the experience of Germany, where great importance, along with the vertical alignment of living standards, is attached to horizontal alignment in which the redistribution of value added tax between regional budgets is actively used. It is advisable to adopt the practice of horizontal financial alignment and provide in the law on the federal budget standards for the redistribution of the federal value added tax in favor of the regions to stimulate their business activity.

Regional differentiation of living standards, economic availability of food, spatial economy, regional policy, effective demand, inter-budget transfers, value added tax.

REFERENCES

1. Okrepilov V.V. *Prostranstvennoe razvitie i kachestvo* [Spatial Development and Quality]. St. Petersburg: Nauka, 2011. 294 p.
2. Minakir P.A. On spatial economics and spatial development. *Ekonomist=Economist*, 2011, no. 9, pp. 17–25 (in Russian).
3. Grinberg R.S., Pylin A.G. Eurasian economic union: key development trends and global uncertainty. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 2020, vol. 16, iss. 2, pp. 340–351. Available at: doi.org/10.17059/2020-2-1 (in Russian).
4. Toynbee A.J. *Tsivilizatsiya pered sudom istorii* [Civilization on Trial]. Moscow: Rol'f, 2002. 592 p.
5. Vernadskii V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetarnoye yavleniye* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon: Monograph]. Moscow: Nauka, 1991. 270 p.
6. V.I. Vernadskiy i noosfernaya paradigma razvitiya obshchestva, nauki, kul'tury, obrazovaniya i ekonomiki v XXI veke [Vernadsky V.I. and the Noosphere Paradigm of Society, Science, Culture, Education and the Economy in the 21st Century: a Collective Monograph]. St. Petersburg: Asterion, 2013. 574 p.

7. Granberg A.G. *Osnovy regional'noi ekonomiki* [Fundamentals of Regional Economics]. Moscow: State University Higher School of Economics, 2000. 495 p.
8. Kovalenko E.G. et al. *Regional'naya ekonomika i upravleniye* [Regional Economics and Management: Monograph]. St. Petersburg: Piter, 2008. 288 p.
9. Perroux F. *L'Europe Sans Ravages*. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 1954. 859 p.
10. Boudeville J. *Les Espaces Economiques*. Paris: Puf, 1970. 126 p.
11. Perrin J.-C. Urbanization et developpement a base regional. *Revue Tiers Monde*, 1971, no. 45, pp. 45–72.
12. Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. New York: Yale University Press, 2008. 304 p.
13. Simon H.A. *Models of Man: Social and Rational*. New York: John Wiley and Sons, Inc., 1957. 279 p.
14. Plotnikov V.A., Shamakhov V.A. Strategies of territorial development and quality of life. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye=Administrative Consulting*, 2015, no. 7, pp. 57–64 (in Russian).
15. Moulin H. *Kooperativnoe prinyatie reshenii. Aksiomy i modeli* [Cooperative Decision Making. Axioms and Models]. Moscow: Mir, 1991. 464 p.
16. Tatarkin A.I. Regional targeting of the economic policy of the Russian Federation as an institution of regional spatial development. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, 2016, vol. 12, iss. 1, pp. 9–27. DOI: 10.17059/2016-1-1 (in Russian).
17. Anfinogentova A.A., Reshetnikova Y.G. Studying the dynamics of monetary incomes, demand for and consumption of food by the population of Russia. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii=Economic Theory Journal*, 2016, no. 1, pp. 24–31 (in Russian).
18. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M. New practices of territorial governance in Russia and quality of life management issues. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye=Administrative Consulting*, 2015, no. 7, pp. 25–34 (in Russian).
19. Kanaeva O.A. Social imperatives of sustainable development. *St Vestnik SPbGU. Ekonomika=Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2018, vol. 34, iss. 1, pp. 25–58. Available at: doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.102 (in Russian).
20. Kotov A.V. Assessing the efficiency of regional policy tools. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 2020, vol. 16, iss. 2, pp. 352–362. Available at: doi.org/10.17059/2020-2-2 (in Russian).
21. Kuznetsova O.V. Special economic zones: efficient or not? *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 2016, no. 4, pp. 129–152. DOI: 14530/se.2016.4.129-152 (in Russian).
22. Shvetsov A.N. «Points of growth» or «black holes»? (concerning application effectiveness of «zonal» tools for government boosting of territories' economic dynamics). *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal=Russian Economic Journal*, 2016, no. 3, pp. 40–61 (in Russian).
23. *Severnaya Evropa. Region novogo razvitiya* [Northern Europe. Regions of New Development: Monograph]. Moscow: Ves Mir, 2008. 512 p.
24. Marshal T.H. *Class Citizenship and Social Development*. New York, 1965. 334 p.
25. Claus O. *Contradictions of the Welfare*. London, 1984. 310 p.
26. Vanthillo T., Verhetsel A. Paradigm change in regional policy: towards smart specialization? Lessons from Flanders. *Belgeo*, 2012, vol. 1 (2), pp. 1–19.
27. Diez M.A. Evaluating new regional policies reviewing the theory and practice. *Evaluation*, 2002, vol. 8, iss. 3, pp. 285–305. DOI: 10.1177/135638902401462439
28. Bachtler J., Wren C. Evaluation of European Union Cohesion policy: Research questions and policy challenges. *Regional Studies*, 2006, vol. 40, no. 2, pp. 143–153.
29. Levina V.V. Assessment of the effectiveness of distribution of intergovernmental transfers at regional level. *Finansy=Finance*, 2015, no. 2, pp. 14–20 (in Russian).

30. Kunec A.A., Halidshaev A.M., Turgaeva A.A. Interbudgetary transfers and their role in the budget formation of the entities of the Russian Federation. *Simvol nauki=Science Symbol*, 2016, no. 2, pp. 167–170 (in Russian).
31. Zotikova H.Z. Value added: taxation practice value. *Vestnik evraziyskoy nauki=Eurasian Scientific Journal*, 2019, no. 3, pp. 3–18 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Reshetnikova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Agriculture Problems of the Russian Academy of Sciences. 94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: elenaresh2708@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.7

УДК 338.28 | ББК 30.6

© Кожевников С.А.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СТРАНЫ¹

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЖЕВНИКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

ORCID: [0000-0001-9063-6587](https://orcid.org/0000-0001-9063-6587); ResearcherID: [I-8373-2016](https://publons.com/urn:li:member:18373-2016)

В условиях нарастания геополитической нестабильности, перехода мировой экономики на новый технологический уклад уже критически важную задачу для современной России составляют трансформация ее экспортно-сырьевой модели хозяйства и переход на инновационные рельсы развития. Особенно актуальны данные вопросы для северных территорий страны, обладающих огромным природно-ресурсным и геостратегическим потенциалом. Их экономика базируется на добыче полезных ископаемых, и в постсоветский период наблюдалась тенденция к дальнейшей примитивизации ее структуры. В то же время опыт развитых государств мира (Швеция, Дания, Норвегия, Канада и др.) свидетельствует о том, что северные территории могут быть центрами инновационного развития не только национального, но и глобального уровня. В связи с этим необходимо создавать благоприятные институциональные и организационно-экономические условия для интеграции и развития научно-технологического потенциала северных регионов страны. Целью работы является исследование особенностей инновационного развития Европейского Севера России в контексте интеграции экономического пространства. Рассмотрены теоретико-методологические аспекты, проведен критический анализ опыта ин-

Для цитирования: Кожевников С.А. Инновационное развитие Европейского Севера России в контексте интеграции экономического пространства страны // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 123–137. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.7

For citation: Kozhevnikov S.A. Innovative development of the Russian North in the context of integration of the country's economic space. *Problems of Territory Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 123–137. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.7

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-2099.2020.6 «Механизмы управления пространственной интеграцией экономики регионов Европейского Севера России в контексте реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

новационного развития северных регионов мира. На основе этого выявлены ключевые принципы, условия и факторы динамического развития инновационных центров северных стран. Анализ инновационного развития Европейского Севера России на современном этапе показал, что ключевыми проблемами выступают разрушение кадрового потенциала региона уже с самых начальных стадий инновационного цикла, низкая изобретательская и инновационная активность, недостаточный уровень финансирования исследований и разработок как со стороны государства, так и частного сектора, низкое качество существующей институциональной и организационной структуры инновационного комплекса. Проведен анализ программ и проектов инновационного развития Европейского Севера России в рамках консолидации научно-технологического потенциала различных субъектов региона. Обоснованы концептуальные направления для обеспечения инновационного развития северных регионов в контексте их интеграции в экономическое пространство страны.

Инновационное развитие, северные регионы, пространственное развитие, интеграция пространства, научно-образовательный центр.

Введение

Северные регионы занимают более 60% территории России и играют важную роль в обеспечении устойчивого социально-экономического развития и национальной безопасности страны. Так, именно здесь сконцентрированы огромные запасы полезных ископаемых, проходят важные международные транспортные коридоры (например, Северный морской путь), базируются ключевые объекты обороноспособности государства.

Активное хозяйственное освоение и обширное заселение удаленных северных территорий, формирование здесь опорной городской сети начались в период форсированной индустриализации в первой половине XX века. Связано это было с необходимостью поставки природных ископаемых для развивающейся отечественной промышленности [1].

Данные процессы были характерны и для территорий Европейского Севера России (ЕСР, Северного края, позднее – Северного экономического района), в состав которого в настоящее время входят республики Коми и Карелия, Вологодская, Архангельская, Мурманская области и Ненецкий автономный округ. При этом добываемые здесь полезные ископаемые как направлялись в центральные районы СССР для нужд растущей экономики, так и экспортировались за границу для получения валютной выручки и закупки на начальном этапе индустриализации нового зарубежного оборудования и

технологий (именно поэтому Северный экономический район еще в первых плановых пятилетних документах рассматривался в качестве «валютного цеха» страны).

Нужды форсированного промышленного освоения Севера требовали активного развития научно-технологического потенциала данной территории. При этом в 1930-е гг. на Европейском Севере России комплексные научные экспедиции вглубь страны по освоению богатых месторождений полезных ископаемых были заменены постепенным возникновением сети стационарных научных учреждений различной направленности. Там, где создавались научные центры, параллельно формировались и крупные промышленные объекты, территориально-производственные комплексы (ТПК). В целях обеспечения кадрами промышленности и науки зарождалась сеть учреждений высшего и среднего образования. Таким образом, в регионе исторически складывались тесные связи в триаде «наука – образование – производство» для нужд социалистической экономики (позднее развитые как «треугольники Лаврентьева») [2].

Вместе с тем отказ от плановых принципов ведения хозяйства в 90-е гг. XX века привел к разрушению существующей системы и поставил в числе первостепенных задачу по разработке эффективных механизмов интеграции достижений научно-технического прогресса в реальный сектор экономики в условиях рынка. Эта задача обостряется так-

же в связи с тем, что повышение эффективности экономики России при переходе мира к новому технологическому укладу предполагает необходимость более глубокой переработки природных ресурсов северных территорий внутри страны и производства инновационной продукции с высокой добавленной стоимостью.

В такой ситуации актуальной является интеграция северных территорий в национальное экономическое пространство и систему разделения труда не только с позиции поставщиков сырьевых ресурсов, но и как инновационных центров и полюсов роста регионального и национального масштаба.

Целью работы выступает исследование особенностей инновационного развития северного региона в контексте интеграции экономического пространства России.

Достижение поставленной цели предполагает необходимость решения следующих задач:

- исследование теоретико-методологических аспектов и критический анализ опыта инновационного развития северных регионов мира;
- анализ особенностей инновационного развития Европейского Севера России на современном этапе;
- обоснование концептуальных направлений обеспечения инновационного развития северных регионов в контексте их интеграции в экономическое пространство страны.

Теоретико-методологические основы исследования

Для того чтобы повысить устойчивость развития северных регионов России в условиях рынка, необходимо кардинально пересмотреть принципы государственного управления данными территориями, ориентироваться на рост эффективности использования их потенциала (природно-ресурсного, трудового, финансового и др.) [3].

Как свидетельствует успешный опыт северных стран мира, решение указанной задачи видится как в модернизации добыва-

ющей промышленности, так и в развитии новых отраслей обрабатывающей промышленности, базирующихся на производстве продукции с высокой добавленной стоимостью. Иными словами, основу экономик развитых северных государств мира в условиях перехода к новому технологическому укладу составляют знания и инновации, а вектор управления их развитием смещается от ориентации на факторы первой (по П. Кругману: обеспеченность природными ресурсами, выгодное ЭГП и пр.) к факторам второй природы (агломерационный эффект, человеческий потенциал, институты, влияющие на предпринимательский климат, и пр.) [4].

В Глобальном инновационном индексе экономик, разрабатываемом с 2007 года на основе 80 показателей, объединенных в семь направлений анализа, северные страны традиционно находятся среди лидеров: Швеция занимает 2 место, Дания – 6, Финляндия – 7, Канада – 17, Норвегия – 20 из 131 страны, входящих в рейтинг (Россия – 47)².

Эти обстоятельства актуализируют задачу перехода отечественной экономики на инновационные рельсы развития, которая была обозначена еще в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Прогнозе научно-технологического развития РФ на период до 2030 года, стратегии «Инновационная Россия – 2020» и других документах, разрабатываемых органами власти и научным сообществом. В свою очередь в Указе Президента РФ № 474 от 21 июля 2020 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в числе приоритетных задач национального масштаба отмечены необходимость достижения «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, вхождение России в число ведущих научно-технологических держав мира. Для их решения приняты и реализуются национальные проекты «Цифровая экономика», «Наука и университеты» и др.

Названные задачи являются весьма актуальными для северных и арктических

² Глобальный инновационный индекс – 2020. URL: <https://issek.hse.ru/news/396120793.html>

территорий страны, экономика которых исторически имеет «тяжелый» сырьевой характер. В утвержденных в 2020 году Основах государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 года³ к числу первостепенных стратегических задач в сфере развития науки и технологий макрорегиона отнесены:

- разработка и внедрение технологий, имеющих критически важное значение для освоения Арктики (решение задач в области обороны и обеспечения общественной безопасности, разработка материалов и техники для применения в арктических условиях);
- разработка и применение эффективных инженерно-технических решений в целях предотвращения повреждения элементов инфраструктуры вследствие глобальных климатических изменений;
- развитие научно-исследовательского флота Российской Федерации и пр.

Все эти обстоятельства актуализируют задачу, связанную с поиском эффективных инструментов перехода экономики северных и арктических территорий на инновационный вектор развития.

Критический анализ отечественных и зарубежных работ [5–9] по данной проблематике позволил обосновать, что инновационная деятельность представляет собой целенаправленную деятельность по трансформации идей (результатов научных исследований и разработок, иных научно-технических достижений) в новый или же усовершенствованный продукт, внедренный на рынке, или же технологический процесс, использованный в практической деятельности. Иными словами, именно целый комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий в своей совокупности приводят к инновациям.

Проблемы инновационного развития северных и арктических территорий в настоящее время находятся в фокусе внимания отечественных ученых. Исследователи обосновали, что ввиду повышенных издержек жизнеобеспечения, экспортно-ресурсной специа-

лизации предприятий, а также пространственных и климатических особенностей ведения хозяйства проблемы инновационного развития являются весьма актуальными для северных регионов страны [10]. С помощью метода иерархического кластерного анализа они выделили четыре типа регионов Севера по характеру инновационного потенциала, доказали необходимость перехода от импорта готовых технологий к международному сотрудничеству в их создании.

Вопросы влияния фактора периферийности территорий Севера на их инновационное развитие, а также направления совершенствования государственной политики по переходу данных регионов к «экономике знаний» обстоятельно рассмотрены в монографии А.Н. Пилясова [11].

В работе [12] акцент сделан на проблемах модернизации инновационно-промышленного комплекса Севера и Арктики. Показано, что одной из ключевых проблем является дефицит финансовых средств для проведения такой модернизации. М.М. Стыров, Д.В. Колечков, Н.В. Шляхтина [13] исследовали причины низкого уровня изобретательской активности на Севере. На примере Республики Карелии обоснована низкая эффективность взаимодействия между органами власти, научно-образовательными организациями и предприятиями в сфере генерации и трансфера знаний в реальный сектор экономики [14]. Вопросы оценки конкурентной привлекательности северных регионов по факторам инновационного и человеческого потенциала отражены в статье Б.М. Гринчеля и Е.А. Назаровой [15].

Целый ряд отечественных работ посвящен анализу опыта инновационного развития северных стран мира [16; 17 и др.] и отдельных отраслей их экономики (аэрокосмической сферы, информационных технологий, автомобильной, биомедицинской, горнодобывающей, нефтехимической промышленности, производства бытовой электроники и пр.). Например, при рассмотрении опыта Аляски доказано, что основны-

³ Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года».

ми инновационными центрами на Севере в настоящее время продолжают оставаться крупные города; вместе с тем имеет место практика развития «экономики знаний» и на северной периферии [18]. При этом инновационный сектор здесь является встроенным в местные сообщества, их социальные и экономические институты.

Несмотря на наличие целого ряда работ по указанной проблематике, на наш взгляд, в них недостаточно обстоятельно рассматривались возможности для адаптации данных моделей к условиям российской действительности.

Проведенный нами критический анализ принципов, условий и факторов развития

инновационных центров северных, а также других развитых стран позволил выявить следующие особенности (табл. 1).

В целом следует отметить, что в основе формирования и развития инновационной деятельности лежит эффективное взаимодействие главных акторов (университетов, власти, бизнеса) в рамках модели «тройной спирали» Г. Ицковица [22]. Пространственная организация взаимодействия построена на кластерном принципе («кластеры конкурентоспособности», базирующиеся на отношениях «специализация – кооперация»). Генерация знаний обеспечивается за счет высокой плотности университетов, научных учреждений, инновационных предприятий

Таблица 1. Ключевые особенности развития инновационных центров северных стран мира

Участник	Особенности
1. Университеты и научные организации	1.1. Значительное количество междисциплинарных исследовательских центров, университетов; привлечение студентов, молодых исследователей со всего мира* (в возрасте до 35 лет; в г. Лунд (Швеция) из 113 тыс. жителей города на студентов приходится 47 тыс. человек, или 41,6% [16], г. Оулу (Финляндия) – из 250 тыс. жителей к студентам относится 25 тыс. чел. (10%); 21% жителей здесь моложе 18 лет при среднем возрасте города в 37,6 года**) 1.2. Активное междууниверситетское сотрудничество для решения общих задач: реализуется оно, как правило, через центр исследований и высшего образования по научно-техническому сотрудничеству со статусом общественной организации*** 1.3. Реализация инженерных и исследовательских работ по заказу корпораций и иных бизнес-структур
2. Инновационные предприятия	2.1. Предприятия привлекаются к составлению отвечающих требованиям рынка учебных программ и информируют учёных о востребованных инновациях для увеличения числа исследований по системе market-pull (модель «вытягивания спросом»), а не technology-push («продавливания») 2.2. Создание на базе исследовательских подразделений с предпринимателями новых совместных компаний и передача им технологий, которые были разработаны внутри научных лабораторий; дальнейшая продажа таких компаний (спин-оффы) промышленным партнерам 2.3. Деятельность компаний отличается высокой степенью дополняемости и сконцентрирована на достаточно узком круге передовых технологий; развитие тесной кооперации крупных и малых предприятий
3. Органы власти (национального, регионального и муниципального уровня)	Взаимодействие с другими участниками в рамках модели частно-государственного партнерства, основанного на предоставлении инновационным проектам беспроцентных или условно-возвратных займов, и пр.****

* Spotlight on Shenzhen. Nature. 2007. 27 September. URL: <https://www.nature.com/articles/nj0181>

** Линдт М. Как финский городок Оулу стал мировым центром технологий // Эксперт. 2018. № 26 (1080). С. 90–91. URL: <https://expert.ru/expert/2018/26/kak-finskij-gorodok-oulu-stal-mirovyim-tsentrom-tehnologij> (дата обращения 26.10.2020).

*** Best Practices for Industry-University Collaboration. URL: <https://ras.mit.edu/sites/osp/files/uploads/bestpractices.pdf>

**** The Case of the TopTechnology Region / Eindhoven-Leuven-AachenTriangle (TTR-ELAt) – Regions and Innovation: Collaborating Across Borders» (Links to an external site.), Claire Nauwelaers, Karen Maguire, Giulia Ajmone Marsan, 2013. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/urban-rural-and-regional-development/the-case-of-the-top-technology-region-eindhoven-leuven-aachen-triangle-ttr-elat-regions-and-innovation-collaborating-across-borders_5k3xv0lg3hf5-en;jsessionid=PVi_dOQC8zyQNUFENp9M3Ie.ip-10-240-5-73

Составлено по: критический анализ мирового опыта [19–21].

и их контактов, т. е. «критической массы» человеческого и социального капитала при широком содействии госсектора.

Важной характеристикой инновационной системы является децентрализация, ориентация на формирование горизонтальных связей. При этом такая система открыта для внешней среды, развивается тесное сотрудничество с исследователями из других стран мира.

Активное становление инновационного процесса обусловлено благоприятной институциональной средой, наличием развитого законодательства в области интеллектуальной собственности, формированием многоуровневой инновационной инфраструктуры. В частности, органы власти региона создают технологические научные парки, организации финансового сектора – инвестиционные венчурные структуры (инвестиционные фонды с ролью «бизнес-ангелов»), учреждения науки и университеты – R&D центры («Research and Development» – научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки), десятки инновационных компаний.

Для продвижения стартапов формируются бизнес-инкубаторы, производственные акселераторы. Например, государственная структура Almagi (Швеция, бизнес-инкубатор Ideon Innovatoin (1994 г.) соединяет экспертизу в сфере стратегического маркетинга, консультации по созданию компаний, проведению переговоров по заключению контрактов, юридические услуги в сфере патентования. Предприниматели могут получить помощь в составлении бизнес-планов, построении бизнес-моделей и оценке рынков, поиске инвесторов и необходимой инфраструктуры. Имеет 40 представительств на местах).

В северных странах выстроена система работы с лицензированием и защитой прав собственности, созданы патентные фонды, задача которых заключается в компенсации первоначальных затрат на патентование. Активно развивается рынок частного венчурного финансирования.

Сама модель управления инновационными центрами базируется на наличии нескольких учредителей, добровольном объединении под единым брендом вузов, занимающихся преподаванием и подготавливающих будущие кадры; фундаментальных и прикладных лабораторий, ведущих разработку инновационных технологий, и бизнес-структур, финансирующих перспективные проекты и поддерживающих их коммерциализацию. Такой механизм управления значительно сложнее механизма управления технопарком с одним учредителем, однако намного эффективнее, например, с точки зрения доступа к финансированию.

Таким образом, особенностью описанных моделей организации инновационной деятельности в северных странах мира является наличие эффективных институтов и инструментов поддержки исследований на всех стадиях их технологической готовности (TRL-матрицы) до превращения их в технологические инновации.

Результаты и обсуждение

Проведем анализ особенностей и проблем инновационного развития Европейского Севера России в постсоветский период в ракурсе деятельности основных участников инновационного процесса.

Тенденций развития научной сферы России и ее северных территорий в условиях рынка является постоянное снижение общего количества исследователей. Так, в целом по стране в 1992–2018 гг. их численность уменьшилась на 55% (с 1,5 млн чел. до 682,6 тыс. чел.). В субъектах Европейского Севера России сокращение было еще более существенным: почти на 70% – в Вологодской области, 64% – Республике Карелии, 60% – Мурманской области (табл. 2).

В середины 2000-х гг. наблюдается устойчивое снижение численности студентов высших учебных заведений, которые являются, как свидетельствует зарубежный опыт, «строительным материалом» инноваций. Так, количество студентов резко сократилось с 2010 учебного года (в среднем по России – с 497 до 284 чел. на 10000 чел. на-

Таблица 2. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.

Территория	Год								2018 год к 1992 году, раз
	1992	1995	2000	2005	2010	2015	2017	2018	
РФ, тыс. чел.	1532,6	1061,0	887,7	813,2	736,5	738,8	707,9	682,6	0,45
СЗФО, тыс. чел.	233,0	162,3	116,8	104,8	95,8	98,0	94,5	91,7	0,39
Республика Карелия	3340	1368	1307	935	934	1202	1168	1201	0,36
Республика Коми	2834	2332	2170	2047	1806	1981	1655	1489	0,53
Архангельская область	2211	1355	1316	1496	1148	1107	1021	994	0,45
Ненецкий авт. округ	25	22	22	24	75	62	22	24	0,96
Вологодская область	1767	494	424	464	482	541	464	551	0,31
Мурманская область	5065	3093	2765	2345	2097	2342	2138	2028	0,40

Источник: данные Росстата.

Таблица 3. Численность студентов высших учебных заведений на 10000 чел. населения, чел.

Территория	1990/ 1991 уч. г.	1995/ 1996 уч. г.	2000/ 2001 уч. г.	2005/ 2006 уч. г.	2010/ 2011 уч. г.	2017/ 2018 уч. г.	2018/ 2019 уч. г.	2018 год к 1990 году, раз
РФ	190,9	188,1	323,4	493,0	497,0	289,0	284,0	1,5
СЗФО	221,9	205,1	375,1	534,0	530,0	301,0	300,0	1,4
Республика Карелия	126,3	135,6	233,6	357,0	345,0	187,0	187,0	1,5
Республика Коми	85,2	112,7	185,6	372,0	355,0	195,0	188,0	2,2
Архангельская область	92,2	107,6	234,1	372,0	337,0	164,0	162,0	1,8
Ненецкий авт. округ	0,0	0,0	0,0	77,0	0,0	0,0	0,0	-
Вологодская область	120,4	141,4	162,9	396,0	365,0	162,0	159,0	1,3
Мурманская область	53,8	77,9	195,3	475,0	386,0	117,0	106,0	2,0

Источник: данные Росстата.

селения; в Мурманской области – с 386 до 106 чел. и пр., табл. 3). Это обусловлено, в том числе, общей неблагоприятной демографической ситуацией в стране и уменьшением числа населения моложе трудоспособного возраста, а также активным миграционным оттоком жителей с Севера, что вкуче с низкой общей плотностью населения усугубляет проблему.

Таким образом, можно отметить, что в постсоветский период в субъектах Европейского Севера России наблюдается существенное разрушение кадрового потенциала, именно высокая «плотность» которого обычно способствует зарождению и активному развитию инновационного процесса. Иными словами, университеты и научные учреждения теряют кадровые ресурсы, выступающие

основой генерации знаний и дальнейшей их трансформации в инновации.

О невысокой инновационной активности экономики России и северных территорий в частности свидетельствуют крайне низкие значения коэффициента изобретательской активности (КИА). Так, по уровню развития КИА Роспатентом выделяется четыре группы регионов: высокий (выше или равно 3), средний (2–3), низкий (1–2), критически низкий (ниже 1). Таким образом, все субъекты Европейского Севера России по показателю изобретательской активности населения

относятся к категории с критически низким уровнем значений (табл. 4).

При этом в целом по показателю изобретательской активности российские регионы традиционно отстают от других северных стран мира: в Швеции он составляет более 6, Финляндии – 7, Дании – 5, Норвегии – 4 единиц [23].

Для реального сектора экономики северных регионов и страны в целом характерна низкая инновационная активность: в 2017 году лишь 3–7% организаций северных территорий осуществляли технологические инновации (в России – 7,5%, табл. 5).

Таблица 4. Коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчете на 10 тыс. человек населения)

Территория	Год								2019 год к 1997 году, раз
	1997	2000	2005	2010	2015	2017	2018	2019	
РФ	1,18	1,90	2,28	2,83	2,00	1,55	1,70	1,59	1,35
СЗФО	1,56	2,17	2,38	2,56	1,63	1,55	1,58	2,64	1,69
Республика Карелия	0,12	0,31	0,29	0,60	0,51	0,53	0,44	0,70	5,86
Республика Коми	0,55	0,62	0,74	0,74	0,46	0,45	0,60	0,54	0,98
Архангельская область	0,30	0,62	0,67	0,67	0,83	0,84	0,87	0,70	2,35
Вологодская область	0,58	0,90	0,89	0,87	0,72	0,71	0,66	0,60	1,04
Мурманская область	0,62	0,84	0,85	0,74	0,47	0,40	0,24	0,36	0,58

Источник: данные Росстата.

Таблица 5. Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, % от общего числа обследованных организаций

Территория	Год					2019 год к 1997 году, п. п.
	2000*	2005*	2010	2015	2017	
РФ	8,8	9,7	7,9	8,3	7,5	-1,3
СЗФО	7,7	9,4	7,6	8,1	7,6	-0,1
Республика Карелия	1,7	5,6	5,1	5,3	4,8	3,1
Республика Коми	5,5	7,1	6,6	3,6	2,9	-2,6
Архангельская область	6,3	8,4	7,4	4,6	3,9	-2,4
НАО	-	-	5,3	5,0	4,6	-
Вологодская область	11,0	8,4	5,9	5,0	5,0	-6,0
Мурманская область	7,9	13,5	6,4	7,8	6,8	-1,1

* Включая организации, осуществляющие маркетинговые и организационные инновации.
Источник: данные Росстата.

Таблица 6. Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП, %

Территория	Год							2018 год к 1992 году, раз
	1998	2000	2005	2010	2015	2017	2018	
РФ*	0,95	1,05	1,07	1,13	1,10	1,11	0,98	0,03
СЗФО	1,48	1,86	1,72	1,79	1,78	1,72	1,59	0,11
Республика Карелия	0,19	0,22	0,21	0,47	0,50	0,37	0,39	0,20
Республика Коми	0,33	0,44	0,39	0,45	0,45	0,41	0,30	-0,02
Архангельская область	0,16	0,21	0,21	0,19	0,23	0,21	0,19	0,03
в т. ч. Ненецкий автономный округ	н. д.	0,02	0,01	0,03	0,03	0,01	0,01	-
Вологодская область	0,09	0,05	0,04	0,11	0,08	0,09	0,11	0,02
Мурманская область	0,51	0,67	0,81	0,86	0,63	0,51	0,54	0,03
* К ВВП. Источник: данные Росстата.								

Для сравнения: в Швеции около 48% общего количества промышленных организаций внедряют технологические инновации, Дании – 40%, Норвегии – 33% и др.⁴

Инновационная активность в значительной мере зависит от объемов государственного и частного финансирования данных процессов. Одним из ключевых показателей, используемых в мире для оценки, является доля внутренних затрат на исследования и разработки к общему объему валового внутреннего (валового регионального) продукта. Проведенный анализ свидетельствует о том, что объемы таких расходов в России и ее северных регионах крайне низкие: в 2018 году в среднем по стране они составляли менее 1%, а в большинстве субъектов ЕСР не превышали и 0,5% (табл. 6).

В то же время в развитых северных странах мира данный показатель имеет существенно более высокое значение (по паритету покупательной способности): в 2017 году в Швеции он составлял 3,25%, Дании – 2,87%, Финляндии – 2,75%, Исландии – 2,03%, Норвегии – 2,03%, Канаде – 1,53%⁵.

Выводы и предложения

Таким образом, результаты проведенного анализа свидетельствуют о низкой инновационной активности северных регионов страны даже по сравнению со среднероссийским уровнем. Постсоветский период характеризуется разрушением кадрового потенциала ЕСР уже с самых начальных стадий инновационного цикла (сокращается число студентов и исследователей); в целом для всех экономических агентов национальной экономики (ученых, бизнеса, населения) общей проблемой является низкая изобретательская и инновационная активность.

Ключевыми причинами этого выступают недостаточный уровень финансирования исследований и разработок как со стороны государства, так и частного сектора; низкое качество существующей институциональной и организационной структуры инновационного комплекса страны [24]; усиливающаяся сырьевая специализация России и «отторжение» инноваций ее экспортно-сырьевой моделью (в то же время, например,

⁴ Инновационная активность организаций промышленного производства. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/10/18/110774820/NTI_N_24_18102016.pdf

⁵ Гохберг Л.М., Дитковский К.А., Дьяченко Е.Л. Индикаторы науки: 2019: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2019. С. 277.

в Норвегии в добывающий сектор экономики активно внедряются инновации, развиваются новые технологии добычи нефти и пр.⁶

При этом на основе анализа успешного зарубежного опыта следует отметить, что в России цепочки R&D не замкнуты, поскольку в них зачастую отсутствуют такие важные элементы, как инжиниринговые центры, центры мелкосерийного производства, частные венчурные фонды; практически не развито технологическое предпринимательство как «мостик» между фундаментальной наукой и предприятиями реального сектора экономики [25]. Научно-образовательные организации практически не имеют тесного и эффективного взаимодействия с корпорациями и предприятиями реального сектора экономики [26].

Сформированная во времена СССР система научных учреждений, которая была встроена в единую систему научных организаций Северного экономического района, в условиях рынка и нарастания дезинтеграционных процессов в научно-технологическом пространстве страны столкнулась с целым рядом проблем, которые в одиночку решить весьма проблематично (старение кадров, разрушение научного потенциала организаций и научных школ; нарастание до критических значений морального и физического износа материальной базы учреждений, низкие финансовые возможности научно-образовательных организаций и пр.).

Так, многие научные организации Европейского Севера России в настоящее время занимаются исследованием схожей проблематики (например, в лесном хозяйстве: ФБУ «Северный научно-исследовательский институт лесного хозяйства» (Архангельская область), Институт леса Карельского научного центра РАН (Республика Карелия) и др., геологии: Институт геологии Карельского НЦ РАН (Республика Карелия), Институт геологии Коми НЦ УрО РАН (Республика Коми) и др., физиологии и здоровья человека: Институт физиологии природных адаптаций УрО РАН (Архангельская область),

Институт физиологии Коми НЦ УрО РАН (Республика Коми) и др. И если в период плановой экономики указанные организации, а также целый ряд других отраслевых учреждений, активно кооперировались для решения общих задач развития Северного экономического района, то в условиях рынка отношения кооперации вытеснила конкуренция. Такая разрозненность деятельности научных коллективов, сопровождающаяся сжатием кадрового и научного потенциала, недостатком финансирования, не позволяет решать масштабные задачи актуальной мировой и национальной R&D повестки.

С учетом важности данных проблем в последние годы на федеральном уровне был принят ряд стратегических документов (к числу важнейших среди них можно отнести нацпроект «Наука и университеты»), имеющих целью создание условий для развития интеграционных процессов в научно-технологической сфере:

- проект «5-100», направленный на повышение конкурентоспособности российских вузов в мире (2012–2020 гг.);
- программа стратегического академического лидерства, которая предполагает создание отраслевых консорциумов (университеты, бизнес, НИИ); ориентирована на поддержку процессов коммерциализации процессов исследовательской деятельности и их внедрения в реальный сектор экономики; повышение уровня подготовки кадров;
- формирование сети 15 научно-образовательных центров (НОЦ) мирового уровня для интеграции образовательных организаций высшего образования и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики. При этом предприятия – участники НОЦ будут получать налоговые льготы.

Эти программы направлены на консолидацию усилий, ресурсов основных участников и преодоление «долины смерти» в современной инновационной модели развития России, т. е. устранение «разрывов» между наукой и реальным сектором экономики

⁶ NTNU Strategy for Oil & Gas (Links to an external site), Norwegian University of Science and Technology. URL: http://www.ipt.ntnu.no/BRU21_Report.pdf

при реализации инновационных проектов, подготовку сегмента технологических предпринимателей.

В настоящее время рассматривается возможность создания на территории Европейского Севера России НОЦ мирового уровня «Экосистема жизнедеятельности человека в условиях Севера» (инициатор – Республика Коми). Направлениями его деятельности могут стать медицинское сопровождение отраслей, участвующих в программах развития Севера, освоения Арктики; разработка цифровых платформ для сбора медицинских данных; разработка перспективной технологии ускоренной адаптации человека, живущего и работающего на Севере, с целью совершенствования медико-биологического обеспечения профессиональной деятельности.

Более масштабным трансрегиональным НОЦ является «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования». Он был создан в 2019 году и в 2020 году получил поддержку федерального уровня (инициаторы – Архангельская, Мурманская области, Ненецкий автономный округ; среди участников – республики Коми, Карелия).

Основными направлениями его деятельности выступают:

- материалы и технологии для судостроения и морской арктической техники;
- развитие высокотехнологичных производств в Арктике (добыча и переработка полезных ископаемых, синтез новых материалов);
- жизнедеятельность человека в Арктике;
- биоресурсы Арктической зоны РФ;
- Северный морской путь и связанность арктических территорий⁷.

НОЦ представляет собой сетевую структуру с центром в г. Архангельске. Одним из преимуществ и конкурентных позиций арктического НОЦ является интеграция про-

странства научно-технологической и экономической деятельности, в том числе за счет наличия развитой транспортной инфраструктуры межрегионального значения, морских портов; определенных, исторически сложившихся связей научных и образовательных организаций, располагающихся в разных субъектах РФ.

По результатам конкурсного отбора научно-образовательных центров мирового уровня в декабре 2020 года в число пяти победителей вошел и НОЦ «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования»⁸. Для его дальнейшего развития предполагается выделение специальных грантов (субсидий) из федерального бюджета.

Создаваемые в настоящее время сетевые структуры и консорциумы станут эффективными, на наш взгляд, только при условии, если отдельные компоненты такой инновационной системы будут интегрированы между собой. Кроме того, необходимо:

- формирование благоприятной институциональной среды в рамках деятельности НОЦ (бизнес-инкубаторов и акселераторов, технологических предпринимателей, инвестиционных венчурных фондов и проектного финансирования);
- реализация кадровой политики, направленной на возвращение со студенческой скамьи инноваторов, а также привлечение высококвалифицированных кадров со всего мира для обеспечения необходимой «плотности» исследовательской деятельности (например, в Китае для этого реализуется план «Павлин»⁹);
- построение деятельности участников по принципу специализации и кооперации, что требует определенной организационной и научной трансформации исследовательских организаций, в том числе в рамках

⁷ Научно-образовательный центр «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования». URL: <http://www.arcticshipbuilding.com/assets/files/Presentation/2019/6EvseevMK.pdf>

⁸ См. подробнее: Распоряжение Правительства РФ от 3 декабря 2020 г. № 3182-р «Перечень победителей конкурсного отбора 2020 года для последующего предоставления государственной поддержки научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции образовательных организаций высшего образования и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики». URL: <http://static.government.ru/media/files/H2swwqOZwPLjD8x2yRAVsko0sADMqyTt.pdf>

⁹ См.: China's Skills Gap: Will Shenzhen's New 'Peacock Plan' Fly? URL: <https://knowledge.wharton.upenn.edu/article/chinas-skills-gap-will-shenzhens-new-peacock-plan-fly>

международного сотрудничества со странами Баренц/Евроарктического региона.

Вклад представленного исследования в развитие теоретической и прикладной науки заключается в комплексном анализе проблем инновационного развития субъектов Европейского Севера России в постсоветский период с учетом специфики каждой стадии инновационного цикла и необходимости преодоления дезинтеграционных процессов в научно-технологической сфере страны; обосновании на основе критического анализа мирового опыта ключевых прин-

ципов, условий и факторов развития инновационных центров в северных регионах; концептуальных направлений обеспечения инновационного развития северных территорий в контексте их интеграции в экономическое пространство страны.

Следующий этап работы будет посвящен критическому анализу зарубежного опыта деятельности «регионов-знаний», в том числе северных стран, и разработке механизмов развития потенциала и интеграции научно-технологического пространства Европейского Севера России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чупров А.С. Энергетика Республики Коми. История электрификации и теплофикации народного хозяйства (1908–1965). Сыктывкар, 2000. С. 215–218, 220–223.
2. Graham L. Big science in the last years of the big soviet union. *Osiris*, 1992, no. 7, pp. 49–71.
3. Кожевников С.А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства // Вопросы территориального развития. 2019. № 3 (48). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28193> DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1
4. Krugman P. First Nature, second nature, and metropolitan location. *Journal of Regional Science*, 1993, vol. 33:2, pp. 129–144.
5. Schumpeter J.A. The theory of economic development: An inquiry into profits, capital, credit, interest and the business cycle. *Harvard Economic Studies*, 1934, vol. 46.
6. Hägerstrand T. *Innovation Diffusion as a Spatial Process. Postscript and Translation by A. Pred.* Chicago and London: University of Chicago Press, 1967. 334 p.
7. Теребова С.В., Губанова Е.С. Активизация инновационного процесса в регионе: монография. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. 179 с.
8. Дусаев Х.Б. Инновации: теоретический аспект // Вестн. ОГУ. 2003. № 6. С. 123–128.
9. Золотова Л., Еременко О. Инновации как объект государственного регулирования // Экономист. 2004. № 7. С. 34–40.
10. Анализ инновационного потенциала северных регионов России / Ю.А. Гаджиев [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). С. 236–254. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.13
11. Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 544 с.
12. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Модернизационные процессы в инновационно-промышленном комплексе Севера и Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 2 (53). С. 4–16.
13. Стыров М.М., Колечков Д.В., Шляхтина Н.В. Слабости и возможности развития инновационного потенциала северных регионов России // Вестн. ин-та экон. исслед. 2017. № 3 (7). С. 118–129.
14. Тишков С.В. Инновационное развитие приграничного региона и проблемы его оценки (на примере Республики Карелия) // Изв. высших учебных заведений. Сер.: Экономика, финансы и управление производством. 2017. № 3 (33). С. 34–37.

15. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Оценка развития и типологии северных регионов России в контексте факторов конкурентной привлекательности // Изв. Русского географического общества. 2018. Т. 150. Вып. 5. С. 56–71.
16. Калинина М.Р., Кондратов Н.А. Инновационный вектор конкурентоспособности стран Северной Европы: опыт Швеции // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 5–28.
17. Никифорова А.Э. Институциональные основы инновационного развития: опыт Швеции // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 65–73.
18. Петров А.Н., Збеед С.О., Кавин Ф.А. Арктическая экономика знаний: географические аспекты производства новых знаний и технологий в Арктике // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 5–22. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.5
19. Porter M.E. Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*, 1998, vol. 76, no. 6, pp. 77–90.
20. Morgan K. The Learning region: institutions, innovation and regional renewal. *Regional Studies*, 1997, vol. 31, no. 5, pp. 491–503.
21. Pecas P., Henriques E. Best practices of collaboration between university and industrial SMEs. *Benchmarking an International Journal*, 2003, no. 13 (1), pp. 54–67.
22. Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. № 4 (150). С. 5–10.
23. Архипова М.Ю., Карпов Е.С. Исследование изобретательской активности России и стран мира на основе патентных информационных ресурсов // Вопросы статистики. 2014. № 7. С. 56–63.
24. Неклесса А.И., Щедровицкий П.Г. Инновационная Россия // Экономические стратегии. 2003. № 5. С. 30–35.
25. Якушев Н.О. Роль технологического предпринимательства в развитии региона // Стратегии бизнеса. 2020. Т. 8. № 8. С. 201–205.
26. Кожевников С.А. Особенности развития государственно-частного партнерства в регионах России // Вопросы территориального развития. 2015. № 9 (29). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1645>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

Kozhevnikov S.A.

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN NORTH IN THE CONTEXT OF INTEGRATION OF THE COUNTRY'S ECONOMIC SPACE

In the context of increasing geopolitical instability, and transiting the world economy to a new technological order, the transformation of its export-raw material model of economy and the transition to innovative development path are already a critical task for modern Russia. These issues are especially relevant for the northern territories of the country which have a huge natural resource and geostrategic potential. Their economy is based on mining. There was a tendency to further primitivize its structure in the post-Soviet period. At the same time, the experience of the developed countries (Sweden, Denmark, Norway, Canada, etc.) shows that the northern territories can be innovative development centers not only at the national, but also at the global level. In this

regard, it is necessary to create favorable institutional, organizational and economic conditions for the integration and development of the scientific and technological potential of the country's northern regions. The purpose of the work is to study the features of innovative development of the Russian North in the context of integration of the economic space. The author has considered theoretical and methodological aspects, and carries out a critical analysis of the innovative development experience of the world's northern regions. Based on this, the article identifies the key principles, conditions and factors of dynamic development of the innovation centers in the Nordic countries. At the present stage, the innovative development analysis of the Russian North has shown that the key problems are the destruction of the region's human potential from the very initial stages of the innovation cycle, low inventive and innovative activity, insufficient funding for research and development by both the state and the private sector, low quality of the existing institutional and organizational structure of the innovation complex. The researcher has analyzed the programs and projects of innovative development of the Russian North within consolidation of scientific and technological potential of the region's various subjects of the region. The author has proved the conceptual directions for ensuring innovative development of the northern regions in the context of their integration into the country's economic space.

Innovative development, northern regions, spatial development, space integration, research and education center.

REFERENCES

1. Chuprov A.S. *Energetika respubliki Komi. Istoriya elektrifikatsii i teplofikatsii narodnogo khozyaistva (1908–1965)* [Energy of the Komi Republic. The History of Electrification and Heating of the National Economy (1908–1965)]. Syktyvkar, 2000, pp. 215–218, 220–223.
2. Graham L. Big science in the last years of the big Soviet union. *Osiris*, 1992, no. 7, pp. 49–71.
3. Kozhevnikov S.A. Strategy for Russia's spatial development and prospects for Russian space transformation. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 2019, no. 3 (48). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28193> DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1 (in Russian).
4. Krugman P. First nature, second nature, and metropolitan location. *Journal of Regional Science*, 1993, vol. 33:2, pp. 129–144.
5. Schumpeter J.A. The Theory of Economic Development: An Inquiry Into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle. *Harvard Economic Studies*, 1934, vol. 46. 255 p.
6. Hägerstrand T. *Innovation diffusion as a spatial process. Postscript and translation by A. Pred.* Chicago and London: University of Chicago Press, 1967. 334 p.
7. Terebova S.V., Gubanova E.S. *Aktivizatsiya protsessa v regione: monografiya* [Activation of the Innovation Process in the region: Monograph]. Vologda: BNKTs TsEMI RAN, 2009. 179 p.
8. Dusaev K.B. Innovations: theoretical aspect. *Vestnik OGU=Vestnik. Orenburg State University*, 2003, no. 6, pp. 123–128 (in Russian).
9. Zolotova L., Eremenko O. Innovations as an object of state regulation. *Ekonomist=Economist*, 2004, no. 7, pp. 34–40 (in Russian).
10. Gadzhiev Yu.A. et al. Analysis of innovation potential of northern Russian region. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6 (48), pp. 236–254. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.13 (in Russian).
11. Pilyasov A.N. *I poslednie stanut pervymi: Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the Latter Will Be the First: the Northern Periphery on the Path to the Knowledge Economy]. Moscow: Izd. dom "LIBROKOM", 2009. 544 p.

12. Tsukerman V.A., Goryachevskaya E.S. Modernization processes in the North and the Arctic innovation-industrial sector. *Sever i ryok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka=The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2017, no. 2 (53), pp. 4–16 (in Russian).
13. Styrov M.M., Kolechkov D.V., Shlyakhtin N.V. Weaknesses and opportunities of developing the innovative capacity of northern regions of Russia. *Vestnik instituta ekonomicheskikh issledovaniy=Vestnik of Institute of Economic Research*, 2017, no. 3 (7), pp. 118–129 (in Russian).
14. Tishkov S.V. Innovation development of the border region and problems of its assessment (on the example of the Republic of Karelia). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom=News of Higher Educational Institutions. A Series "Economy, Finance and Production management"*, 2017, no. 3 (33), pp. 34–37 (in Russian).
15. Grinchel' B.M., Nazarov E.A. Assessment of the development and typology of the Russia's northern regions in the context of the factors of competitive attractiveness. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva=Bulletin of the Russian Geographical Society*, 2018, vol. 150, iss. 5, pp. 56–71 (in Russian).
16. Kalinina M.R., Kondratov N.A. The innovative vector of the Nordic countries' competitiveness: case of Sweden. *Arctika i sever=Arctic and North*, 2018, no. 33, pp. 5–28 (in Russian).
17. Nikiforova A.E. The institutional framework of innovative experience: the Swedish experience. *Znanie. Ponimanie. Uminei=Knowledge. Understanding. Skill*, 2013, no. 4, pp. 65–73 (in Russian).
18. Petrov A.N., Zbeed S.O., Cavin Ph.A. Arctic's knowledge economy: spatial patterns of knowledge and technology production in the Arctic. *Arctika i sever=Arctic and North*, 2018, no. 30, pp. 5–22. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.5 (in Russian).
19. Porter M.E. Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*, 1998, vol. 76, no. 6, pp. 77–90.
20. Morgan K. The Learning region: institutions, innovation and regional renewal. *Regional Studies*, 1997, vol. 31, no. 5, pp. 491–503.
21. Pecas P., Henriques E. Best practices of collaboration between university and industrial SMEs. *Benchmarking an International Journal*, 2003, no. 13 (1), pp. 54–67.
22. Etzkowitz H. Triple Helix Model. *Innovatsii=Innovations*, 2011, no. 4 (150), pp. 5–10 (in Russian).
23. Archipova M.Yu., Karpov E.S. Research of inventive activity in Russia and some countries of the world on the basis of patent information resources. *Voprosy statistiki=Bulletin of Statistics*, 2014, no. 7, pp. 56–63 (in Russian).
24. Neklessa A.I., Shchedrovitskii P.G. Innovative Russia. *Ekonomicheskie strategii=Economic Strategies*, 2003, no. 5, pp. 30–35 (in Russian).
25. Yakushev N.O. The role of technological entrepreneurship in the development of the region. *Strategii biznesa=Business Strategies*, 2020, vol. 8, no. 8, pp. 201–205 (in Russian).
26. Kozhevnikov S.A. Specifications of public-private partnership development in Russian regions. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 2015, no. 9 (29). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1645> (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kozhevnikov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.8

УДК 337.2 | ББК 65.2/4

© Ковалева Т.Ю., Базуева Е.В., Симонян Е.Р.

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КЛАСТЕРНЫХ ПРОЕКТОВ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА КОВАЛЕВА

Пермский государственный национальный исследовательский университет

г. Пермь, Российская Федерация

e-mail: kovalevatu@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1646-6820; ResearcherID: E-1302-2017

ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА БАЗУЕВА

Пермский государственный национальный исследовательский университет

г. Пермь, Российская Федерация

e-mail: bazueva.l@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0945-3597; ResearcherID: E-1233-2017

ЕВА РУСТАМОВНА СИМОНЯН

Пермский государственный национальный исследовательский университет

г. Пермь, Российская Федерация

e-mail: eva.simonyan97@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7186-934X

В условиях глобализации экономического пространства интенсифицируются процессы интеграции региональных и национальных социально-экономических систем, а также коллаборации между отдельными экономическими агентами. При этом условия внешней среды характеризуются усилением нестабильности и неопределенности, что актуализирует необходимость внедрения риск-менеджмента в системы управления данными процессами, активными участниками которых сегодня становятся отечественные кластеры. Решающее значение приобретает сотрудничество

Для цитирования: Ковалева Т.Ю., Базуева Е.В., Симонян Е.Р. Модель управления рисками международных кластерных проектов как элемент системы риск-менеджмента территориальных кластеров // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 138–156. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.8

For citation: Kovaleva T.Yu., Bazueva E.V., Simonyan E.R. Risk management model of international cluster projects as an element of the risk management system of territorial clusters. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 138–156. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.8

территориальных кластеров с зарубежными партнерами, однако изучению специфики управления его рисками в современной литературе уделяется недостаточно внимания. В связи с этим целью нашего исследования выступает формирование концептуальной модели управления рисками международных кластерных проектов, способствующей эффективному функционированию системы управления территориальным кластером. Теоретический обзор основных подходов к построению моделей управления рисками кластеров позволил определить, что они являются узкоспециализированными, предлагают преимущественно отраслевые инструментальные решения и не учитывают многообразие проявлений фактора риска в международном сотрудничестве. С учетом ограничений разработана авторская концептуальная модель управления рисками международного кластерного проекта, включающая следующие этапы: 1) идентификация и экспертная оценка рисков; 2) оценка интегрального показателя риска; 3) разработка управленческих решений по минимизации возможных негативных последствий и угроз реализации проекта; 4) анализ полученных результатов и корректировка управленческих решений; 5) мониторинг и контроль рисков. Отличительными особенностями авторской модели являются ориентация на комплексную, всестороннюю оценку рисков международного кластерного сотрудничества; акцент на концептуальных основах построения системы стратегического риск-менеджмента кластера; анализ и учет сложившихся лучших практик управления рисками международного кластерного проекта, возможность обмена опытом и обучения партнеров проекта; формирование единой системы координат в области видения партнерами рисков международного кластерного проекта. На примере проекта сотрудничества фармацевтического кластера Пермского края с зарубежными компаниями-партнерами продемонстрирована роль модели в построении эффективной системы управления территориальным кластером как составляющей риск-менеджмента, повышающей обоснованность управленческих решений, помогающей оценить вероятность наступления рисков экзогенного и эндогенного характера и их своевременного нивелирования.

Международный кластерный проект, риск-менеджмент, территориальный кластер, система управления кластером, риски кластерных проектов, эндогенные, экзогенные риски, модель управления, управленческие решения.

Введение

В последние годы все большую актуальность приобретает дискуссия об организации эффективных систем управления кластерами. При этом обсуждению подлежат как проблемы управления кластерами на микро- и мезоуровнях экономической иерархии, так и вопросы, акцентирующие внимание на значимости формирования национальных и глобальных информационно-аналитических систем управления кластерным пространственным развитием территорий (подробнее см. [1]). Все чаще данные проблемы обсуждаются в связи с сокращением пространственной поляризации в развитии национальных социально-экономических систем, поскольку повышение эффективности функционирования предприятий, входящих в территориальные кластеры, обеспечивает оптимизацию размещения производительных сил территории и, как следствие,

влияет на рост и конкурентоспособность региональной экономики в целом. Кроме того, специфика экономики региона формирует определенный тип институциональной среды локализации кластерных структур, который определяет возникновение различного рода ограничений, обуславливающих успешность осуществления кластерных проектов, а значит, влияющих на возникновение особых видов рисков при их реализации.

Глобализация экономического пространства интенсифицирует не только процессы интеграции региональных и национальных социально-экономических систем, но и коллаборации между отдельными экономическими агентами. В связи с этим актуализируются проблемы возникновения различных видов рисков при реализации отечественными кластерами совместных с зарубежными партнерами проектов, что повышает значимость разработки эффек-

тивного кластерного инструментария для управления рисками. Неполная оценка рисков при реализации международных кластерных проектов (далее – МКП) и, как следствие, неэффективный риск-менеджмент ведут к существенным экономическим потерям участников международной кластерной коллаборации. Учитывая сказанное, можно сделать вывод о том, что проблематика моделирования управления рисками МКП вызывает особый интерес и требует глубокого исследования.

Анализ научной литературы по вопросам оценки и управления рисками кластеров показал, что специфика международного сотрудничества территориальных кластеров с зарубежными партнерами оказалась малоизученной. Вследствие этого в числе приоритетных задач, которые решались нами на первых этапах исследования, оказались вопросы, касающиеся определения сущности МКП и риска МКП, моделирования среды возникновения рисков [2] и их классификации [3]. Далее был разработан методический подход к оценке рисков МКП как эффективный инструмент риск-менеджмента кластера, заинтересованного в реализации проектов совместно с зарубежным партнером. Методика оценки рисков МКП и ее апробация обстоятельно изложены в работе [4]. В продолжение авторского исследования целью нашей статьи является формирование концептуальной модели управления рисками МКП, способствующей эффективному функционированию системы управления территориальным кластером. Для достижения поставленной цели в исследовании решаются следующие взаимосвязанные задачи: 1) обосновать теоретический базис построения моделей управления рисками кластеров; 2) сформировать авторскую модель управления рисками МКП и интерпретировать ее содержательные элементы.

Обзор основных подходов к построению моделей управления рисками кластеров

Специализированная научная литература и опыт практиков свидетельствуют о решаю-

щей роли фактора риска в управлении проектами (см., например, работы Т. Kendrick [5], С. Chapman, S. Ward [6], N. Marks [7], К. Хелдмана [8], R. Dandage, S. Mantha, S. Rane [9], M.-V. Florin [10]). Одной из самых обсуждаемых является также проблема управления кластерными рисками, что говорит о том, насколько актуален данный вопрос для успешного функционирования кластеров и реализации кластерных проектов (см., например, труды С.Н.М. Ketels и О. Memedovic [11], R. Huggins [12], R. Martin и P. Sunley [13], И.В. Измалковой, Ю.В. Вертаковой [14], Р.Т. Ханнановой [15], А.С. Узбековой, А.Ф. Плехановой и Н.А. Шибанова [16], М.А. Степанова [17]). В свете этой тенденции мы исследуем модели управления рисками кластеров и кластерных проектов как прикладные инструменты риск-менеджмента.

Основные результаты литературного обзора систематизированы в *табл. 1*.

Обращаясь к обзору публикаций, отметим, что в зарубежных исследованиях активно обосновывается значимость управления рисками кластеров и кластерных проектов, однако не всегда уделяется внимание разработке полноценных теоретических и прикладных моделей риск-менеджмента для кластерных структур.

Например, на необходимость создания оригинальных моделей и методов формирования интегрального кластера знаний, инноваций и технологий с учетом эффектов глобализации, фактора неопределенности и риска указывает исследование A.V. Rutkauskas [18].

Как отмечают А. Di Minin и М. Rossi, успешному развитию кластеров и минимизации рисков способствует модель открытых инноваций. В их работе также продемонстрирована роль доверия, репутации, надежности и взаимной ответственности участников сотрудничества при реализации рискованных проектов [19, с. 89–90].

В исследовании G.G. Bell и S. Deng [20] подтверждается, что формирование и развитие кластеров способствует снижению систематического риска фирм, входящих в него. Другими словами, кластеризация как

Таблица 1. Характеристика моделей управления рисками кластеров и кластерных проектов и специфика их применения

Авторы, источники	Основные характеристики	Ограничения области применения
A.V. Rutkauskas, J. Raudeliuniene, I. Racinskaja [18]	Модель учитывает рисковую составляющую в рамках формирования стратегии универсальной устойчивости развития национальной экономики в условиях глобализации посредством создания интегрального кластера знаний, инноваций и технологий	Разработана для создания кластера знаний, инноваций и технологий как инструмента повышения конкурентоспособности страны
A. Di Minin, M. Rossi [19]	Модель открытых инноваций как инструментарий управления рисками кластеров	Разработана для кластеров, реализующих стратегии открытых инноваций
G.G. Bell, S. Deng [20]	Модель на основе применения инструментария экономико-математического моделирования демонстрирует, что кластеризация в региональной экономике может рассматриваться как фактор снижения систематического риска, а также приводить к росту несистематического риска фирм – участников кластера	Разработана для определения влияния кластеров на систематический и несистематический риск фирм
И.В. Измалкова, Ю.В. Вертакова, Е.Д. Леонтьев [14; 21; 22]	Модель обеспечивает диверсификацию рисков предприятий – участников кластера, алгоритм формирования которой в контексте управления рисками включает поэтапную схему ее реализации	Разработана для управления рисками предприятий, которые объединены в кластер по типу «кристаллеровской решетки»
A.C. Узбекова, А.Ф. Плеханова, Н.А. Шибанов [16; 23]	Управление рисками включает применение инструментов портфельной теории и позволяет принимать практические решения о создании, расширении, сужении, ликвидации кластеров. С точки зрения лица, принимающего управленческие решения, значение, прежде всего, имеют риск создания кластеров, риск попадания в кластер (выхода из него) и риск расширения (сужения) кластера, а также их деление на микро- и макроэкономические риски	Разработана для оценки и управления кластерными рисками, имеющими только микро- и макроэкономические основания
Е.В. Иода [24]	Моделирование кластеризации экономики региона, направленное на формирование инновационных кластеров, предполагает выработку механизмов управления рисками для реализации конкретных кластерных проектов	Разработана для управления рисками региональных инновационных кластеров и их проектов
Р.Т. Ханнанова [15]	Модель включает многоуровневую систему функционально взаимосвязанных элементов развития промышленного комплекса региона, обеспечивающую достижение стратегических целей развития отраслевых кластеров с учетом факторов риска	Разработана для управления кластерными рисками четырех типов: организационные, технологические, экономические и социальные
Э.В. Хлынин, Е.Ю. Титова [25]	Модель содержит экономико-математический инструментарий оценки и управления различными видами экономических рисков участников кластера, осуществляющих проектное финансирование. Визуализация модели осуществлена на примере создания единого заготовительного производства в сфере машиностроения	Разработана только для участников проектного финансирования при создании кластера
И.В. Бушуев [26]	Моделирование целесообразности управления развитием сервиса в регионе на основе кластерного подхода, включающего синтез ресурсного потенциала и рискованной составляющей, обеспечивающее успешность создания регионального сервисного кластера	Разработана для оценки и управления рисками реализации инвестиционных проектов, связанных с созданием сервисных кластеров в сфере туризма, образования и научного обслуживания
Ю.Г. Герцик [27]	Управление рисками базируется на модели взаимодействия участников кластера предприятий медицинской промышленности и здравоохранения, определяющей роль системы контроллинга как звена, собирающего и анализирующего информацию от всех участников кластера, с целью принятия управленческих решений по минимизации, нивелированию и страхованию рисков	Разработана для оценки вероятных рисков неэффективного развития кластеров в сфере медицинской промышленности и здравоохранения на основе методов ранжирования и финансово-экономического анализа и управления ими посредством системы контроллинга

Источник: составлено авторами.

одна из форм «региональной географической сигнатуры» оказывает положительное влияние на риск снижения стоимости активов фирмы в результате действия макроэкономических факторов. Однако в то же время

интенсивная конкуренция фирм в условиях кластера ведет к увеличению несистематического риска, т. е. риска, не связанного с воздействием макроэкономической среды на кластер. Выводы G.G. Bell и S. Deng могут

быть использованы для разработки теоретико-методических подходов к управлению систематическим и несистематическим рисками фирм в кластере.

Среди отечественных исследований особо выделяются несколько публикаций.

Так, И.В. Измалкова на основе теории центральных мест В. Кристаллера предлагает модель объединения предприятий региона в кластер, предусматривающую инструментарий управления кластерными рисками¹ [22, с. 176]. Реализация данной модели обеспечивается авторской иерархической классификацией рисков предприятий – участников кластера и методикой их комплексной оценки, отличающейся использованием сбалансированной системы риск-ориентированных показателей деятельности кластера, идентифицированных в рамках функционально-целевого подхода [21].

А.С. Узбекова с соавторами разработали инструментарий оценки и управления микро- и макроэкономическими рисками кластерных объединений и их субъектов на основе рассмотрения кластера как частного случая портфеля активов и синтеза моделей Capital Asset Pricing Model и Arbitrage Pricing Theory [16; 23, с. 420–422].

Некоторые ученые при описании основных задач управления кластерными рисками фокусируют внимание на региональном уровне функционирования кластеров. Другими словами, специфика региона как мезоэкономической системы локализации кластеров должна учитываться при разработке моделей управления кластерными рисками. Например, Е.В. Иода на основе концепции «риск – ресурс» предлагает рассматривать кластерную модель регионального развития через призму управления рисками инновационных кластеров [24]. Р.Т. Ханнанова указывает на то, что кластерная модель развития промышленного комплекса региона позволяет минимизировать риски за счет создания комплексного организационно-экономического механизма риск-менеджмента [15, с. 174–175]. Данный

механизм базируется на концептуальных положениях и элементах стратегического планирования, оценки и прогнозирования рисков кластеров [15, с. 176].

В работах Э.В. Хлынина, Е.Ю. Титовой [25], И.В. Бушуевой [26], Ю.Г. Герцик [27] представлены результаты отраслевых исследований по вопросу управления рисками кластеров.

Например, в статье Э.В. Хлынина и Е.Ю. Титовой предложена модель зависимостей экономических рисков, а также обоснованы способы их снижения для каждого участника кластера проектного финансирования при создании единого заготовительного производства в сфере машиностроения, среди которых машиностроительные предприятия, проектная компания, коммерческий банк и поставщики материальных ресурсов [25, с. 134–139].

В свою очередь И.В. Бушуева обосновала возможности синтетического подхода, объединяющего факторы ресурсного потенциала и рискованной составляющей, для принятия управленческих решений в отношении формирования сервисных кластеров с целью развития индустрии услуг в региональной социально-экономической системе [26]. В ее методике учитывается специфика системы ресурсного потенциала кластера и инфраструктурной составляющей региона, прогнозируется результативность реализации инвестиционного проекта, связанного с созданием сервисного кластера, а также оцениваются кластерные риски трех типов – отраслевые, региональные и общие.

В исследовании Ю.Г. Герцик [27] предложена система контроллинга для принятия решений в области управления рисками кластеров предприятий медицинской промышленности. Разработанный подход включает алгоритм оценки рисков функционирования предприятий в структуре кластера путем ранжирования негативного воздействия факторов внутренней и внешней среды, а также модель взаимодействия модуля контроллинга с участниками кластера [27, с. 765, 771]. Система контроллинга, по мнению автора, обеспечивает повыше-

¹ Подробнее также см.: Измалкова И.В. Управление рисками предприятий кластерных структур: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Курск, 2019. 211 с.

ние эффективности формирования и реализации управленческих решений, минимизацию рисков и успешно применяется в управлении био-медико-техническим кластером «Техномед».

В заключение следует отметить, что проблема управления непосредственно рисками проектов, инициированных и реализуемых кластерами и их участниками, раскрывается в ограниченном количестве публикаций. В этих работах акценты сделаны на разработке узкоспециализированных методических подходов и инструментальных решениях, таких как обоснование управленческих действий при реализации инновационных проектов предприятий в структуре кластера [28], применение игрового имитационного моделирования для оценки и управления рисками кластерных проектов предприятий и рисками специализированной кластерной организации [29], создание механизма управления кластерным риском посредством алгоритмизации его перераспределения применительно к проектам инновационного кластера [30], разработка методов диверсификации рисков в совместно реализуемых кластерами проектов [22] и др.

При этом за рамками современных исследований остаются вопросы управления рисками МКП, опыт участия отечественных предприятий в которых показывает, что имеющихся подходов к управлению рисками кластеров недостаточно для оказания эффективных управленческих воздействий на многообразные факторы риска международного сотрудничества. Требуются специальные методы и модели диагностики и управления рисками МКП, учитывающие специфику возникновения ситуаций неопределенности, связанных с появлением потерь или ущерба при реализации комплекса совместных мероприятий, осуществляемых в течение определенного времени на основе объединения ресурсов, усилий организационного, производственного, научно-исследовательского характера участников кластера, локализованных на территориях двух и/или более стран.

Принимая во внимание вышесказанное, далее представим авторскую концептуальную модель управления рисками МКП.

Управление рисками международных кластерных проектов: разработка, интерпретация и пример применения концептуальной модели

Моделирование системы управления рисками МКП, направленное на определение возможностей оказывать управленческие воздействия в целях нивелирования наступления неблагоприятных событий или снижения вероятности их наступления, а также тяжести экономического ущерба, состоит из следующих этапов:

- 1) идентификация и экспертная оценка рисков МКП;
- 2) оценка интегрального показателя риска МКП;
- 3) разработка управленческих решений по минимизации возможных негативных последствий и угроз реализации МКП;
- 4) анализ полученных результатов и корректировка управленческих решений, связанных с реализацией МКП;
- 5) мониторинг и контроль рисков МКП.

В контексте достижения цели исследования необходимо акцентировать внимание на методическом инструментарии оценки рисков МКП, который выступает обоснованием при разработке и реализации модели управления рисками. Как показывают результаты его апробации на примере фармацевтического кластера Пермского края [4, с. 442–450], он дает целостную картину о вероятности наступления рискованных событий, позволяет провести комплексные математические расчеты, включающие следующие аналитические процедуры оценки рисков²:

1. Пошаговый алгоритм расчета интегрального показателя риска сотрудничества территориального кластера с зарубежным партнером (RICP, Risk of International Cluster Project), основанный на оценке эндогенных и экзогенных рисков по группам рисков и вы-

² Подробное описание методики оценки рисков МКП дано в работе [4].

числении субиндексов эндогенного и экзогенного риска (RICPEnd и RICPExo)

Согласно авторской классификации рисков МКП [3], оценка субиндекса RICPEnd основывается на экспертной оценке четырех групп риска (управленческие, организационные, экономические и инновационные риски), включающих 13 показателей. В частности, в области управления МКП значения имеют: 1) квалификация персонала, занимающегося разработкой и реализацией МКП; 2) вероятность возникновения зависимости ожидаемых результатов реализации МКП от ключевого участника и его компетенций в области управления проектами; 3) согласованность действий специалистов по управлению проектами из разных стран и наличие разногласий в области управленческих подходов. Организационные риски МКП возникают в результате неэффективной организации: 4) системы информационного обмена между участниками МКП и 5) системы межорганизационных коммуникаций партнеров проекта, а также 6) образования эффекта мультиплицирования рисков участников проекта. Экономические риски эндогенного характера связаны с показателями эффективности МКП и включают: 7) риск неполучения целевых показателей прибыли МКП в результате возникновения потерь от реализации товаров и услуг, произведенных участниками проекта; 8) риск увеличения сроков окупаемости МКП и завышения стоимости в результате неточностей и ошибок в планировании проекта. Ракурс классификации факторов инновационного риска предполагает оценку рисков МКП на стадиях: 9) применения нового сырья, материалов и компонентов; 10) создания новой продукции; 11) использования новых моделей управления; 12) применения новых организационных форм ведения бизнеса; 13) открытия новых рынков [3, с. 586].

К оценке эндогенных рисков рекомендуется привлекать специалистов в области международного кластерного партнерства, государственных служащих, которые работают с кластерами и занимаются кластерной политикой, руководителей среднего

и высшего звена компаний – участников кластеров и специализированных кластерных организаций, ученых, занимающихся профильными кластерными исследованиями. Полученные экспертные оценки 13 показателей, описывающие эндогенные риски реализации МКП, ранжируются путем вычисления критерия компетентности для каждого эксперта, что позволяет обеспечить качество результатов оценки субиндекса RICPEnd [4, с. 433–435].

Для анализа экзогенных рисков и расчета значения субиндекса RICPExo в методике применяются различные рейтинги авторитетных международных организаций и объединений экспертов, например Рейтинг стран по уровню экономической свободы Фонда наследия, Рейтинг стран по уровню восприятия коррупции Transparency International, Глобальный индекс инноваций Корнелльского университета, индексы измерения культурных различий Г. Ховстеде и др. Соответственно субиндекс RICPExo включает 10 показателей оценки риска для страны – партнера проекта: 1) риск экономической несвободы; 2) общий инвестиционный риск; 3) риск коррумпированности страны; 4) риск ухудшения деловой активности; 5) риск развития нездоровой конкуренции; 6) риск избегания неопределенности; 7) риск фокусирования на краткосрочной перспективе; 8) риск авторитарности управления; 9) риск некооперативного поведения; 10) риск непринятия инноваций. При этом первые четыре показателя относятся к группе экономических, следующие пять – к группе культурных, а заключительный показатель характеризует инновационный риск в стране-партнере МКП [3, с. 586–587]. Количественные оценки выделенных в методике 10 показателей экзогенного риска определяются посредством нормирования значений индексов страновых рейтингов для государств, рассматриваемых в качестве партнеров проекта [4, с. 435–437].

Интегральный показатель риска МКП вычисляется как сумма взвешенных оценок субиндексов RICPEnd и RICPExo, отражающих значимость (вес) эндогенного и экзо-

генного факторов риска при реализации проекта в сотрудничестве с конкретным зарубежным партнером, полученных с учетом компетентности экспертов [4, с. 437–438].

Диапазон значений для интегрального показателя риска, субиндексов и каждого показателя группы риска в методике соответствует интервалу от 0 до 1.

2. Определение типа проекта согласно классификации МКП по уровню рискованности

Полученное значение RISP характеризует проект по уровню риска на основе пятиступенчатой лингвистической шкалы, коррелирующей с четырьмя зонами риска: безрисковая или зона минимального риска, зона нормального риска, высокого риска и критического риска МКП (табл. 2).

Таблица 2. Интерпретация значения интегрального показателя риска МКП

Диапазон значений RISP	Градация риска	Зона риска
0,0–0,2	Незначительный	Безрисковая или зона минимального риска
0,2–0,4	Низкий	Зона нормального риска
0,4–0,6	Средний	
0,6–0,8	Высокий	Зона высокого риска
0,8–1,0	Критический	Зона критического риска

Источник: составлено авторами.

3. Построение модели зонирования рисков проекта и оценка степени оказания управленческого воздействия на риски МКП

Модель строится при помощи матрицы, включающей четыре зоны и 16 областей риска, полученных исходя из соотношения субиндексов RISP_{End} и RISP_{Exo} в прямоугольной системе координат: по горизонтали откладывается значение субиндекса эндогенного риска, а по вертикали – значение субиндекса экзогенного риска. Матрица управленческого воздействия на риски МКП показана в табл. 3, пример модели зонирования приведен далее при описании результатов апробации исследования.

Полученная матрица позволяет выделить четыре типа проектов: безрисковые (или проекты с минимальным риском), среднерисковые, высокорисковые и проекты с критическим уровнем риска, которые следует признать неперспективными для реализации. Каждому типу проекта в матрице соответствует определенная степень воздействия на риски со стороны менеджеров МКП с целью снижения или нивелирования отрицательного воздействия.

Таким образом, полученная в ходе применения методики информация о рисковых характеристиках среды проекта выступает основанием для реализации этапов авторской модели управления рисками МКП (табл. 4).

Характеристика этапов модели управления рисками МКП является ее синтетической интерпретацией и в совокупности с

Таблица 3. Матрица управленческого воздействия на риски МКП

RISP End \ RISP Exo	(0; 0,2)	(0,2; 0,6)	(0,6; 0,8)	(0,8; 1)
(0; 0,2)	1 область – БР МКП Очень высокое	5 область – СР МКП Высокое	9 область – СР МКП Среднее	13 область – ВР МКП Низкое
(0,2; 0,6)	2 область – СР МКП Высокое	6 область – СР МКП Среднее	10 область – СР МКП Среднее	14 область – ВР МКП Низкое
(0,6; 0,8)	3 область – СР МКП Среднее	7 область – СР МКП Среднее	11 область – ВР МКП Низкое	15 область – ВР МКП Низкое
(0,8; 1)	4 область – СР МКП Среднее	8 область – ВР МКП Низкое	12 область – ВР МКП Низкое	16 область – МКП КР Очень низкое

БР МКП – безрисковый международный кластерный проект; СР МКП – среднерисковый международный кластерный проект; ВР МКП – высокорисковый международный кластерный проект; МКП КР – международный кластерный проект с критическим уровнем риска.
Источник: составлено авторами.

Таблица 4. Интерпретация модели управления рисками МКП

Этап	Характеристика этапа
Этап 1. Идентификация и экспертная оценка рисков МКП	Выявление эндогенных и экзогенных факторов риска МКП; определение групп риска эндогенного и экзогенного характера; составление классификации рисков с учетом их групповой принадлежности; выбор экспертов и расчет критериев их компетентности; оценка эндогенных и экзогенных рисков на основе экспертной информации
Этап 2. Оценка интегрального показателя риска МКП	Расчет субиндексов эндогенного и экзогенного риска; оценка интегрального показателя риска МКП и его интерпретация; определение типа проекта согласно классификации МКП по уровню рискованности и построение модели зонирования рисков проекта; оценка возможности и степени оказания управленческого воздействия на риски МКП на основе матрицы соотношения субиндексов эндогенного и экзогенного риска
Этап 3. Разработка управленческих решений по минимизации возможных негативных последствий и угроз реализации МКП	На основе результатов оценки рисков МКП анализируется целесообразность применения «классических» стратегий уклонения от риска; передачи риска; снижения риска; принятия рисков и обоснования выбора стратегии в отношении эндогенных и экзогенных факторов риска; разработка мероприятий, включающих рычаги управленческого воздействия для снижения или нивелирования факторов риска МКП с учетом групп риска
Этап 4. Анализ полученных результатов и корректировка управленческих решений, связанных с реализацией МКП	Анализ результатов реализации предыдущих этапов, оценка эффективности предложенных мероприятий с точки зрения их влияния на показатели риска проекта; экспертиза управленческих решений на предмет полноты идентифицированных рисков, адекватности их оценки; согласованности управленческих воздействий по риск-ориентированным показателям деятельности кластера; корректировка управленческих решений в фазах разработки и реализации МКП на этапах 1–3 модели управления
Этап 5. Мониторинг и контроль рисков МКП	Разработка системы перманентного мониторинга и контроля рисков МКП на основе методического инструментария их оценки; мониторинг эффективности реализации управленческих решений в фазах разработки и реализации МКП; корректировка управленческих решений в фазах разработки и реализации МКП на этапах 1–3 модели управления
Источник: составлено авторами.	

визуальной конфигурацией позволяет сформировать целостное представление о системе стратегического риск-менеджмента территориального кластера, заинтересованного в международном сотрудничестве.

Авторская модель управления рисками МКП отображена на *рис. 1*.

Модель управления рисками МКП имеет матричную конструкцию. По горизонтали приведены этапы управления рисками, по вертикали – элементы модели, включающие субъект и объект управления, входные и выходные параметры и непосредственные действия, которые рекомендуется реализовать субъектам управления в фазах разработки и реализации МКП.

Отличительными особенностями данной модели управления являются:

- ориентация на комплексную, всестороннюю оценку рисков международного кластерного сотрудничества на основе авторской методики оценки рисков;
- акцент на концептуальных основах построения системы стратегического риск-менеджмента территориального кластера;
- анализ и учет сложившихся лучших практик управления рисками МКП, возможность обмена опытом и обучения партнеров проекта;
- формирование единой системы координат в области видения партнерами рисков МКП.

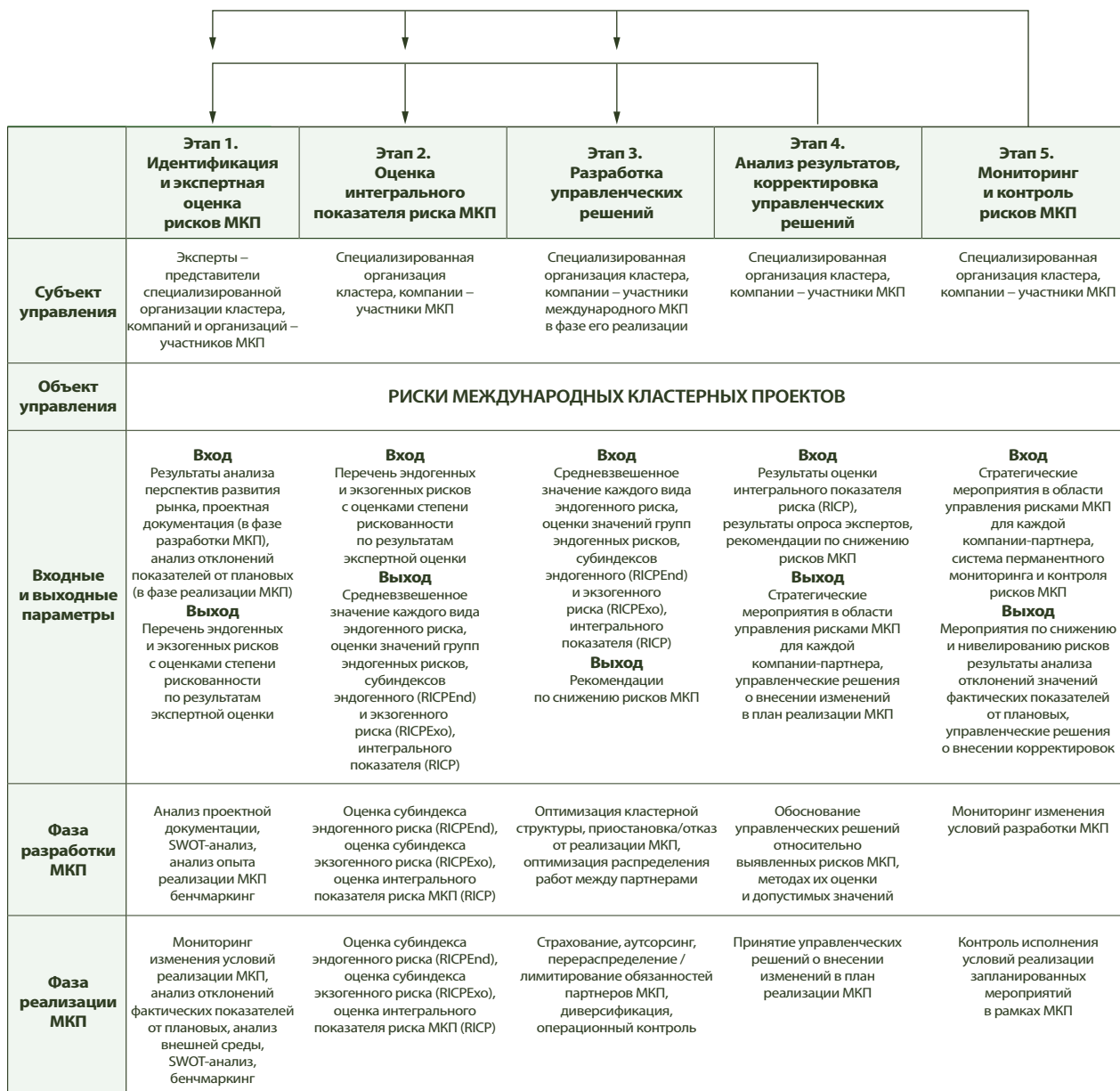

Рис. 1. Модель управления рисками международных кластерных проектов

Источник: составлено авторами.

В заключение приведем основные результаты, полученные при апробации авторской модели на примере фармацевтического кластера Пермского края.

Фармацевтический кластер Пермского края имеет высокий потенциал для развития международного сотрудничества в регионе, что подтверждается, с одной стороны, целевыми ориентирами государственной политики, направленными на создание инновационной российской фармацевтической

промышленности мирового уровня⁵, с другой стороны, организационно-экономическими характеристиками самого кластера (табл. 5).

Так, в состав участников пермского фармацевтического кластера входят 18 предприятий и организаций с численностью работников, превышающей 10 тыс. человек. В кластере создана устойчивая сбалансированная высокотехнологическая цепочка по разработке, производству и реализации готовой фармацевтической продукции, в том числе

⁵ Государственная программа Российской Федерации «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности»: утв. Постановлением Правительства от 28 декабря 2017 года № 1673.

Таблица 5. Организационно-экономическая характеристика фармацевтического кластера Пермского края

Характеристики	Описание
Год создания кластера	2016
Статус кластера	Промышленный кластер (не включен в Реестр промышленных кластеров Министерства промышленности и торговли РФ)
Уровень организационного развития	Средний
Орган управления	Ассоциация «Промышленный фармацевтический кластер Пермского края»
Число участников, в т. ч.	18
промышленные предприятия	10
научно-исследовательские и образовательные учреждения	6
объекты технологической инфраструктуры	2
Якорные участники	АО «Медисорб»; ООО «Пермская химическая компания»
Численность работников организаций – участников кластера, чел.	10497
Ключевая специализация	Производство лекарственных средств и фармацевтических субстанций
Сопутствующие специализации	Научно-исследовательская деятельность в области медицины и фармацевтики; химическое производство; клинические и доклинические исследования лекарственных средств
Краткое описание основной продукции	Научные разработки и опытно-клинические исследования новых субстанций и лекарственных препаратов, промышленное освоение и выпуск конечной продукции – различных форм готовых лекарственных средств
Цель объединения участников кластера	Развитие промышленного потенциала участников кластера с целью создания высокотехнологичного серийного производства импортозамещающих лекарственных средств, а также расширения географии присутствия и объемов сбыта продукции предприятий кластера на внутреннем и внешнем рынках
Источники: Промышленный фармацевтический кластер Пермского края. Геоинформационная система промышленных парков, технопарков и промышленных кластеров. URL: https://gisp.gov.ru/gisip/#/ru/clusters/148 (дата обращения 22.01.2021); Промышленный фармацевтический кластер. Региональный фонд развития промышленности Пермского края. URL: https://frpperm.ru/klastery/promyshlennyy-farmatsevticheskiy-klaster (дата обращения 22.01.2021).	

входящей в перечень важнейших и жизненно необходимых препаратов. Программа развития кластера содержит информацию о двух инновационных проектах: 1) создание полного цикла высокотехнологичного фармацевтического производства препарата «Севофлуран МС» (безопасный ингаляционный наркоз); 2) организация серийного производства импортозамещающих лекарственных средств «Осельтамивир МС», «Ивабрадин МС». Общий объем финансирования проектов более 98 млн руб.⁴ Таким образом, деятельность кластера, направленная на производство импортозамещающих лекарственных средств и развитие научного

потенциала фармацевтики в регионе, поможет вывести на отечественный и зарубежный рынок новые лекарственные препараты, повысит объемы экспорта, будет способствовать совершенствованию кадрового потенциала Пермского края и улучшению качества жизни его населения.

Для целей нашего исследования в качестве проекта сотрудничества фармацевтического кластера Пермского края с зарубежными компаниями-партнерами был предложен проект производства лекарственных препаратов для лечения острых респираторных вирусных инфекций. Его прототипом выступил планируемый к реализации проект фармацевтиче-

⁴ Программа развития промышленного фармацевтического кластера Пермского края. Пермь, 2016. С. 35–60.

Таблица 6. Результаты оценки рисков реализации МКП при сотрудничестве фармацевтического кластера Пермского края с компаниями «Берлин-Хеми» (Германия) и «Лаборатория Буарон» (Франция)

Характеристики МКП	Оценка риска реализации МКП	
	сотрудничество с компанией «Берлин-Хеми» (Германия)	сотрудничество с компанией «Лаборатория Буарон» (Франция)
Значение RICPE _о и его составляющих:	0,37	0,51
экономические риски	0,27	0,36
культурные риски	0,44	0,64
инновационные риски	0,42	0,46
Значение RICPE _н и его составляющих:	0,51	0,53
управленческие риски	0,60	0,60
организационные риски	0,46	0,48
экономические риски	0,42	0,54
инновационные риски	0,53	0,52
Значение интегрального показателя риска RICP	0,47	0,53
Область проекта в модели зонирования	6 область	6 область
Тип проекта	среднерисковый	среднерисковый
Возможность/степень оказания управленческого воздействия	средняя	средняя
Источник: составлено авторами. Подробнее см. [4].		

ского кластера Пермского края по организации серийного производства лекарственных средств «Осельтамивир МС», «Ивабрадин МС». Его организационно-технические и финансовые характеристики описаны в Программе развития фармацевтического кластера⁵. Якорным предприятием кластера, обладающим необходимыми для реализации проекта производственными мощностями, является АО «Медисорб». Согласно результатам анализа мирового фармацевтического рынка и с учетом форс-мажорных обстоятельств в качестве зарубежных компаний-партнеров проекта рассматривались фармацевтические компании «Берлин-Хеми» (Германия) и «Лаборатория Буарон» (Франция).

В табл. 6 и на рис. 2 даны основные рисковые характеристики МКП, полученные в ходе реализации авторской модели.

Полученные оценки указывают на преимущества сотрудничества с компанией из Германии с точки зрения факторов экзогенного риска: по всем группам экзогенных ри-

сков значения оценок рисков для Германии ниже, чем для Франции, как и оценка субиндекса экзогенного риска – 0,37 для партнеров из Германии против 0,51 для партнеров из Франции. Анализ эндогенных рисков также позволяет заключить, что сотрудничество с компанией «Берлин-Хеми» является менее рискованным, чем сотрудничество с «Лабораторией Буарон».

Сравнивая полученные результаты на основе модели зонирования (см. рис. 2), можно заключить, что уровень риска рассматривае-

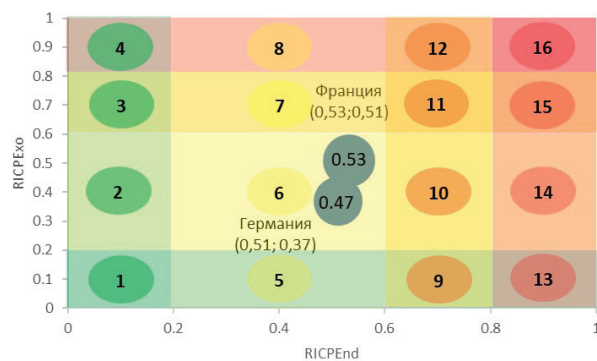

Рис. 2. Зонирование рисков МКП сотрудничества фармацевтического кластера Пермского края с компаниями «Берлин-Хеми» (Германия) и «Лаборатория Буарон» (Франция)

⁵ Фармацевтический кластер Пермского края. URL: <https://gisp.gov.ru/gisp/#!ru/clusters/148> (дата обращения 22.01.2021).

мых МКП средний при сотрудничестве как с компанией-партнером из Германии, так и из Франции (6 область, зона нормального риска). Однако коллаборация фармацевтического кластера Пермского края и компании «Берлин-Хеми» является менее рискованной с точки зрения оценок интегрального показателя (RICP) и возможности оказывать достаточно эффективное управленческое воздействие на риски данного проекта. В связи с этим заключительные мероприя-

тия в ходе апробации концептуальной модели управления рисками МКП реализованы при условии сотрудничества фармацевтического кластера Пермского края с компанией «Берлин-Хеми».

Следуя логике модели, для фазы разработки проекта в отношении выявленных эндогенных рисков были предложены способы их снижения, для экзогенных рисков – рекомендации, касающиеся выбора страны – партнера проекта (табл. 7).

Таблица 7. Основные способы снижения и нивелирования эндогенных и экзогенных рисков проекта сотрудничества фармацевтического кластера Пермского края с зарубежным партнером

Вид риска	Способы снижения и нивелирования риска
Эндогенные риски	
Управленческие	<ol style="list-style-type: none"> 1. Повышение квалификации менеджеров проекта в области управления МКП в фармацевтике 2. Привлечение сертифицированных специалистов по управлению проектами фармации 3. Оценка компетенций управленческого персонала в соответствии с требованиями ГОСТ и ISO 4. Экспертиза системы управления кластера европейскими экспертами European Secretariat for Cluster Analysis по методологии European Cluster Excellence Initiative 5. Формирование общей стратегии действий партнеров при возникновении разногласий и плана их урегулирования
Организационные	<ol style="list-style-type: none"> 1. Использование современных интернет-технологий в целях повышения эффективности коммуникаций партнеров (Zoom/MS Teams для переговоров, онлайн-доски для совместной работы и пр.) 2. Актуализация контактных данных и совершенствование форм коммуникации в процессе реализации МКП 3. Контроль собственных рисков и управление ими каждым участником МКП с целью минимизации отрицательных последствий и снижения вероятности передачи риска партнерам проекта
Экономические	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формирование стратегии реализации фармацевтического продукта, произведенного участниками МКП, с учетом пессимистичного, реалистичного и оптимистичного экономического прогноза 2. Формирование стратегии повышения продаж произведенного фармацевтического продукта в имеющихся рыночных условиях с учетом изменений на международном фармацевтическом рынке 3. Повышение точности прогнозирования показателей эффективности и окупаемости МКП на основе применения методов имитационного моделирования и привлечения квалифицированных экспертов 4. Мониторинг отклонений показателей от плановых на стадии реализации МКП
Инновационные	<ol style="list-style-type: none"> 1. Комплексная оценка качества сырья, материалов и компонентов, включая их соответствие стандартам качества ГОСТ и ISO 2. Сравнительная оценка конкурентоспособности продукции по отношению к аналогам 3. Оценка возможности получения государственной поддержки для реализации инновационных разработок в рамках МКП 4. Повышение гибкости и адаптивности модели управления кластером в условиях международного сотрудничества 5. Поиск новых рынков для реализации произведенного фармацевтического продукта и разработка стратегий выхода на новые рынки
Экзогенные риски	
Экономические	<ol style="list-style-type: none"> 1. Пропаганда успешных примеров сотрудничества с международными партнерами при реализации МКП в области фармацевтики на сайте фармацевтического кластера, порталах Геоинформационной системы индустриальных парков, технопарков, промышленных кластеров и Российской кластерной обсерватории, оперативное обновление информации о проектах 2. Поиск партнеров из стран, открытых международному сотрудничеству и являющихся лидерами в области разработок фармацевтической продукции 3. Поиск партнеров из стран с высокой инвестиционной привлекательностью и низкими инвестиционными рисками по данным рейтингового агентства Standard&Poor's 4. Избегание сотрудничества с компаниями из стран с высоким уровнем коррупции по данным международной неправительственной организации Transparency International 5. Определение перспектив и возможной заинтересованности в реализации проекта со стороны зарубежного правительства компании-партнера 6. Избегание сотрудничества с компаниями из стран с высокой вероятностью развития неблагоприятной экономической и политической ситуации в стране
Культурные	<ol style="list-style-type: none"> 1. Поиск партнеров из стран со схожими культурными особенностями согласно оценке межкультурных различий Г. Хофстеде 2. Оценка привлекательности МКП с точки зрения ориентации на долгосрочное сотрудничество с позиции культуры предпринимательства страны
Инновационные	<ol style="list-style-type: none"> 1. Поиск зарубежных партнеров из стран с высоким уровнем индекса инноваций согласно методикам Корнельского университета, INSEAD и Всемирной организации интеллектуальной собственности 2. Поиск компаний-партнеров из стран, в которых реализуется эффективная политика поддержки инновации на микро-, мезо- и макроуровне экономики
Источник: составлено авторами.	

Таким образом, предложенные в табл. 7 способы снижения и нивелирования рисков проекта сотрудничества фармацевтического кластера Пермского края с зарубежным партнером дополняют систему управления рисками кластера, способствуя повышению эффективности внутрикластерных процессов.

Резюмируя изложенное, отметим, что содержание концептуальной модели управления рисками МКП и рассмотренный пример ее применения подчеркивают важность страновой, отраслевой и институциональной специфики коллаборации зарубежных партнеров при разработке и реализации МКП в различных областях. Вследствие этого модель может потребовать усовершенствования в зависимости от характеристик МКП и специфики сотрудничества с конкретными зарубежными партнерами.

Заключение

В статье предпринята попытка контекстуализировать методологические и методические основания риск-менеджмента территориального кластера в единую управленческую модель, включающую следующие этапы управления рисками МКП: 1) идентификация и экспертная оценка рисков; 2) оценка интегрального показателя риска; 3) разработка управленческих решений по минимизации возможных негативных последствий и угроз реализации проекта; 4) анализ полученных результатов и корректировка управленческих решений; 5) мониторинг и контроль рисков.

Научная новизна исследования заключается в разработке и интерпретации эле-

ментов концептуальной модели управления рисками МКП, обосновании ее роли в построении эффективной системы управления территориальным кластером, целевые ориентиры которого лежат в области международного сотрудничества.

Принимая во внимание тенденции глобальной коллаборации экономических агентов, а также новые обстоятельства, вызванные распространением коронавирусной инфекции, мы показали, что риск-менеджмент кластеров должен отличаться гибкостью в отношении формирования определенных практик управления рисками МКП под влиянием разнообразных факторов эндогенного и экзогенного характера. Обосновано, что весомость управленческих решений в модели управления рисками обуславливается результатами оценивания рисков МКП, для осуществления которого предложена авторская методика. Следовательно, полнота и корректность оценки рисков МКП и, как следствие, обоснованность управленческих воздействий приобретают решающее значение для построения эффективной системы риск-менеджмента кластера. Соответственно, результаты исследования имеют практическое значение и могут представлять интерес в первую очередь для руководителей специализированной организации кластера и практикующих кластерных менеджеров, разрабатывающих прикладные инструменты управления рисками МКП. Они также могут быть использованы при решении задач региональной экономической политики, связанной с развитием территориальных кластеров, имеющих потенциал в области международной коллаборации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалева Т.Ю. Информационно-аналитические системы управления кластерным пространственным развитием регионов: анализ и приоритеты совершенствования // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Экономика = Perm University Herald. ECONOMY. 2020. Т. 15. № 1. С. 84–109. DOI: 10.17072/1994-9960-2020-1-84-109
2. Симонян Е.Р. К вопросу о специфике идентификации и оценки рисков международных кластерных проектов // Экономика и управление: актуальные проблемы и поиск путей решения: мат-лы Регион. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов, 15 мая 2020 г. / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2020. С. 128–134. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/ekonomika-i-upravlenie-aktualnye-problemy-i-poisk-putej-resheniya-2020.pdf> (дата обращения 30.07.2020).

3. Симонян Е.Р. Классификация рисков международных кластерных проектов как основа риск-менеджмента кластеров // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 3. С. 579–588.
4. Ковалева Т.Ю., Симонян Е.Р. Теоретико-методический инструментарий оценки рисков международных кластерных проектов: разработка и апробация // Историко-экономические исследования. 2020. Т. 21. № 3. С. 427–456. DOI: 10.17150/2308-2488.2020.21(3).427-456
5. Kendrick T. *Identifying and Managing Project Risk: Essential Tools for Fail-ure-proofing your Project Hardcover*. New York: Amacom, 2015. 400 p.
6. Chapman C., Ward S. *Project Risk Management: Processes, Techniques and Insights*. 2nd Ed. New York: Wiley, 2003. 408 p.
7. Marks N. *World-Class Risk Management*. USA, Createspace Publ., 2015. 234 p.
8. Хелдман К. Профессиональное управление проектом / пер. с англ. А.В. Шаврина. 5-е изд. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2012. 728 с.
9. Dandage R., Mantha S., Rane S., Bhoola S. Analysis of interactions among barriers in project risk management. *Journal of Industrial Engineering International*, 2018, vol. 14, pp. 153–169.
10. Florin M.-V. IRGCs approach to emerging risks. *Journal of Risk Research*, 2013, vol. 16, no. 3-4, pp. 315–322. DOI: 10.1080/13669877.2012.729517
11. Ketels C.H.M., Memedovic O. From clusters to cluster-based economic development. *International Journal of Technological Learning, Innovation and Development*, 2008, vol. 1, no. 3, pp. 375–392.
12. Huggins R. The evolution of knowledge clusters: Progress and policy. *Economic Development Quarterly*, 2008, vol. 22, no. 4, pp. 277–289. DOI: 10.1177/0891242408323196
13. Martin R., Sunley P. Deconstructing clusters: chaotic concept or policy panacea? *Journal of Economic Geography*, 2003, vol. 3, iss. 1, pp. 5–35.
14. Измалкова И.В., Вертакова Ю.В. Риски формирования и функционирования кластерной модели развития организаций // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: сб. науч. ст. 8-й Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 28–29 декабря 2018 г. Курск: Юго-Запад. гос. ун-т, 2018. С. 44–48.
15. Ханнанова Р.Т. Кластерная модель развития региона и риск-менеджмент // Российское предпринимательство. 2011. № 2-2. С. 174–180.
16. Узбекова А.С., Плеханова А.Ф., Шибанов Н.А. Риски кластерных образований и их субъектов // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2015. № 3 (39). С. 70–76.
17. Степанов М.А. Риски кластерного развития территорий // Вестн. науки и образования Северо-Запада России. 2015. Т. 1. № 3. URL: <http://vestnik-nauki.ru/2015-%D1%82-1-%E2%84%963-2015-v-1-%E2%84%963> (дата обращения 12.06.2020).
18. Rutkauskas A.V., Raudeliūnienė J., Račinskaja I. Integral knowledge, innovation and technology cluster formation nurturing the universal development sustainability in the context of globalization. *Economics and Sociology*, 2014, vol. 7, no. 4, pp. 41–58. DOI: 10.14254/2071-789X.2014/7-4/3
19. Di Minin A., Rossi M. Open innovation and clusters: Why geographical proximity matters. In: *Revolutionising EU Innovation Policy. Pioneering the Future*. Gretschmann K., Schepers S. (eds.). Palgrave Macmillan, London, 2016. Pp. 79–95. DOI: 10.1057/978-1-137-55554-0_4
20. Bell G.G., Deng S. Beyond clusters: How regional geographic signature affects firm value and risk. *Canadian Journal of Administrative Sciences*, 2013, no. 30 (2), pp. 71–85.
21. Измалкова И.В., Вертакова Ю.В. Методика комплексной диагностики рисков предприятий кластерной структуры // Экономика и управление. 2019. № 5 (163). С. 66–74.

22. Измалкова И.В., Леонтьев Е.Д. Кластеризация как инструмент диверсификации рисков в организациях // Изв. Юго-Западн. гос. ун-та. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 4 (29). С. 172–178.
23. Узбекова А.С., Шибанов Н.А. Некоторые аспекты оценки рисков участников кластерного образования // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. Нижний Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2015. С. 419–423.
24. Иода Е.В. Реализация кластерной модели регионального развития: управление рисками инновационной деятельности // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 12 (58). С. 42–49.
25. Хлынин Э.В., Титова Е.Ю. Распределение экономических рисков между участниками проектного финансирования на основе использования кластерного подхода // Изв. Тульск. гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2015. № 1-1. С. 132–140.
26. Бушуева И.В. Управление сервисом на уровне региона: кластерный подход // Сервис в России и за рубежом. 2014. № 8 (55). С. 141–151.
27. Герцик Ю.Г. Оценка потенциальных рисков развития кластеров предприятий медицинской промышленности с использованием различных критериев ранжирования // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 4. С. 762–774.
28. Герцик Ю.Г., Омельченко И.Н. Методический подход к выбору управленческих решений при реализации инновационных проектов предприятий медицинской промышленности в структуре кластера // Управление научно-техническими проектами: мат-лы второй междунар. науч.-техн. конф., 6 апреля 2018 г. М.: Моск. гос. техн. ун-т им. Н.Э. Баумана, 2018. С. 42–45.
29. Выжитович А.М., Лямзин О.Л. Моделирование функции контрольного сервиса в организации – участнике кластерной структуры // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. № 4 (74). С. 44–54.
30. Левченко В.Н. Механизм страхования инновационного кластера нефтегазовой отрасли на примере стратегии развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Экономика и предпринимательство. 2013. № 1 (30). С. 119–121.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Юрьевна Ковалева – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: kovalevatu@yandex.ru

Елена Валерьевна Базуева – доктор экономических наук, профессор, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: bazueva.l@mail.ru

Ева Рустамовна Симонян – магистр, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: eva.simonyan97@mail.ru

Kovaleva T.Yu., Bazueva E.V., Simonyan E.R.

RISK MANAGEMENT MODEL OF INTERNATIONAL CLUSTER PROJECTS AS AN ELEMENT OF THE RISK MANAGEMENT SYSTEM OF TERRITORIAL CLUSTERS

With globalization of the economic space, there is an intensification of the integration processes of regional and national socio-economic systems, as well as collaboration between individual economic agents. At the same time, the external environment is characterized by increased instability and uncertainty which actualizes the need to introduce risk management in the administration systems of these processes. Nowadays domestic clusters are active participants of these processes. Cooperation of territorial clusters with foreign partners is of crucial importance; however, the study of the specifics of its risk management is usually ignored in modern literature. In this regard, the purpose of the research is to form a conceptual risk management model of international cluster projects that contributes to the effective functioning of the territorial cluster administration system. A theoretical review of the main approaches to building cluster risk management models has revealed that they are highly specialized, offer mainly industry-specific tool solutions, and do not take into account the variety of risk factors in international cooperation. Taking into account the limitations, the authors have developed a conceptual risk management model for an international cluster project. It includes the following stages: 1) identification and expert assessment of risks; 2) assessment of integral risk indicator; 3) development of management decisions to minimize possible negative consequences and threats to the project implementation; 4) analysis of the results and adjustment of management decisions; 5) monitoring and control of risks. Distinctive features of the authors' model are to focus on an integrated, comprehensive assessment of the risks of international cluster cooperation; emphasis on the conceptual foundations of the system of strategic risk management of the cluster; analysis and reflect current best practice risks of international cluster projects, the opportunity to exchange experiences and training of the project's partners; the formation of a single coordinate system in the partners' vision of the risks of international cluster projects. In the case of the cooperation project of the pharmaceutical cluster of the Perm Oblast with foreign partners, the researchers have demonstrated the role of the model in building effective administration system of territorial cluster as a component of risk management. It increases the validity of management decisions, and helps to assess the probability of exogenous and endogenous risks and their timely leveling.

International cluster project, risk management, territorial cluster, cluster administration system, risks of cluster projects, exogenous and endogenous risks, management model, management decisions.

REFERENCES

1. Kovaleva T.Yu. Information analytical management systems of the cluster spatial development in regions: analysis and priorities for improvement. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika=Perm University Herald. ECONOMY*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 84–109. DOI: 10.17072/1994-9960-2020-1-84-109 (in Russian).
2. Simonyan E.R. On the specificity of identification and risk assessment of international cluster projects. *Ekonomika i upravleniye: aktual'nyye problemy i poisk putey resheniya: materialy Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh i studentov, 15 maya 2020 g. Permskii gosudarsvennyi natsional'nii issledovat'elskii unstitut. Perm'=Economics and Management: Actual Problems and the Search for Solution: Materials of the Regional Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students, May 15, 2020. Perm State University, 2020, pp. 128–134.*

- Available at: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/ekonomika-i-upravlenie-aktualnye-problemy-i-poisk-putej-resheniya-2020.pdf> (accessed July 30, 2020) (in Russian).
3. Simonyan E.R. Risk classification of international cluster projects as a basis for cluster risk management. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy ekonomiki=Topical Issues of Modern Economy*, 2020, no. 3, pp. 579–588 (in Russian).
 4. Kovaleva T.Yu., Simonyan E.R. Theoretical and methodological toolkit for international cluster projects risks assessment: development and approbation. *Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya=Journal of Economic History and History of Economics*, 2020, vol. 21, no. 3, pp. 427–456. DOI: 10.17150/2308-2488.2020.21(3).427-456 (in Russian).
 5. Kendrick T. *Identifying and Managing Project Risk: Essential Tools for Fail-ure-proofing your Project Hardcover*. New York: Amacom, 2015. 400 p.
 6. Chapman C., Ward S. *Project Risk Management: Processes, Techniques and Insights*. 2nd Ed. New York: Wiley, 2003. 408 p.
 7. Marks N. *World-Class Risk Management*. USA, Createspace Publ., 2015. 234 p.
 8. Heldman K. *Professional'noye upravleniye proyektom [Professional Project Management]*. Translated from English Shavrina A.V. Edition 5. Moscow: Binom. Laboratoria znaniy, 2012. 728 p.
 9. Dandage R., Mantha S., Rane S., Bhoola S. Analysis of interactions among barriers in project risk management. *Journal of Industrial Engineering International*, 2018, vol. 14, pp. 153–169.
 10. Florin M.-V. IRGCs approach to emerging risks. *Journal of Risk Research*, 2013, vol. 16, no. 3-4, pp. 315–322. DOI: 10.1080/13669877.2012.729517
 11. Ketels C.H.M., Memedovic O. From clusters to cluster-based economic development. *International Journal of Technological Learning, Innovation and Development*, 2008, vol. 1, no. 3, pp. 375–392.
 12. Huggins R. The evolution of knowledge clusters: Progress and policy. *Economic Development Quarterly*, 2008, vol. 22, no. 4, pp. 277–289. DOI: 10.1177/0891242408323196
 13. Martin R., Sunley P. Deconstructing clusters: chaotic concept or policy panacea? *Journal of Economic Geography*, 2003, vol. 3, iss. 1, pp. 5–35.
 14. Izmalkova I.V., Vertakova Yu.V. *Riski formirovaniya i funktsionirovaniya klasternoy modeli razvitiya organizatsiy [Risks of the Formation and Functioning of a Cluster Model for the Development of Organizations]*. Research of the Innovative Potential of Society and the Formation of Directions for Its Strategic Development. In: 8th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, December 28–29, 2018. Kursk: Southwest State University, 2018. Pp. 44–48 (in Russian).
 15. Khannanova R.T. A cluster model of regional development and risk management. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo=Russian Entrepreneurship*, 2011, no. 2-2, pp. 174–180 (in Russian).
 16. Uzbekova A.S., Plekhanova A.F., Shibanova N.A. The risks of clusters and their participants. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki=vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2015, no. 3 (39), pp. 70–76 (in Russian).
 17. Stepanov M.A. Risks of cluster development of territories. *Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii=Journal of Science and Education of North-West Russia*, 2015, vol. 1, no. 3. Available at: <http://vestnik-nauki.ru/2015-%D1%82-1-%E2%84%963-2015-v-1-%E2%84%963> (accessed June 6, 2020) (in Russian).
 18. Rutkauskas A.V., Raudeliūnienė J., Račinskaja I. Integral knowledge, innovation and technology cluster formation nurturing the universal development sustainability in the context of globalization. *Economics and Sociology*, 2014, vol. 7, no. 4, pp. 41–58. DOI: 10.14254/2071-789X.2014/7-4/3
 19. Di Minin A., Rossi M. Open innovation and clusters: Why geographical proximity matters. In: *Revolutionising EU Innovation Policy. Pioneering the Future*. Gretschnann K., Schepers S. (eds.). Palgrave Macmillan, London, 2016. Pp. 79–95. DOI: 10.1057/978-1-137-55554-0_4

20. Bell G.G., Deng S. Beyond clusters: How regional geographic signature affects firm value and risk. *Canadian Journal of Administrative Sciences*, 2013, no. 30 (2), pp. 71–85.
21. Izmalkova I.V., Vertakova Yu.V. A comprehensive risk assessment methodology for cluster enterprises. *Ekonomika i upravleniye=Economics and Management*, 2019. no. 5 (163), pp. 66–74.
22. Izmalkova I.V., Leontyev E.D. Clustering as a tool for diversification of risks in organizations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment=Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2018, vol. 8, no. 4 (29), pp. 172–178 (in Russian).
23. Uzbekova A.S., Shibanov N.A. Some aspects of risk assessment of cluster participants. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet imeni R.Ye. Alekseyeva=International Scientific and Practical Conference of Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E Alekseev*, 2015, Pp. 419–423 (in Russian).
24. Ioda E.V. Implementation of the cluster model of regional development: risk management of innovation activity. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy=Social-Economic Phenomena and Processes*, 2013, no. 12 (58), pp. 42–49 (in Russian).
25. Khlynin E.V., Titova E.Yu. Distribution of economic risks between participants in project financing based on the use of the cluster approach. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki=Izvestiya Tula State University*, 2015, no. 1-1, pp. 132–140 (in Russian).
26. Bushueva I.V. Service management at the regional level: the cluster approach. *Servis v Rossii i za rubezhom=Service in Russia and Abroad*, 2014, no. 8 (55), pp. 141–151 (in Russian).
27. Gertsik Yu.G. Estimating the potential risks of developing clusters in medical industry using various ranking criteria. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava=Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, no. 4, pp. 762–774 (in Russian).
28. Gertsik Yu.G., Omel'chenko I.N. *Metodicheskii podkhod k vyboru upravlencheskikh resheniy pri realizatsii innovatsionnykh proyektov predpriyatiy meditsinskoy promyshlennosti v strukture klastera* [Methodological Approach to the Choice of Management Decision in the Implementation of Innovative Projects of Medical Industry Enterprises in the Cluster Structure]. Management of scientific and technical projects: materials of the second international scientific and technical conference, April 6, 2018. Moscow: Bauman State Technical University, 2018. Pp. 42–45 (in Russian).
29. Vyzhitovich A.M., Lyamzin O.L. Modeling the monitoring service function in a member organization of a cluster structure. *Servis v Rossii i za rubezhom=Service in Russia and Abroad*, 2017, vol. 11, no. 4 (74), pp. 44–54 (in Russian).
30. Levchenko V.N. Insurance mechanism innovation cluster oil and gas industry on the example of the development strategy of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra. *Ekonomika i predprinimatel'stvo=Journal of Economics and Entrepreneurship*, 2013, no. 1 (30), pp. 119–121 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tat'yana Yu. Kovaleva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Perm State University”. 15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: kovalevatu@yandex.ru

Elena V. Bazueva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Perm State University”. 15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: bazueva.l@mail.ru

Eva R. Simonyan – Master, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Perm State University”. 15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: eva.simonyan97@mail.ru

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: НОЯБРЬ 2020 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.9 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области¹.

По оценке Росстата общий объем произведенного ВВП страны в III квартале 2020 года снизился на 3,4% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года² (годом ранее – вырос на 1,5%; *рис. 1*).

1. Производство валового продукта

❖ Выпуск **промышленности** в январе – ноябре 2020 года в сравнении с аналогичным периодом 2019 года³ сократился на 3% (*табл. 1*). Причиной спада во многом стала негативная динамика добычи полезных ископаемых (-6,8%), тогда как выпуск обрабатывающей промышленности в целом остался на уровне прошлого года.

⬆ В Вологодской области индекс производства промышленной продукции со-

ставил 101,8% (при этом занимающей незначительную долю добычи полезных ископаемых – 114,8%, обрабатывающей промышленности – 101,8%). Отметим, что среди регионов, специализирующихся на металлургии, этот показатель вырос только в Липецкой области (+2,9%), в то время как в Челябинской области зафиксирован спад на 3,5%, в Кемеровской – на 3,6%.

Преобладающей тенденцией в промышленности стало возобновление слабого роста неинвестиционных секторов. В частности, отмечена стабилизация в **секторе промышленности конечного спроса**.

⬆ Одной из устойчиво развивающихся сфер является пищевое производство: в целом по стране в этой отрасли зафиксирован рост на 3,6% (годом ранее – на 3,5%; *табл. 2*), отчасти вызванный расширением выпуска мясных полуфабрикатов (+8,2%), подсолнечного масла (+9,2%, на производстве этого продукта еще не сказалось декабрьское регулирование цен⁴), а также мяса крупного рогато-

Для цитирования: Сидоров М.А. Мониторинг экономики: ноябрь 2020 года // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 157–168. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.9

For citation: Sidorov M.A. Monitoring of the economy: November 2020. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 157–168. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.9

¹ Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНИЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

² Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) сопоставляется 2019 год с 2018 годом.

³ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) сопоставляется январь – ноябрь 2020 года с январем – ноябрем 2019 года.

⁴ У масла цены не сахар. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4641602> (дата обращения 19.01.2021).

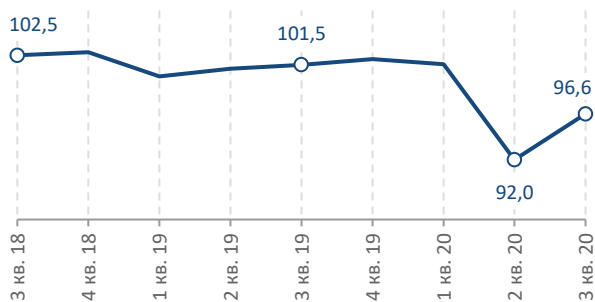

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему периоду предыдущего года

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года*

	11 мес. 2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	11 мес. 2020 г.
Промышленное производство					
РФ	103,4	102,9	98,1	97,2	97,0
ВО	104,3	103,1	101,7	101,6	101,8
<i>РКа</i>	<i>99,5</i>	<i>102,1</i>	<i>116,8</i>	<i>122,1</i>	<i>122,8</i>
<i>РКо</i>	<i>102,8</i>	<i>102,0</i>	<i>98,3</i>	<i>94,0</i>	<i>93,0</i>
<i>АО</i>	<i>101,3</i>	<i>103,1</i>	<i>96,9</i>	<i>91,2</i>	<i>91,1</i>
<i>МО</i>	<i>108,4</i>	<i>100,5</i>	<i>95,7</i>	<i>97,1</i>	<i>97,6</i>
Добыча полезных ископаемых					
РФ	103,6	101,1	96,1	93,6	93,2
ВО	113,2	89,0	109,5	112,7	114,8
<i>РКа</i>	<i>93,2</i>	<i>98,8</i>	<i>137,8</i>	<i>153,0</i>	<i>154,0</i>
<i>РКо</i>	<i>103,4</i>	<i>103,3</i>	<i>98,5</i>	<i>93,0</i>	<i>91,3</i>
<i>АО</i>	<i>100,1</i>	<i>97,2</i>	<i>90,6</i>	<i>86,7</i>	<i>87,2</i>
<i>МО</i>	<i>104,2</i>	<i>98,0</i>	<i>99,6</i>	<i>103,8</i>	<i>105,1</i>
Обрабатывающие производства					
РФ	103,4	105,9	100,2	100,2	99,9
ВО	104,0	102,9	101,5	101,4	101,8
<i>РКа</i>	<i>105,4</i>	<i>105,3</i>	<i>101,3</i>	<i>100,4</i>	<i>100,7</i>
<i>РКо</i>	<i>101,1</i>	<i>99,0</i>	<i>97,4</i>	<i>95,7</i>	<i>96,4</i>
<i>АО</i>	<i>103,8</i>	<i>119,7</i>	<i>111,5</i>	<i>99,8</i>	<i>98,2</i>
<i>МО</i>	<i>113,0</i>	<i>103,7</i>	<i>93,9</i>	<i>94,2</i>	<i>94,6</i>

*Здесь и далее выделены курсивом показатели регионов Европейского Севера РФ, приведенные для сравнения с динамикой Вологодской области.

Таблица 2. Динамика обрабатывающих производств, % к соответствующему периоду предыдущего года

	11 мес. 2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	11 мес. 2020 г.
Пищевое производство					
РФ	103,5	108,9	105,3	104,3	103,6
ВО	97,7	112,4	89,6	110,8	109,6
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	103,5	109,7	100,8	100,9	101,2
ВО	107,1	148,1	129,1	144,2	142,8
Химическое и нефтехимическое производство					
РФ	107,1	107,4	108,7	109,0	109,2
ВО	104,7	111,0	96,5	103,6	103,4
Металлургическое производство					
РФ	105,1	102,4	100,8	99,8	99,7
ВО	102,4	101,1	87,1	100,8	100,6
Деревообработка					
РФ	106,3	98,1	98,9	101,0	102,2
ВО	117,5	101,9	100,5	104,1	106,2
Машиностроение					
РФ	104,3	100,1	91,8	95,1	97,1
ВО	107,3	83,5	94,0	90,6	91,3
Производство строительных материалов					
РФ	109,7	103,6	95,6	95,3	96,1
ВО	114,5	123,1	120,7	110,6	110,0

го скота (+11,3%). Производство водки было снижено на 4,6%, коньяка – на 9%. Одновременно с этим пива выпущено больше на 2,7%, безалкогольных напитков – на 1,9%, чая – на 18,2%. Производство пищевой продукции в Вологодской области увеличилось на 9,6%, на что повлиял рост выпуска свинины (+17%), мясных полуфабрикатов (+17,4%), сливочного масла (+15,6%). Почти на треть выросло производство осетровой икры (+31,2%). Вместе с этим более чем вдвое снизился объем выпуска мороженой рыбы.

Целлюлозно-бумажной и полиграфической продукции в целом по стране было произведено на 1,2% больше, чем в прошлом году (однако рост при этом замедлился почти

второе). Позитивным фактором стал подъем в производстве целлюлозы (+6,7%) а также бумаги и картона (+4,5%), при этом сократился выпуск газетной бумаги (-12,3%). В Вологодской области развитие этой сферы было намного более активным: выпуск в целом по отрасли вырос почти на половину (+42,8%), чему способствовало расширение производства бумаги и картона более чем на две трети (+69,7%).

В **секторе промышленности промежуточного спроса** зафиксировано развитие в ряде отраслей.

↗ Химическая и нефтехимическая промышленность в целом по стране динамично развивалась, что проявилось в росте выпуска на 9,2%. Существенно повлияло на этот показатель наращивание выпуска лекарственных препаратов (+22,8%), гербицидов (+32,2%), а также пластмасс в первичных формах (+17,1%). В Вологодской области темпы увеличения химического производства немного снизились по сравнению с прошлогодними (+3,4 и 4,7% соответственно). Важным фактором роста отрасли в регионе стало расширение производства азотных удобрений (+5,9%).

↘ Выпуск металлургической промышленности в целом по стране снизился на 0,3%, к чему среди прочего привело сокращение производства стальных труб (на 9,3%). В Вологодской области в этой сфере производство выросло лишь на 0,6%, что отчасти объясняется спадом выпуска готовых металлических изделий на 16,8%.

↘ Объемы деревообработки в целом по стране увеличились лишь на 2,2%, при этом рост во многом обеспечен низкотехнологичной продукцией. Одновременно с этим снизилось производство лесоматериалов (на 4,3%) и стройматериалов из дерева: древесноволокнистых плит было выпущено меньше на 7,3%, деревянных окон – на 16,1%, деревянной офисной мебели – на 7,6%. Схожая тенденция отмечена и в Вологодской области: рост объемов деревообработки замедлился и составил 6,2%

против 17,5% в прошлом году, при этом было произведено значительно меньше деревянных домов заводского изготовления (на 20,3%), но больше деревянной тары (+7,2%).

Вологдалесхоз реализовал в Тотемском районе инвестиционный проект по организации лесозаготовок, лесопиления и деревообработки, который Минпромторг России своим приказом включил в перечень приоритетных в области освоения лесов. На производственном участке Тотемского лесхоза созданы деревообрабатывающие мощности по выпуску пиломатериалов и погонажных изделий объемом 30 тыс. м³. В проект вложено 340 млн рублей, создано более 50 новых рабочих мест⁵.

В **секторе промышленности инвестиционного спроса** отмечены негативные изменения.

↘ Выпуск продукции машиностроения в целом по стране снизился на 2,9%. Наиболее пострадавшими отраслями стали производство легковых (-19,7%) и грузовых (-12,6%) автомобилей, при этом спрос на новые импортные грузовики также уменьшился⁶. Отметим, что сложившаяся ситуация косвенно свидетельствует о сворачивании предпринимательской деятельности. Позитивным моментом в развитии российского машиностроения стал рост производства компьютеров и их частей – на 60,5%, электронных печатных плат – на 51%, а также паровых турбин – почти в 5 раз.

В Калининградской области открылась первая в стране фабрика по производству инвалидных электроприводных кресел-колясок. Проектная мощность составляет 2,5 тысячи единиц уникальных изделий: кресел-колясок с электроприводом, шагающих ступенькоходов и других технических средств для инвалидов-колясочников. Компания планирует занять четверть

⁵ На Вологодчине вышло на проектную мощность крупное лесное производство. URL: https://vo.rbc.ru/vo/30/09/2020/5f74918f9a794784edc6e7ba?from=regional_newsfeed (дата обращения 20.01.2021).

⁶ Эксперты аналитического агентства «АВТОСТАТ» отмечают, что по итогам 11 месяцев 2020 года российский рынок новых грузовых автомобилей находится «в минусе». Его объем за этот период составил 65,4 тыс. единиц, что на 7,1% меньше, чем в январе – ноябре прошлого года. URL: <https://www.autostat.ru/press-releases/46711> (дата обращения 19.01.2021).

российского рынка. Заявленная доля отечественных комплектующих оценивается в 60%, а с выходом на проектную мощность планируется достичь 95% локализации⁷.

В Вологодской области спад в машиностроении был более резким, составив 8,7%. Негативная динамика отмечена во всех отраслях, кроме производства электрооборудования (+3,8%). Положительным моментом стало увеличение выпуска комплектов электрической аппаратуры коммутации или защиты (+57,3%) и автотранспортных средств специального назначения (+32,4%).

❗ Наиболее пострадало производство стройматериалов (-3,9%). Сокращение выпуска цемента на 21,1% и стекла на 13,3% не в последнюю очередь связано с негативными процессами в строительстве.

⬆ В Вологодской области динамика в этой сфере оставалась положительной (+10%), что объясняется ускорением нежилищного строительства, потребовавшего дополнительного объема дорожных смесей (+13,1%) и строительных блоков (10,9%).

⬆ **Сельское хозяйство** в целом по стране увеличило выпуск продукции на 3,3% (табл. 3). Объем произведенного скота и птицы на убой вырос на 3,4%, молока – на 2,6%, куриных яиц – на 0,3%.

❗ В сельском хозяйстве Вологодской области зафиксирован спад на 2,9% против роста на 8% годом ранее.

Негативные изменения в экономике привели к ухудшению ситуации на **рынке труда**.

❗ Уровень безработицы в сентябре – ноябре в среднем по стране вырос на 1,7 п. п. (до 6,3%; табл. 4). В Вологодской области этот показатель также увеличился – до 7,2% против 4,2% в прошлом году.

❗ Потребность работодателей в работниках при этом сократилась: в целом по стране спад составил 3,9%, в Вологодской области – 13,1%. Отметим, что одной из причин может служить закрытие так называемых «бессрочных» вакансий, связанное с переходом широкого круга предприятий в режим «выживания».

Таблица 3. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

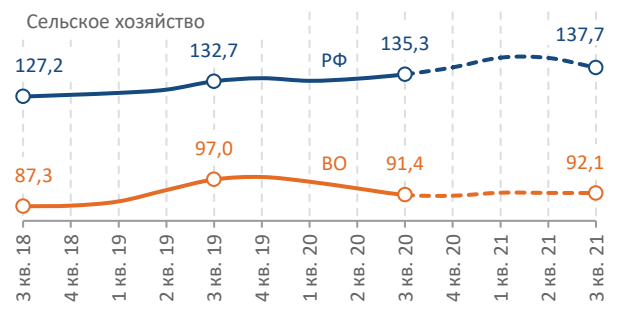
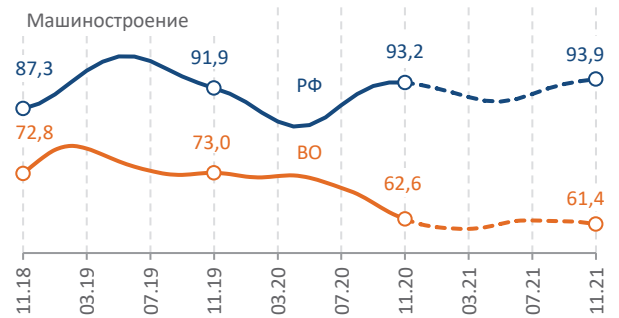
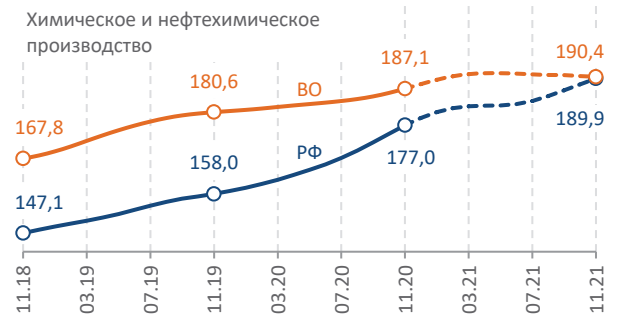
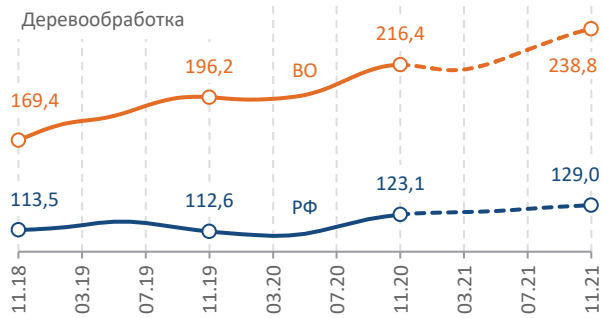
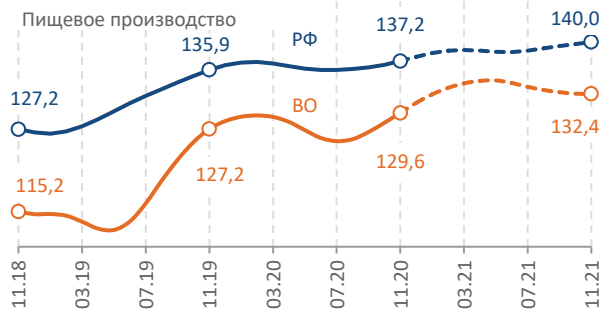
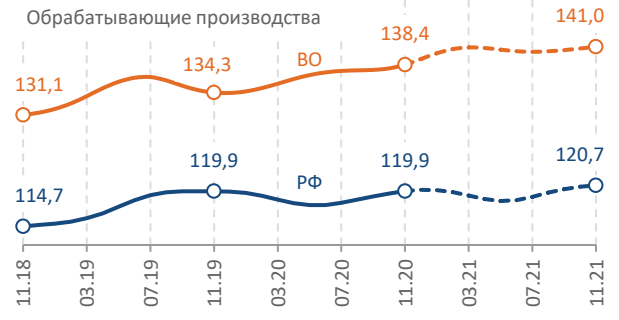
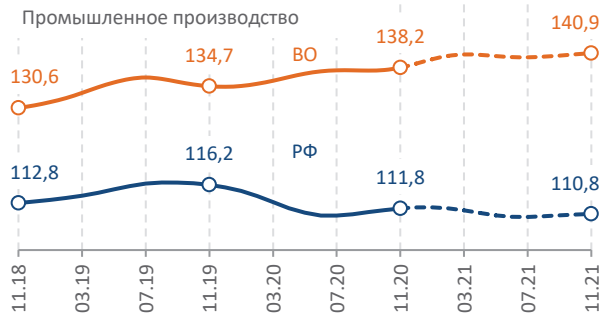
	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.
РФ	103,8	104,3	103,0	103,0	103,3
ВО	108,0	109,4	107,0	106,1	97,1
РКа	92,3	93,7	99,6	99,3	95,8
РКо	95,8	96,5	112,4	113,5	115,1
АО	98,4	96,2	102,8	102,4	100,6
МО	96,7	94,4	98,9	97,0	97,6

Таблица 4. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9–11 мес. 2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	9–11 мес. 2020 г.
Уровень безработицы, % от численности занятых					
РФ	4,6	4,6	6,2	6,4	6,3
ВО	4,2	4,1	7,4	7,5	7,2
РКа	7,8	7,4	9,4	9,2	9,2
РКо	7,5	7,2	8,1	8,0	7,5
АО	6,3	6,2	8,2	8,0	7,7
МО	4,9	6,6	8,7	8,4	7,9
Потребность работодателей в работниках					
	11 мес. 2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	11 мес. 2020 г.
РФ	102,0	98,7	90,8	93,3	96,1
ВО	109,5	101,2	85,2	85,9	86,9
РКа	113,5	101,2	94,2	94,3	95,2
РКо	113,5	98,1	90,2	99,0	100,7
АО	107,2	99,4	93,4	94,1	95,5
МО	124,1	171,5	154,3	141,7	140,0

⁷ В Калининградской области открылась первая в стране фабрика по производству инвалидных электропригодных кресел-колясок. URL: <https://gov39.ru/press/218315> (дата обращения 20.02.2021).

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

2. Образование доходов

Отсутствие предпосылок к преодолению стагнации в экономике в целом согласуется с сохранением кризисных явлений в сфере образования доходов.

▼ **Реальные денежные доходы** россиян сократились на 3,7% (табл. 5), что при росте реальной начисленной заработной платы и пенсий может свидетельствовать о негативном влиянии на этот показатель его важной составляющей – предпринимательских доходов (это подтверждается глубоким снижением сальдированного финансового результата деятельности организаций). Немаловажны и процессы, характерные для российской сферы оплаты труда, заключающиеся в сокращении низкооплачиваемых рабочих мест и переводе работников на неполную ставку.

Таблица 5. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.
Реальные денежные доходы населения					
РФ	101,5	101,5	102,3	96,3	96,3
ВО	101,7	99,1	101,7	100,6	99,1
РКА	100,4	100,0	101,2	99,4	99,3
РКО	97,1	97,6	99,4	98,6	101,4
АО	96,9	98,8	102,0	99,7	100,1
МО	97,2	98,7	100,6	100,7	101,1
Реальный размер назначенных пенсий					
РФ	98,6	100,2	104,1	102,9	101,7
ВО	102,3	94,2	101,1	99,4	98,2
	10 мес. 2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	10 мес. 2020 г.
Реальная начисленная заработная плата					
РФ	102,3	106,0	102,9	102,5	102,3
ВО	103,6	107,7	105,7	104,0	104,0
РКА	102,7	104,5	103,8	103,8	104,0
РКО	105,2	102,4	101,6	101,9	101,7
АО	100,8	102,9	100,9	101,3	101,0
МО	102,1	105,1	103,6	103,4	103,4
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций					
РФ	108,5	41,5	53,3	56,5	61,8
ВО	96,3	7,4	70,0	79,9	84,5
РКА	154,4	37,4	48,9	54,9	67,7
РКО	90,6	-	-	7,1	13,7
АО	131,8	-	-	-	-
МО	176,4	326,6	181,4	165,6	173,0
	11 мес. 2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	11 мес. 2020 г.
Доходы консолидированного бюджета					
РФ	111,3	107,6	100,3	102,4	103,4
ВО	111,6	100,7	97,9	103,2	104,0

▲ **Реальная начисленная заработная плата** россиян увеличилась 2,3%. Зафиксирован рост и **реального размера назначенных пенсий** – на 1,7%. В Вологодской области заработная плата стала выше на 4%, пенсии при этом снизились на 1,8%.

▼ **Сальдированный финансовый результат** (прибыль минус убыток) деятельности организаций в январе – октябре в целом по стране резко сократился (на 38,2% с учетом инфляции). В Вологодской области этот показатель снизился на меньшую величину (-15,5%).

▼ Темп прироста **реальных доходов консолидированного бюджета** (с учетом внебюджетных фондов) в целом по стране замедлился более чем в три раза, составив 3,4%. Схожим образом сложилась ситуация и в Вологодской области – в ней доходы консолидированного бюджета увеличились на 4% при соразмерном замедлении. Наибольшее снижение отмечено в сборах налога на прибыль организаций: на 19,3% в стране и на 44,7% – в Вологодской области.

В этом году поддержка федерального центра была достаточно серьезной. 6 млрд руб. направили на компенсацию выпадающих доходов. Также принято решение об освобождении в текущем году регионов от необходимости погашения бюджетных кредитов, а это сохранило областной казне 1,7 млрд руб. Сумму отправили на реализацию антикризисных мероприятий и компенсацию снижения поступлений налоговых и неналоговых доходов.

Федеральные средства были направлены и в виде целевых поступлений. Дополнительно к утвержденному бюджету в область поступили 12,3 млрд руб. В первую очередь средства направили на оснащение многопрофильных, на стимулирующие выплаты работникам медицинских организаций, закупку средств индивидуальной защиты и лекарств⁸.

⁸ Доходная часть бюджета Вологодской области вырастет на 12 миллиардов рублей. URL: https://volgda-oblast.ru/novosti/glavnoe/dokhodnaya_chast_byudzhetavologodskoy_oblasti_vyrastet_na_12_milliardov_rublej (дата обращения 20.01.2021).

3. Конечное использование

Показатели *потребительского спроса* характеризуются негативной динамикой.

☑ Розничная торговля сокращалась соразмерно снижению доходов населения. Спад оборота розничной торговли составил 4,1% (в том числе продовольственными товарами – 2,4%, непродовольственными – 5,5%), в Вологодской области – 0,8% (при снижении продаж продовольственных товаров на 4,4% и росте оборота непродовольственных на 3,9%; табл. 6). Наиболее пострадавшей отраслью потребительского рынка стали платные услуги населению. В целом россиянам было оказано на 18,7% меньше платных услуг, вологжанам – на 11,8%.

Таблица 6. Динамика потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

	11 мес. 2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	11 мес. 2020 г.
Оборот розничной торговли					
РФ	101,9	104,4	93,9	95,5	95,9
ВО	103,3	106,7	99,9	99,2	99,2
РКа	101,7	105,7	99,9	101,2	100,3
РКо	100,1	100,2	97,5	98,9	98,7
АО	99,8	102,6	97,9	99,1	99,3
МО	100,3	99,8	97,3	96,8	96,3
Объем платных услуг населению					
РФ	100,3	98,1	80,6	81,3	82,3
ВО	102,7	97,5	86,3	87,0	88,2
РКа	101,4	99,0	84,6	88,6	89,7
РКо	97,0	93,1	80,0	81,9	83,3
АО	99,6	97,9	78,2	72,6	75,4
МО	101,1	99,0	88,3	87,4	88,1

☑ Объем выполненных строительных работ в целом по стране незначительно сократился, уровень этого индикатора в Вологодской области также остался близким к прошлогоднему (-0,3 и -0,6% соответственно; табл. 7). Площадь введенных жилых домов в целом по России увеличилась на 1,4%, в Вологодской области зафиксирован спад на 16,1%.

Таблица 7. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	11 мес. 2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	11 мес. 2020 г.
Объем работ по ВЭД «Строительство»					
РФ	100,6	101,1	99,5	99,6	99,7
ВО	81,6	66,1	63,7	83,5	99,4
РКа	98,6	75,3	79,8	72,5	71,4
РКо	68,6	126,9	120,6	116,5	118,0
АО	89,7	75,3	81,9	86,4	64,4
МО	139,6	130,4	142,1	137,7	128,8
Ввод жилых домов					
РФ	108,1	98,7	88,6	97,7	101,4
ВО	108,1	50,0	57,6	77,5	83,9
РКа	112,3	65,2	71,4	93,4	106,1
РКо	75,9	55,1	66,4	93,1	77,0
АО	92,6	70,0	82,4	93,1	123,2
МО	141,3	23,1	32,0	65,8	69,1

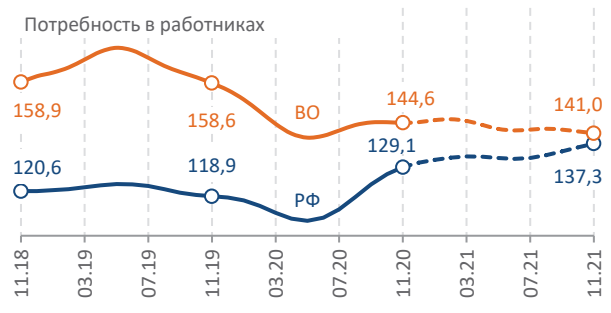
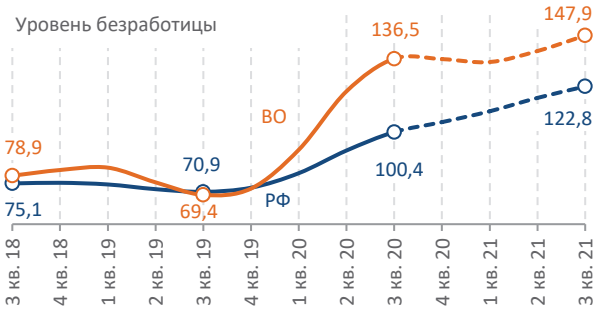
Инвестиционная активность подверглась влиянию кризисных настроений.

☑ Объем инвестиций в основной капитал в целом по стране существенно сократился (-4,1%; табл. 8), что во многом объясняется комплексом экономических причин, среди которых отсутствие предпосылок к росту потребительского спроса и продолжающийся спад прибыли организаций, являющейся основным источником для инвестирования в основной капитал. В Вологодской области сокращение объема инвестиций составило 3,5%.

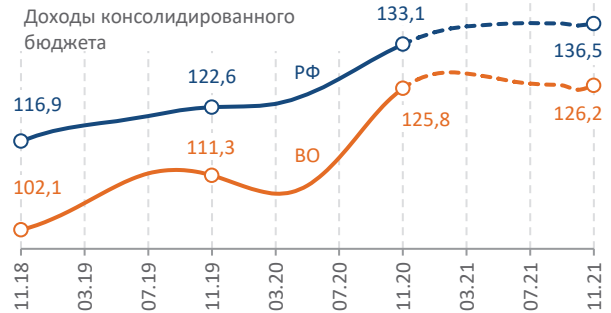
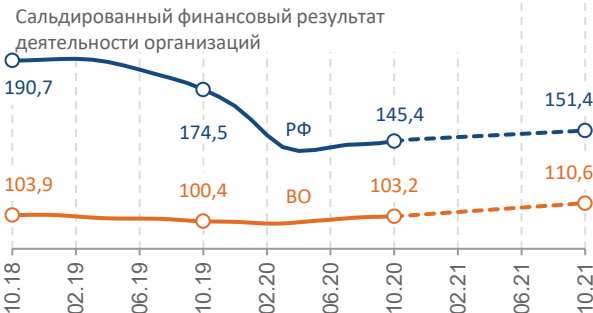
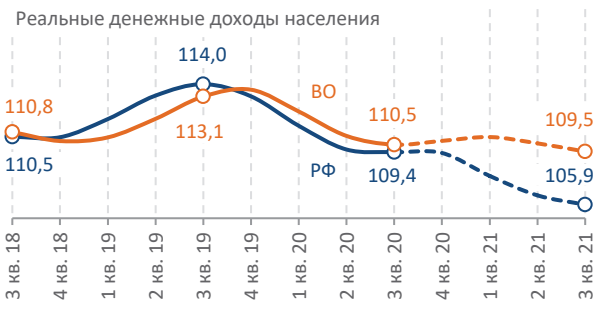
Таблица 8. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.
РФ	101,3	101,7	101,2	96,0	95,9
ВО	142,3	118,1	78,4	98,9	96,5
РКа	93,3	93,6	124,2	101,6	97,5
РКо	82,6	79,0	91,9	101,3	103,7
АО	83,9	88,9	114,8	102,7	105,4
МО	101,2	101,4	166,9	108,4	112,1

Тренды развития рынка труда в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

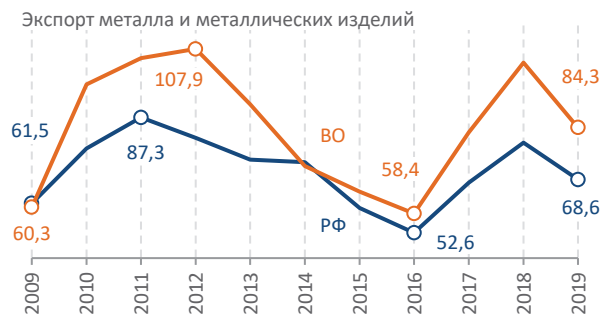
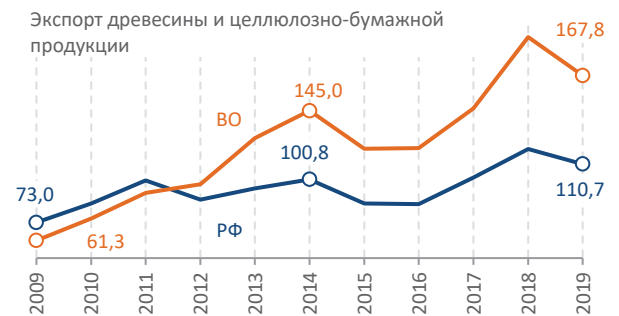
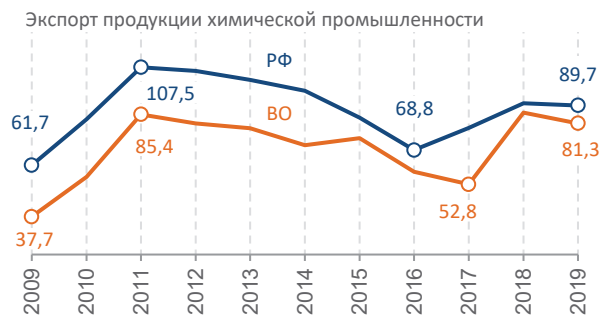
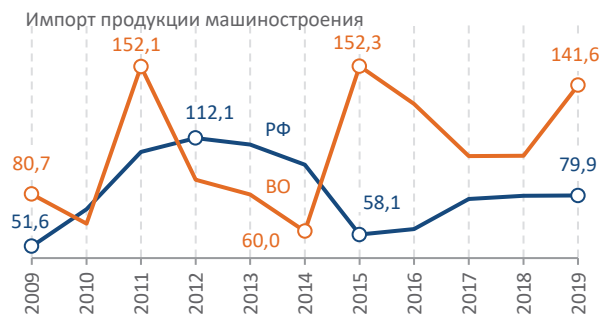
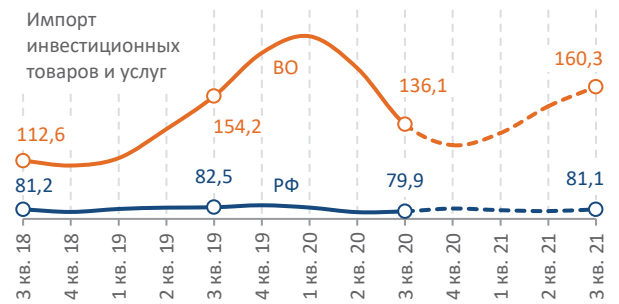
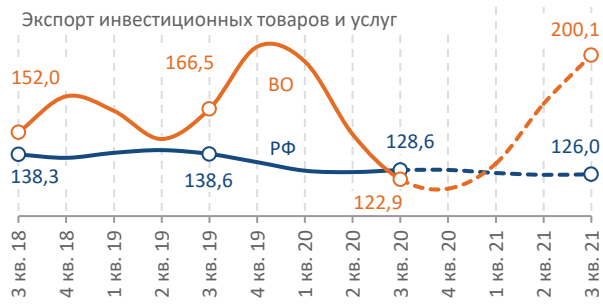
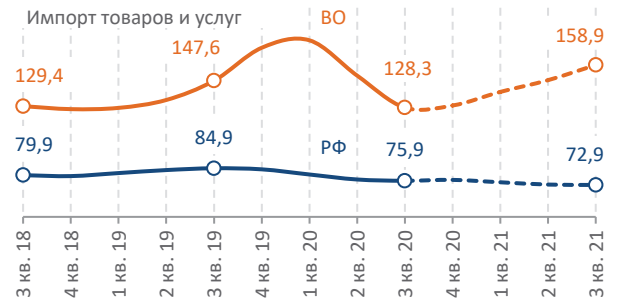
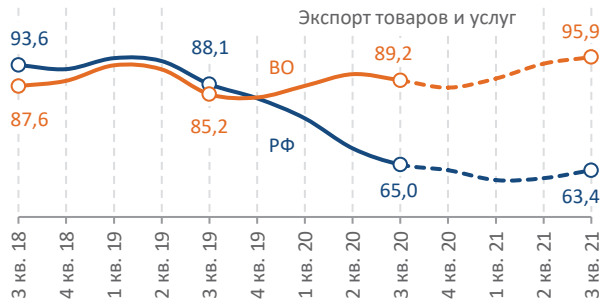
Тренды образования доходов в экономике в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития потребительского рынка, строительства и инвестиций в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды внешней торговли в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

Во **внешнеторговом секторе** экономики отмечается тенденция к замедлению активности.

❖ Экспорт товаров и услуг из России снизился на 22,3% (табл. 9–11). Важную роль в этом сыграло падение более чем на треть цен на ключевые сырьевые товары: на природный газ – на 37,3%, нефть – на 33,7%. Мировые цены на важнейшие экспортируемые товары Вологодской области снижались значительно медленнее (на фосфатные удобрения – на 4,4%, металлопрокат – на 9,3%), вследствие чего объем экспорта в регионе сократился лишь на 2,4%.

Отраслевая динамика российского экспорта в целом изменялась негативно: экспорт древесины и целлюлозно-бумажной продукции снизился на 5,4% (Вологодской области – вырос на 0,6%). Экспорт металлопроката и металлических изделий из России сократился на 16,2% (в Вологодской области – на 2,7%). Экспорт продукции химической промышленности в среднем по стране уменьшился на 12,9% (в Вологодской области – на 9,6%). При этом отмечен рост продовольственного экспорта на 14,3% (в Вологодской области – на 29,8%).

❖ Импорт в Россию сократился на 6,4%. При этом в Вологодской области объем импорта остался на прежнем уровне. Ключевым импортируемым товаром выступает продукция машиностроения. В январе – сентябре ее объем в целом по стране снизился на 4,9%. Наибольшее снижение отмечено в товарной группе «Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности» (30%, или 5,3 млрд долл., что составляет 86% от всего сокращения объема импорта машиностроения). В Вологодской области отмечен рост показателя на 32,7%. Увеличилась и доля машиностроительной продукции в общем объеме импорта: на 1 п. п. в целом по стране (до 46,8%) и на 9 п. п. в Вологодской области (до 57,4%).

Таблица 9. Динамика внешней торговли, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.
Экспорт инвестиционных товаров					
РФ	99,2	96,0	99,0	86,3	89,0
ВО	92,2	106,1	133,3	104,7	100,1
Импорт инвестиционных товаров					
РФ	97,1	100,0	101,8	93,6	95,1
ВО	126,0	135,6	185,5	153,2	125,3
	11 мес. 2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	11 мес. 2020 г.
Экспорт товаров и услуг					
РФ	94,3	85,5	77,1	76,6	77,7
ВО	92,2	96,0	99,3	98,2	97,6
РКа	84,7	40,6	51,3	67,1	68,5
РКо	100,7	87,9	83,2	81,6	79,9
АО	68,8	98,1	76,4	78,9	97,3
МО	113,2	164,8	109,1	105,0	100,8
Импорт товаров и услуг					
РФ	101,9	100,1	93,6	93,1	93,6
ВО	112,4	149,9	129,8	110,9	100,0
РКа	95,0	90,5	99,9	100,2	103,4
РКо	72,6	90,3	101,0	86,9	79,9
АО	120,8	185,5	63,3	63,3	75,6
МО	98,5	133,1	118,5	93,5	97,9
Мировые цены на товары					
Нефть	87,9	81,1	63,2	65,5	66,3
Газ	63,0	50,2	47,0	54,5	62,3
Мет.	88,4	87,8	89,0	88,4	90,7
ФУ	81,1	76,4	79,3	88,5	95,6

**Таблица 10. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну
(на начало января соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Единица измерения	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2021 г., %	
					к 2020 г.	к 2019 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	908	583	666	155,7	136,4
Лист оцинкованный	долл. США	928	630	708	147,2	131,1
Лист горячекатаный	долл. США	800	488	576	163,9	139,0
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	703	505	571	139,1	123,0
Конструкционные профили	долл. США	805	668	769	120,5	104,7
Сортовой прокат	долл. США	780	698	717	111,7	108,9

**Таблица 11. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну
(на начало января соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Единица измерения	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2021 г., %	
					к 2020 г.	к 2019 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	81235	49046	49640	165,6	163,6
Лист оцинкованный	руб.	110182	55628	60984	198,1	180,7
Лист горячекатаный	руб.	65887	41607	44041	158,4	149,6
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	64531	34755	41413	185,7	155,8
Балка и швеллер	руб.	66694	46018	49251	144,9	135,4
Круг	руб.	71354	36214	40582	197,0	175,8
Уголок	руб.	62952	38841	41144	162,1	153,0

Оценка последствий COVID-19 для экономики

Одним из опережающих экономических индикаторов, характеризующих состояние делового климата в стране, является индекс предпринимательской уверенности (ИПУ). Этот показатель иллюстрирует ожидания бизнеса и дает примерное представление о предстоящих изменениях в национальной экономике. Его результаты основываются на балансе оценок фактически сложившихся уровней спроса, запасов готовой продукции, а также ожидаемого выпуска продукции. В декабре 2020 года ИПУ в добывающей промышленности снизился на 4,3% относительно декабря 2019 года, в обрабатывающей – на 7,3% (рис. 2). Наимень-

шая предпринимательская уверенность по-прежнему сохраняется в строительном сегменте. Согласно ожиданиям руководителей организаций спрос на продукцию (портфель заказов) в декабре 2020 года снизился на 26% в добывающей промышленности и на 34% – в обрабатывающей.

В целом в январе – ноябре 2020 года российская экономика пережила глубокий спад, к чему привело множество негативных факторов: сохранилась и усилилась неблагоприятная эпидемиологическая обстановка, из-за напряженности в мировой торговле существенно снизились цены на ключевые товары. Это, в совокупности с внутренними процессами, спровоцировало частичную переориентацию экономики на производство

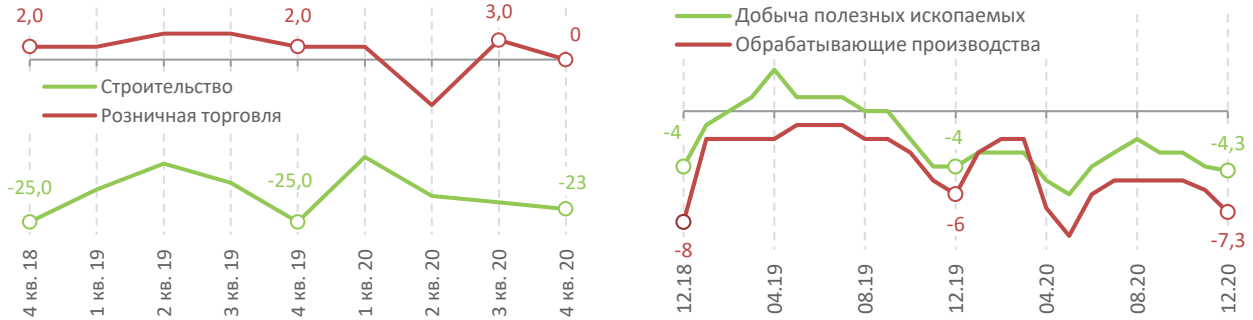

Рис. 2. Индекс предпринимательской уверенности, %

товаров менее глубокой переработки, спад потребления и сокращение производства и доходов населения и бизнеса.

В целях стимулирования восстановительного роста важными видятся поддержка и освоение производств продукции глубокой переработки в ключевых отраслях экономики, а также активная помощь населению в вопросах трудоустройства и поддержания потребительского спроса.

Источники: Росстат, Вологдастат, Федеральная таможенная служба, Федеральное казначейство, www.metaltorg.ru, metalinфо.ru, www.indexmundi.com

Материалы подготовил
М.А. Сидоров
 младший научный сотрудник
 ФГБУН ВолНЦ РАН

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ В 2020 ГОДУ

DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.10 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В ноябре – декабре 2020 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ФГБУН ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины; женщины);
- возрасту (до 30 лет; от 30 до 55 лет; старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее; среднее специальное; высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

☉ В декабре 2020 года по сравнению с октябрём 2020 года оценки социального настроения жителей области существенно не изменились: доля тех, кто характеризует свое состояние как «нормальное и прекрасное», составила 60%, удельный вес людей, испытывающих «напряжение, раздражение, страх, тоску», – 32% (табл. 1).

☑ В разрезе различных социально-демографических групп населения за последние два месяца наиболее существенное снижение индекса социального настроения наблюдалось в 20%-й группе наименее обеспечен-

ных (на 12 п., со 107 до 95 п.), среди лиц со средним и неполным средним образованием (на 9 п., со 125 до 116 п.), жителей Вологды (на 5 п., со 126 до 121 п.).

☑ При этом заметное улучшение оценок произошло в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 11 п., со 146 до 157 п.).

Оценки запаса терпения в среднем по региону сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 70%, удельный вес жителей области, заявляющих, что

Для цитирования: Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в 2020 году // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 169–178. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.10

For citation: Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Monitoring of the social well-being of Vologda Oblast residents in 2020. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 169–178. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.10

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области*, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	2019	2020	Окт. 2019	Дек. 2019	Февр. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Изменение (+/-), 2020 к		
																2019	2021
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	69,9	61,0	70,3	69,7	66,9	56,5	60,8	59,9	-9	-2	-3
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,8	28,9	27,0	24,2	23,1	24,5	30,4	24,0	25,0	26,7	32,0	31,2	31,5	+6	+2	+3
	Индекс социального настроения	135,8	134,2	140,3	146,2	148,2	145,5	130,7	146,3	144,7	140,2	124,5	129,6	128,4	-15	-4	-5
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	77,7	77,1	77,0	72,3	77,8	78,4	75,2	72,6	71,7	69,8	-5	-3	-2
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	13,6	15,3	15,8	15,8	16,3	17,2	19,9	17,2	16,7	18,9	19,6	20,2	20,9	+3	+5	+6
	Индекс запаса терпения	160,5	159,5	160,8	162,0	160,8	158,8	152,5	160,6	161,7	156,3	153,0	151,5	148,9	-6	-7	-8

2007 год – последний год II президентского срока В.В. Путина; 2011 год – последний год президентства Д.А. Медведева.
 2007, 2011, 2012, 2017, 2018, 2019 гг. – среднегодовые данные.
 * Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

«терпеть бедственное положение уже невозможно», – 21%. Наиболее значительное повышение индекса запаса терпения в октябре – декабре 2020 года отмечалось среди жителей области с высшим образованием (на 9 п., со 146 до 155 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 7 п., со 166 до 173 п.); понижение – в возрастных группах до 30 лет и от 30 до 55 лет (на 6 п., со 157 до 151 п. и со 154 до 148 п. соответственно), среди лиц со средним и средним специальным образованием (на 8 и 7 п., со 150 до 142 п. и со 157 до 150 п. соответственно).

 В 2020 году по сравнению с 2019 годом показатели социального самочувствия существенно ухудшились: индекс социального настроения сократился на 15 п. (со 146 до 131 п.), индекс запаса терпения снизился на 6 п. (со 159 до 153 п.).

В динамике самооценок материального положения за период с октября по декабрь 2020 года произошли неоднозначные изменения: размер фактического дохода снизился среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в 20%-ю категорию наименее обеспеченных – с 7778 до 7560 руб.; увеличился – в 60%-й группе среднеобеспеченных (с 14004 до 14298 руб.) и 20%-й группе наиболее обеспеченных (с 27381 до 29231 руб.).

 В 2020 году по сравнению с 2019 годом среднедушевой доход существенно не изменился во всех категориях, выделенных по самооценкам доходов на одного члена семьи (табл. 2).

 В период с октября по декабрь 2020 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 10%, отрицательных – на уровне 33 и 38% (табл. 3). В разрезе социально-демографических категорий населения наиболее существенные негативные изменения в оценках экономической ситуации в стране и регионе наблюдались в 20%-й группе наименее обеспеченных жителей (на 11 и 7 п., с 64 до 53 п. и с 48 до 41 п. соответственно).

 Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его «хорошим», сохранился на уровне 8%, негативные суждения высказывали 34% жителей региона. В разрезе социально-демографических групп населения заметное ухудшение ситуации наблюдалось в возрастной группе до 30 лет (индекс снизился на 9 п., с 79 до 70 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 9 п., с 57 до 48 п.),

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2007	2011	2012	2017	2018	2019	2020	Окт. 2019	Дек. 2019	Февр. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Изменение (+/-), 2020 к		
														2019	2011	2007
Доход на одного члена семьи, руб.																
20% наименее обеспеченных	2086	3905	4330	5584	6598	7792	7546	7426	8641	8082	6765	7778	7560	-246	+3641	+5460
60% средне-обеспеченных	4633	8425	9293	12154	13245	14113	14031	14349	14249	13961	13860	14004	14298	-82	+5606	+9398
20% наиболее обеспеченных	11218	17637	19907	25360	27428	28267	28207	28701	29147	28751	27463	27381	29231	-60	+10570	+16989
Среднее по области	5440	9363	10425	13479	14752	15686	15570	15837	16110	15743	15163	15436	15937	-116	+6207	+10130
Прожиточный минимум*, руб.	3765	6514	6563	10511	10658	11042	11509	11391	11091	11091	11767	11767	11811	+467	+4995	+7744
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																
20% наименее обеспеченных	0,6	0,6	0,7	0,5	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7	0,6	0,7	0,6	0	+0,1	+0,1
60% средне-обеспеченных	1,2	1,3	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2	-0,1	-0,1	0
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,7	3,0	2,4	2,6	2,6	2,5	2,5	2,6	2,6	2,3	2,3	2,5	-0,1	-0,2	-0,5
Среднее по области	1,4	1,4	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	1,5	1,4	1,3	1,3	1,3	0	0	0

* Данные о величине прожиточного минимума актуальны на момент проведения мониторинга. Источник: Постановление Правительства «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области»; Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru>

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2017	2018	2019	2020	Окт. 2019	Дек. 2019	Февр. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Изменение (+/-), 2020 к		
														2019	2011	2007
Экономическое положение России																
Хорошее	20,9	10,0	10,7	11,5	14,4	14,6	11,7	14,7	14,3	14,5	10,5	11,3	10,3	-3	+2	-9
Среднее	49,2	49,7	51,2	41,6	43,9	44,6	42,9	41,9	44,8	44,9	43,7	41,9	41,0	-2	-7	-6
Плохое	15,0	28,5	25,5	32,2	27,2	26,1	31,1	26,2	27,8	28,3	30,7	32,1	33,1	+5	+3	+16
Индекс	105,9	81,5	85,2	79,4	87,2	88,6	80,6	88,5	86,5	86,2	79,8	79,2	77,2	-8	-1	-25
Экономическое положение области																
Хорошее	22,5	10,4	9,9	9,5	11,8	11,5	10,8	12,1	11,9	12,5	10,7	10,3	9,7	-1	0	-12
Среднее	49,5	48,2	49,4	36,9	39,2	41,3	38,3	40,3	39,9	39,9	38,7	37,2	37,2	-3	-10	-11
Плохое	14,2	30,2	29,4	39,5	36,9	34,9	36,9	32,1	34,8	34,5	36,9	37,8	38,2	+2	+7	+23
Индекс	108,3	80,2	80,5	70,0	74,9	76,6	73,9	80,0	77,1	78,0	73,8	72,5	71,4	-3	-6	-34
Материальное положение семьи																
Хорошее	14,7	9,6	10,1	10,7	11,8	10,2	9,2	9,7	10,0	10,1	9,1	9,3	8,4	-1	0	-6
Среднее	52,7	50,3	54,2	49,7	48,7	50,1	46,2	50,0	50,0	47,8	44,5	45,6	47,0	-4	-4	-7
Плохое	22,2	29,8	27,4	31,9	30,2	29,7	33,0	29,1	29,1	30,5	33,9	33,9	33,7	+3	+3	+11
Индекс	92,5	79,8	82,7	78,8	81,6	80,4	76,2	80,6	80,9	79,6	75,2	75,4	74,7	-4	-4	-16

среди лиц, имеющих высшее образование (на 6 п., с 83 до 77 п.).

❖ В 2020 году по сравнению с 2019 годом мнения жителей области об экономике России и области ухудшились: соответствующие индексы уменьшились на 8 и 3 п. (с 89 до 81 п. и с 77 до 74 п. соответственно). Индекс

материального благополучия семьи снизился на 4 п. (с 80 до 76 п.).

☉ За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России существенно не изменился: доля тех, кто считает обстановку в стране «благополучной, спокойной», составляет 40%,

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2017	2018	2019	2020	Окт. 2019	Дек. 2019	Февр. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Изменение (+/-), 2020 к		
														2019	2011	2007
В России																
Благополучная, спокойная	48,4	44,1	39,8	33,9	40,4	45,0	41,0	46,6	46,5	44,1	39,3	40,7	39,7	-4	-3	-7
Напряженная, критическая, взрывоопасная	34,1	37,8	43,2	49,3	45,6	41,6	43,2	38,8	40,5	39,5	43,9	44,5	44,9	+2	+5	+9
Индекс	114,3	106,3	96,6	84,6	94,8	103,5	97,8	107,8	106,0	104,6	95,4	96,2	94,8	-6	-9	-17
В области																
Благополучная, спокойная	60,1	51,8	51,8	52,0	54,9	58,0	53,9	59,3	57,9	56,6	52,9	53,3	52,8	-4	+2	-6
Напряженная, критическая, взрывоопасная	24,7	26,5	31,8	33,8	33,3	31,5	32,9	29,7	31,5	31,3	33,4	33,1	33,9	+1	+6	+8
Индекс	135,4	125,3	120,0	118,2	121,6	126,4	121,0	129,6	126,4	125,3	119,3	120,2	118,9	-5	-4	-14

«напряженной, критической, взрывоопасной» – 45% (табл. 4).

❏ В разрезе социально-демографических групп оценки политической обстановки в стране ухудшились в возрастной группе до 30 лет (на 7 п., с 98 до 91 п.), среди лиц, имеющих среднее и неполное среднее образование (на 8 п., с 95 до 87 п.), ⬆️ улучшились – в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 18 п., с 88 до 106 п.), среди лиц с высшим образованием (на 8 п., с 87 до 95 п.).

⦿ В октябре – декабре 2020 года сохранились и оценки политической ситуации в регионе: доля положительных суждений составляет 53%, отрицательных – 34%.

❏ Наиболее существенные негативные тенденции относительно политической ситуации в области фиксируются в возрастной группе до 30 лет (на 12 п., со 124 до 112 п.), среди лиц со средним и неполным средним образованием (на 9 п., со 119 до 110 п.), среди представителей 20%-й группы наименее обеспеченных (на 7 п., со 100 до 93 п.), ⬆️ позитивные – среди лиц с высшим образованием (на 10 п., со 110 до 120 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 5 п., со 130 до 135 п.).

❏ В 2020 году по сравнению с 2019 годом оценки политической ситуации в стране и регионе стали менее благоприятными: соответствующие индексы сократились на 6 и 5 п. (со 104 до 98 и со 126 до 121 п. соответственно).

Резюме

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в октябре – декабре 2020 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном самочувствии жителей Вологодской области не произошло существенных изменений:

- на прежнем уровне сохранились оценки экономической ситуации в стране и области (соответствующие индексы фиксировались на отметках 77 и 71 п.);

- не претерпели изменений оценки материального положения семей (75 п.);

- не произошло существенных изменений в оценках политической обстановки в России и регионе (95 и 119 п. соответственно);

- стабильными остаются показатели социального настроения (128 п.) и запаса терпения (149 п.).

В 2020 году по сравнению с 2019 годом по всем показателям мониторинга наблюдается отрицательная динамика. Негативные изменения демонстрировали следующие индексы:

- социального настроения (на 15 п., со 146 до 131 п.);

- запаса социального терпения (на 6 п., со 159 до 153 п.);

- экономического положения России и области (на 8 и 3 п., с 89 до 81 п. и с 77 до 74 п. соответственно);

- материального благополучия семьи (на 4 п., с 80 до 76 п.);

– политической обстановки в стране и регионе (на 6 и 5 п., со 104 до 98 и со 126 до 121 п. соответственно).

В распределении по социально-демографическим группам наиболее заметные негативные тенденции в 2020 году по сравнению с 2019 годом отмечались в следующих категориях:

– в зависимости от возраста – в группе до 30 лет (индексы социального настроения и запаса терпения снизились на 23 и 13 п., оценки экономической ситуации в стране и регионе ухудшились на 10 и 7 п., индексы политической обстановки в России и области сократились на 8 и 6 п. соответственно);

– в зависимости от уровня образования – среди жителей области со средним специальным образованием (индексы социального настроения и запаса терпения снизились на 15 и 10 п., оценки экономической ситуации в стране и регионе ухудшились на 11 и 5 п., индексы политической обстановки в России и области сократились на 9 и 8 п. соответственно, индекс материального положения уменьшился на 6 п.);

– в зависимости от уровня доходов – в 60%-й группе среднеобеспеченных жителей региона (индексы социального настроения и запаса терпения снизились на 15 и 9 п., оценки экономической ситуации в стране и регионе ухудшились на 9 и 5 п.), а также в 20%-й группе наименее обеспеченных (индекс социального настроения уменьшился на 15 п., индексы политической обстановки в России и области сократились на 10 и 9 п. соответственно);

– в территориальном разрезе – среди жителей Череповца (индексы социального настроения и запаса терпения снизились на 19 и 11 п., оценки экономической ситуации в стране и регионе ухудшились на 9 и 7 п., индекс политической обстановки в области сократился на 8 п.).

Ухудшение социального самочувствия населения за последний год происходило на фоне пандемии коронавируса и связанных с ней негативных процессов в различных сферах жизнедеятельности обще-

ства. Последствия пандемии и карантинных ограничений оказали существенное влияние не только на социально-экономическое развитие территории, реальный уровень и качество жизни населения, но и на субъективные оценки людьми различных аспектов личной и общественной жизни. По мнению экспертов Левада-Центра, «пандемия стала катализатором негативных настроений, растущих с 2018 года.... Она проявила накопившиеся проблемы российского общества и его отношений с государством»¹.

Результаты социологических измерений ФГБУН ВолНЦ РАН по большинству позиций коррелируют с данными общероссийских исследований, которые демонстрируют преобладание негативных оценок различных сторон общественной жизни в 2020 году и итогов года в целом. Так, по результатам опросов ВЦИОМ большинство россиян расценивают 2020 год как трудный и тяжелый для страны (88%) и лично для себя и своей семьи (66%). Более половины граждан согласны с тем, что в этом году было больше плохого, чем от него ожидали (67%). В результате индекс личных итогов года в 2020 году составил -33 п. (против 9 п. в 2019), индекс итогов года для страны в целом – -80 п. (в допандемические годы от -55 до 37 п.)². Аналогичные оценки демонстрируют и социологические измерения Левада-Центра: впервые с 1991 года 88% россиян назвали уходящий год более трудным для страны, чем предыдущий. 65% считают его более тяжелым, чем предыдущий, для себя и своих семей (наивысший показатель с 1998 года). По мнению экспертов, это самые плохие оценки за последние 20 лет. Большинство россиян отмечают ухудшения в общем уровне жизни (64%), работе образовательных учреждений (60%), деятельности медицинских учреждений (57%), возможностях хорошо зарабатывать (59%), справедливом распределении материальных благ (38%), состоянии окружающей

¹ Гудков Л. Итоги года в общественном мнении России: события и люди. URL: <http://www.levada.ru>

² Итоги 2020-го: события, люди, оценки, ожидания от 2021-го. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor>

среды (44%), отношениях со странами НАТО (45%)³.

Стабилизацию и постепенное улучшение субъективных оценок населения эксперты ВЦИОМ во многом обуславливают позитивными ожиданиями россиян на будущее. Граждане возлагают надежды на 2021-й год и чаще ожидают перемен к лучшему: более половины респондентов (70%) полагают, что год будет удачным или хорошим для них лично, 47% – для страны, 40% – для мира в целом. Основные позитивные ожидания от следующего года связаны с улучшением ситуации с пандемией коронавируса, эконо-

мическим развитием и выходом из кризиса, повышением доходов и уровня жизни, снижением цен⁴. От эффективности деятельности властей в этих направлениях во многом будет зависеть дальнейшая динамика общественного мнения, информацию о которой представят следующие этапы социологических измерений ФГБУН ВолНЦ РАН.

Материал подготовили

И.Н. Дементьева

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

³ Гудков Л. Итоги года в общественном мнении России: события и люди. URL: <http://www.levada.ru>

⁴ Чего мы ждем от 2021 года? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor>

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

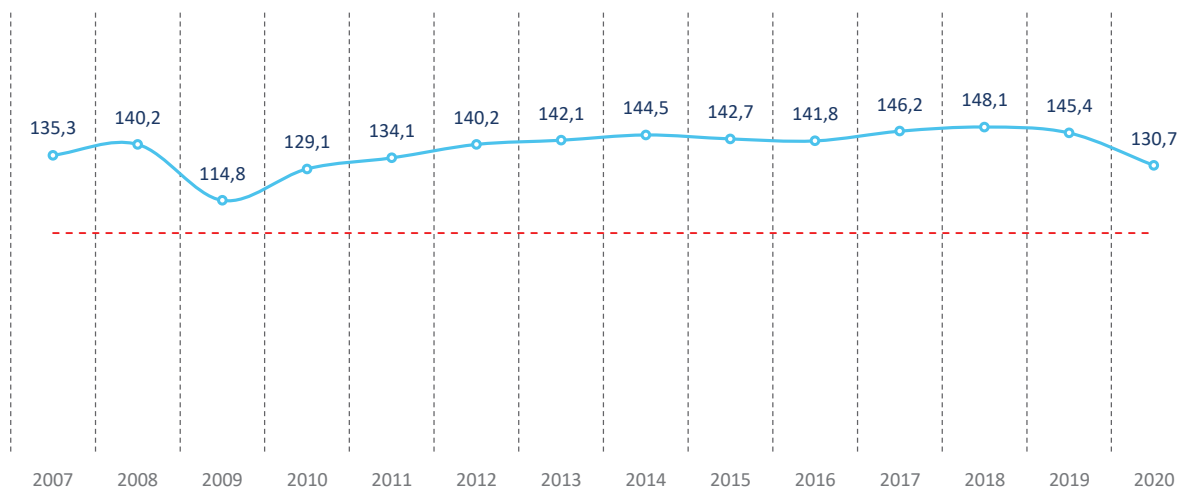

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

В 2020 году индекс социального настроения жителей Вологодской области значительно снизился. По сравнению с 2019 годом он уменьшился на 14 пунктов (со 145 до 131 п.). Такого низкого значения не отмечалось с 2011 года.

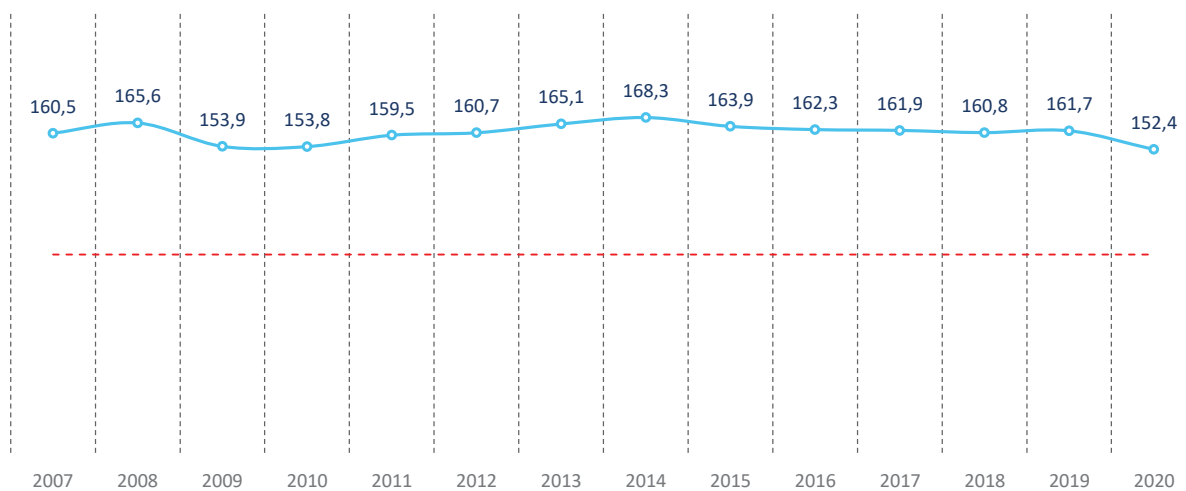

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

В 2020 году индекс запаса терпения жителей Вологодской области составлял 152 пункта. Это самый низкий показатель за представленный период. По сравнению с 2019 годом он сократился на 10 пунктов (со 162 до 152 п.).

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (- - -).

Представлены данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

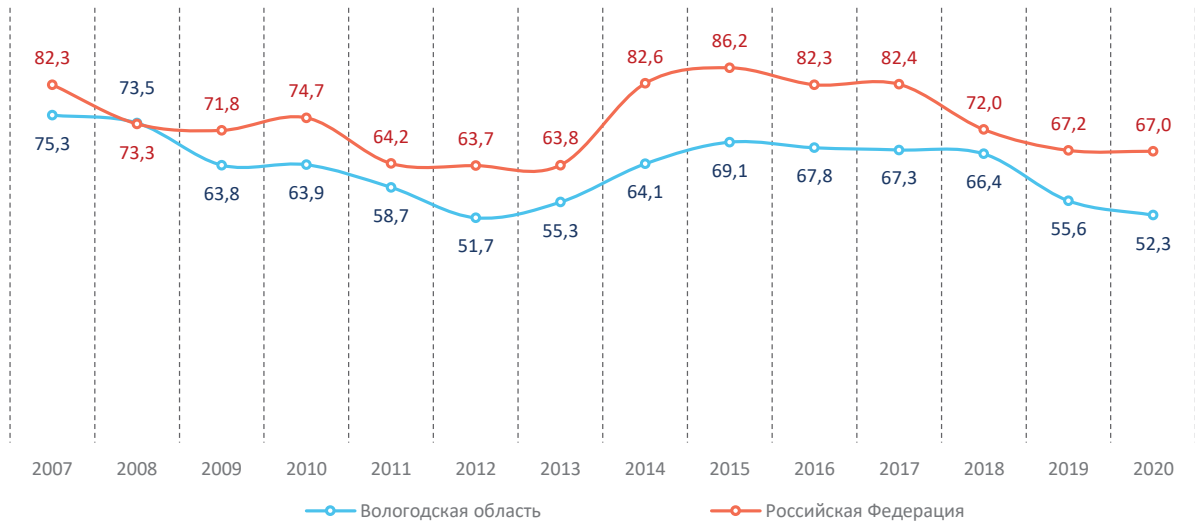

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

В 2020 году по сравнению с 2019 годом уровень одобрения деятельности Президента РФ жителями Вологодской области снизился на 4 п. п. (с 56 до 52%). В целом по России доля населения, одобряющего работу главы государства, не изменилась и составляет 67%.

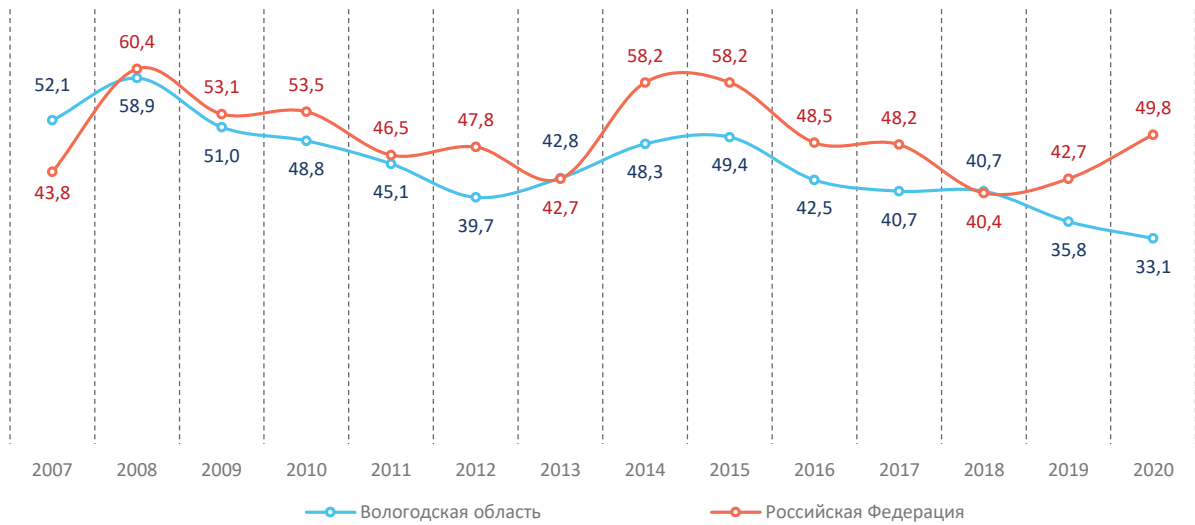

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

За 2020 год по сравнению с 2019 годом доля населения Вологодской области, одобряющего деятельность Правительства РФ, снизилась на 3 п. п. (с 36 до 33%). В целом по стране данный показатель поднялся на 7 п. п. (с 43 до 50%).

Здесь и далее: Вологодская область – данные ФГБУН ВолНИЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра (<http://www.levada.ru>).

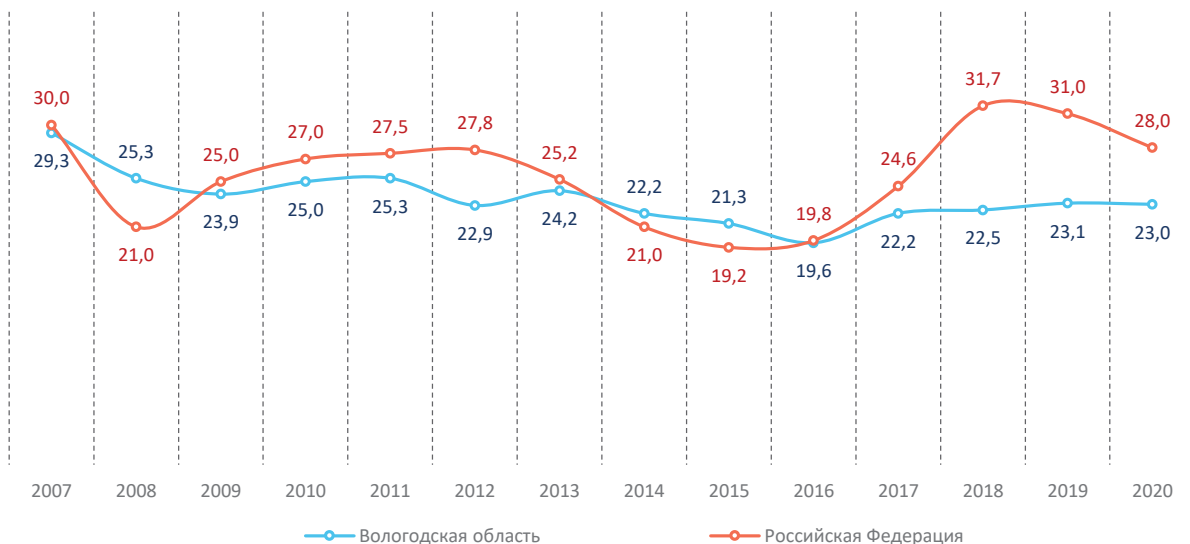

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

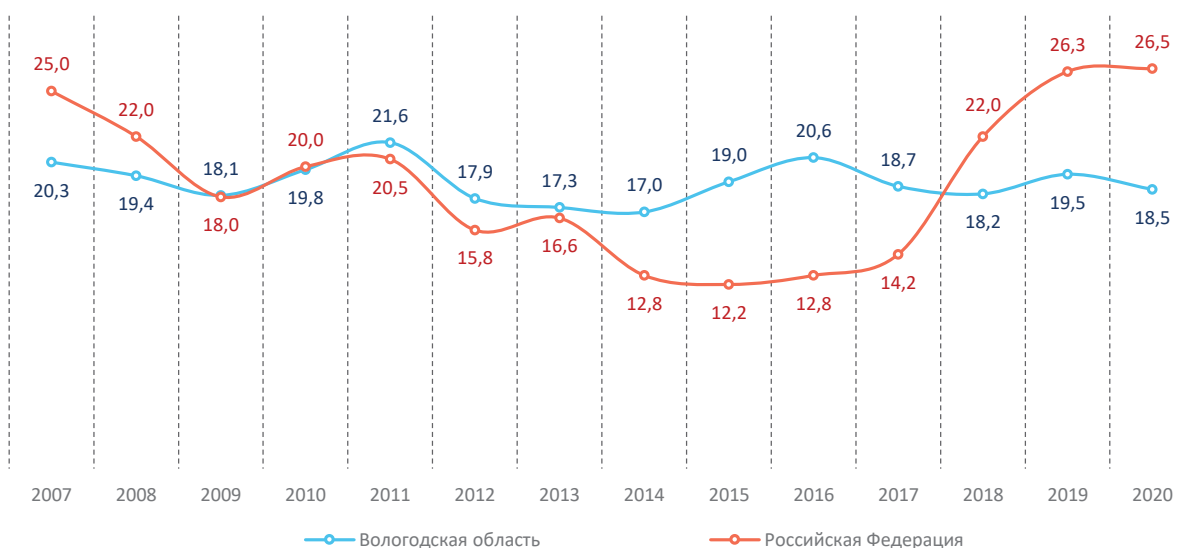

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

За прошедший год доля населения Вологодской области, отмечающего вероятность протестных выступлений и возможность своего участия в них, не изменилась и осталась на уровне значений 2019 года (23 и 20–19% соответственно). В целом по России также не наблюдается ухудшения оценок социальной напряженности.

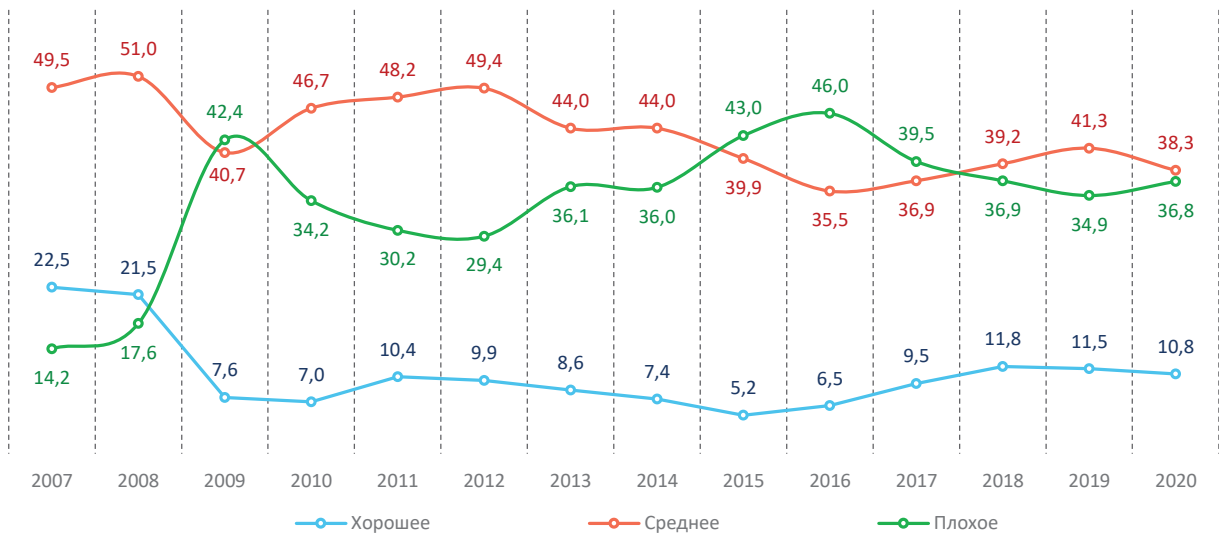

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

В 2020 году оценки экономического положения области жителями региона не претерпели существенных изменений. Удельный вес положительных и отрицательных характеристик остался на уровне 2019 года (12–11 и 35–37% соответственно), нейтральных – незначительно снизился: с 41 до 38%.

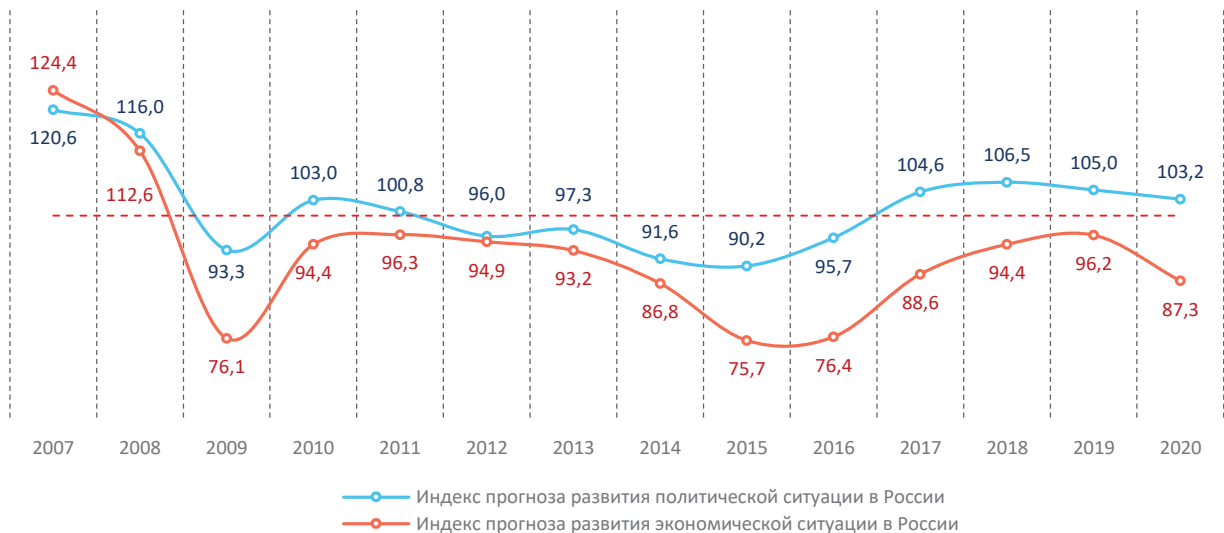

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

В период с 2019 по 2020 год индекс прогноза развития политической ситуации в России существенно не изменился и составляет 105–103 п. соответственно. Значение индекса прогноза развития экономической ситуации в стране претерпело негативные изменения, снизившись на 9 пунктов (с 96 до 87 п.).

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

С ЗАСЕДАНИЙ УЧЕНОГО СОВЕТА

23 декабря 2020 года состоялось заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН, на котором было представлено сообщение заместителя заведующего отделом, заведующего лабораторией моделирования и прогнозирования социально-экономического развития территорий, ведущего научного сотрудника канд. экон. наук Евгения Владимировича Лукина «Цепочки создания стоимости в российской экономике: проблемы и перспективы развития».

В своем выступлении Евгений Владимирович обосновал актуальность изучения цепочек создания стоимости (ЦСС), обозначил цели и задачи исследования, представил теоретико-методологическую основу и методику научной работы. Далее докладчик описал основной методический инструментарий исследования, отраслевую и территориальную фрагментацию производства в России, рассказал о перспективах и оценке эффектов от трансформаций российских ЦСС, экономической политике в части развития ЦСС.

Среди перспектив развития данного научного направления в Вологодском научном центре РАН Евгений Владимирович выделил следующие:

1) создание отсутствующих в официальной статистике региональных межотраслевых балансов СЗФО;

2) на основе разработанных межотраслевых балансов – создание многорегиональной межотраслевой модели, которая позволит анализировать, моделировать и прогнозировать социально-экономическое развитие регионов Европейского Севера России во взаимосвязи друг с другом и другими субъектами Федерации; рассматривать влияние различных факторов, в том числе трансформации ЦСС, на региональные экономики;

3) совершенствование агент-ориентированной модели функционирования межрегиональных ЦСС в части учета пространственного аспекта в исследовании экономических процессов;

4) продолжение работ по идентификации и оценке существующих и проектированию перспективных межрегиональных цепочек создания стоимости;

5) разработка научно-методических основ формирования системы управления трансформацией ЦСС в региональной экономике; совершенствование инструментария моделирования, позволяющего обосновать

вызвать региональную экономическую политику как на уровне экономики в целом, так и в рамках межотраслевых взаимодействий отраслевых комплексов и видов экономической деятельности;

6) коммерциализация и продвижение результатов проводимых исследований в практику государственного управления;

7) подготовка монографии по итогам реализации гранта РФФИ № 19-010-00709 «Моделирование и проектирование межре-

гиональных цепочек добавленной стоимости на основе методологии межотраслевого баланса».

В обсуждении материалов доклада приняли активное участие д-р экон. наук, профессор В.А. Ильин, д-р экон. наук А.А. Шабунова, д-р экон. наук Е.С. Губанова., д-р экон. наук, профессор Т.В. Ускова.

Материал подготовила
А.А. Чудимова

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Мазилев Е.А., Шэн Фанфу. Научно-технологическое развитие: опыт России и Китая: монография. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. 150 с.

Издание подготовлено в рамках государственного задания ФГБУН ВолНЦ РАН № 0168-2019-0007 «Обеспечение конкурентоспособности регионов в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики».

В монографии представлены результаты исследований по вопросам научно-технологического развития России и Китая. Авторами исследованы теоретические основы рассматриваемой проблемы, методические аспекты проведения международных сравнений научно-технологического потенциала. Сделаны выводы о научно-технологическом развитии России и Китая. Рассмотрены системы стимулирования исследований и разработок двух стран, представлены перспективы их сотрудничества в научно-технологическом направлении.

Книга предназначена для работников органов власти и управления, научных сотрудников, аспирантов и студентов, а также всех интересующихся вопросами научно-технологического развития России и Китая.

Настоящий советский человек: к 85-летию М.Ф. Сычева. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. 136 с.

Социально-экономическое развитие России и Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь»: мат-лы рос.-кит. науч.-практ. конф., г. Вологда, 28–29 ноября 2019 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. 110 с.

В сборнике представлены материалы российско-китайской научно-практической конференции по проблемам развития территорий России и Китая на тему социально-экономического развития России и Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (г. Вологда, 28–29 ноября 2019 года).

Ежегодно в рамках сотрудничества между Вологодским научным центром РАН и Академией общественных наук провинции Цзянси проводятся семинары и конференции. Целью мероприятий является совместное обсуждение актуальных вопросов развития регионов двух стран, обмен опытом в решении актуальных экономических и социальных проблем.

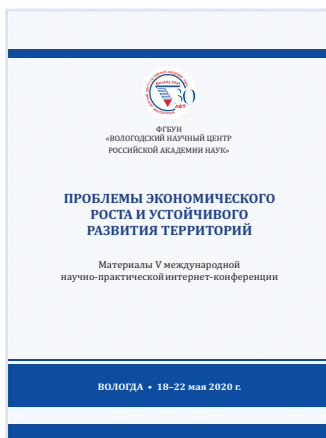
Сборник предназначен для ученых и практиков, преподавателей, аспирантов и студентов, интересующихся проблематикой регионального развития, межрегионального и международного сотрудничества.

Экология и общество: баланс интересов: сб. тезисов докладов участников Рос. науч. форума, г. Вологда, 16–20 ноября 2020 года / отв. ред. А.А. Шабунова. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. 420 с.

В сборнике собраны материалы докладов участников Российского научного форума «Экология и общество: баланс интересов», организованного Вологодским научным центром РАН при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Вологда, 16–20 ноября 2020 года) в рамках Федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы».

Сборник адресован научным работникам, экологам, экономистам, социологам, специалистам в области государственного управления, представителям бизнеса, а также преподавателям вузов, студентам, магистрантам, аспирантам и всем, кто интересуется проблемами экологизации экономики и общества.

Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: мат-лы V междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 18–22 мая 2020 г.): в 2 ч. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020.

В сборнике представлены материалы V международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий», проходившей в г. Вологде 18–22 мая 2020 года.

Участие в конференции приняли экономисты из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. В представленных работах обсуждаются проблемы социально-экономического развития и управления территориальными и производственными системами, проблемы повышения эффективности государственного и муниципального управления, проблемы и перспективы развития малого предпринимательства и другие. Затрагиваются вопросы формирования цепочек добавленной стоимости в экономике. Рассматриваются проблемы рационального пространственного распределения экономических ресурсов, тенденции, проблемы и перспективы развития отраслевых комплексов. Освещаются аспекты совершенствования системы управления доходами и расходами бюджетов и внебюджетных фондов, эффективности страховой и банковской систем как источников инвестиционных ресурсов для развития территорий.

Сборник предназначен для научных работников, экономистов, преподавателей, студентов и аспирантов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности и всех интересующихся проблемами экономического роста России.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (ptd@volnc.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля:** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт:** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация:** номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи**

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

■ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

■ Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на журнал «Проблемы развития территории» в отделении ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318) либо на сайте <http://www.akc.ru>

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 29.01.2021.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21.86. Тираж 500 экз. Заказ № 2
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru